

РУБИНОВЫЙ ЛЕС

Анастасия
Гор

Анастасия Гор
Рубиновый лес
Серия «Young Adult.
Книжный бунт. Фантастика»
Серия «Рубиновый лес», книга 1

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68923185

Рубиновый лес: Эксмо; М; 2023
ISBN 978-5-04-184246-8

Аннотация

Солярис – молодой дракон, которому Старшие поручили отомстить за гибель тысячи детенышей и принести смерть в королевский дом. Он был уверен, что разделается с новорожденной принцессой людей без колебаний, но ошибся. Схваченный стражей у ее колыбели, Сол был навеки проклят и привязан к принцессе Рубин нерушимыми узами. Теперь он способен летать лишь вместе с ней в качестве наездницы.

Спустя семнадцать лет на границе туатов появляется таинственный красный туман, в котором люди исчезают целыми поселениями. Почти совершеннолетняя принцесса Рубин, как наследница трона, обязана уничтожить страшную напасть. Ради этого Солу и Руби предстоит вернуться к самому началу и

распутать клубок интриг обоих народов, чтобы узнать, почему Красный туман уже не остановить.

Великолепная история от Анастасии Гор, создательницы популярной трилогии «Ковен озера Шамплейн».

Принцесса, любимая дочь сурового правителя, и своевольный дракон, прикованный к ней проклятием – тандем, который способен на все. Героям предстоит совершить отчаянное путешествие на другой конец света, попасть в город драконов и стать частью сложной головоломки, создатель которой пока что остается в тени.

Сеттинг скандинавского Средневековья, где в каминах величественного замка полыхает огонь, а от стен отражается эхо проклятия вёльвы. Мир, в котором драконы жили бок о бок с людьми, в котором боги могут даровать свое благословение смертным, в котором появился беспощадный Красный туман.

Издание дополнено внутренними иллюстрациями с героями от художницы ultraharmonica.

Содержание

Пролог	7
1	16
2	57
3	101
4	159
Конец ознакомительного фрагмента.	184

Анастасия Гор Рубиновый лес

© Гор А., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

*Посвящается моему папе, который научил
короля Оникса безмерно любить свою дочь, а
Медвежьего Стража – защищать слабых. Мы
встретимся в Надлунном мире.*

Пролог

Половину жизни Солярис считал, что ненавидит людей. Эта ненависть началась с молока.

– Ты будешь пить, братик?

Юта смотрел на него глазами, полными надежды, и давился голодной слюной так, будто не видел еды месяцами. Несмотря на то что домашний стол всегда ломился от сахарного тростника, инжирных пирогов и прочих сладостей, ничто не могло превзойти вкуса топлёного молока, на поверхности которого ещё плавали несцеженные сливки. Солярис прекрасно знал это, ведь знаменитая драконья слабость к молоку не обошла стороной и его. Однако он караулил разноцветные телеги купцов у главных ворот и отстаивал длинные очереди вовсе не ради себя, а ради того, чтобы сказать:

– Нет, я ведь купил его для тебя.

Юта ахнул и, поколебавшись лишь секунду для приличия, жадно приник ртом к тонкому горлышку, выхватив у Соляриса бурдюк. С его вылупления прошло всего-навсего несколько лет, потому он легко забывался от восторга: внезапно отращивал хвост в приступах радости, а иногда и вовсе не мог совладать с собственными конечностями, будто впервые принял человеческий облик.

Вот и сейчас молоко залило ему всё лицо, скатываясь под ворот рубахи жемчужными каплями, на что Сол рассмеялся,

доставая платок: если он вернёт младшего брата в таком виде домой, то им обоим несдобровать!

– И всё-таки люди готовят самое вкусное топлёное молоко на свете, – воссиял Юта, быстро опустошив бурдюк почти до самого дна. – Как хорошо, что они привозят его к нам в Сердце!

Драконий город под названием Сердце существовал больше десяти тысяч лет и, словно настоящее сердце, что билось в груди каждого живого существа, никогда не умолкал. Здесь трещали раскалённые угли под ступнями сородичей, кружащихся в танце, и пахло острыми специями, привезёнными из далёких краёв. Здесь каждый второй норовил напоить тебя медовухой, а каждый третий приходился тебе дальней роднёй. Здесь вращались искусные механизмы, изобретённые Старшими, и сгорали пёстрые ткани, не выдерживая внутреннего жара тех, кто был в них одет. Здесь ковалось лучшее в мире оружие и эхом пела свирель, будящая раньше рассвета. А ещё здесь можно было купить всё на свете от самого дорогого дейдрейанского льна до вкуснейшего топлёного молока.

Всё это существовало столетиями... Но исчезло за одну ночь.

– Братик... Мне что-то нехорошо...

По лицу Юты больше не текло молоко – по нему текла кровь. Солярис судорожно искал на теле брата раны, но их не было – кровоточил сам Юта, везде и отовсюду сразу. Тём-

но-бордовая кровь лилась у него изо рта и носа, сочилась из-под ногтей. Она пузырилась на подбородке и, капая на ступени, шипела на камнях, источая пар. Эта кровь была слишком горячей даже по меркам драконов, в чьих жилах пылал солнечный огонь: Солярис несколько раз обжёгся до волдырей, пытаясь обнять Юту за плечи и остановить то, что остановить было невозможно.

– Смотри на меня, Юта! Я здесь!

Но брат не увидел бы его, даже если бы ещё не потерял к тому моменту сознание: брызжа из-под век, кровь залила ему глаза, окрасив в алый и белки, и золото радужки. Серебряная чешуя порезала Солярису руки: в судорогах Юта лихорадочно покрывался ею то тут, то там. А затем эта чешуя вдруг порвалась на нём, как изношенная одежда, и начала отслаиваться вместе с кожей и мясом от самых костей.

– Юта!

Спустя всего несколько минут Солярис держал на руках уже не брата, а безобразное месиво. Ни лица, ни чешуи, ни золотых глаз – только мокрые язвы, мгновенно разложившаяся плоть и молоко, пролитое из бурдюка вместе с Мором. Таких бурдюков на земле всего города лежало немерено, как и маленьких окровавленных трупов в окружении плачущих матерей.

Ночь Мора, когда тысяча детёнышей сделала свой последний глоток молока, стала самой громкой ночью в истории Сердца. Впервые драконы выли, как волки, и ненавидели так

же сильно, как их, оказывается, ненавидели люди.

Больше Солярис никогда не слышал свирели и не вдыхал аромата острых специй. Всё, что окружало его с того дня, – это лязг мечей и кровь сородичей, в которой утопали тлеющие пёстрые ткани.

«Докажи, что драконов, рождённых в Рок Солнца, недаром считают особенными. Не подведи Старших. Не подведи Юту!»

Пролетая над лесом – последним, что отделяло Соляриса от замка Дейдрре, – Сол едва сдерживал тошноту: сладость бузины смешалась со смрадом смерти. Он видел горящие факелы меж заснеженных деревьев и слышал рёв, с которым драконы вгрызались в воинов королевского хирда. Несколько сородичей погибло прямо на лету, подкошенные снарядами баллист, и Солярис взмыл ввысь, под самые облака, чтобы избежать удара. Как бы он ни хотел помочь, война не его удел.

Его удел – отмщение.

Кожистые крылья отбрасывали маслянистые тени, сгущая темноту, и, слившись с ней, Солярис быстро миновал гудящий лес. Тот стал рубиновым от крови, как и его любимый город.

«Война никогда не закончится, если мы не покажем человеческому роду, каково это – терять своих детей!»

Солярису минуло всего полвека: пускай тело уже окрепло, но едва ли он смог бы задавить и лошадь. На свете жили дра-

коны гораздо крупнее, и если раньше Сол мечтал вырасти до их размеров, то теперь гордился своей худощавой комплекцией: именно она позволила ему пересечь все девять туалетов и остаться при этом незамеченным. Благодаря ей же он бесшумно приземлился на синюю крышу башни-донжона, что возвышалась над замком Столицы в туалате Дейдрре, сложил крылья и протиснулся в единственное стрельчатое окно.

Витражные стёкла посыпались с башни вместе со снегом.

Люди – жестокие, порочные звери, что хуже болезней...

Но в этом крошечном существе, которое Солярис обнаружил в центре башни, не было ни порока, ни элементарных представлений о нём. Она пахла сливками и овсяным печеньем, как сладкое лакомство в зимний Эсбат, и даже не закричала, когда он спрыгнул с широкого подоконника и приземлился перед ней на передние лапы.

Человеческий детёныш. Значит, вот как они выглядят.

В подвесной колыбели, набитой лебяжьим пухом и меховыми подстилками, лежала крохотная девочка трёх месяцев от роду. Несмотря на поздний час, она не спала, но и не плакала тоже. Лишь тянулась ручками к резным фигуркам животных из черемухи и ольхи, свисающим с жёрдочки. Светлые волосы цвета морского песка топорщились, как петушинный хохолок, а глаза оттенком напоминали васильковые лепестки. Зависший над колыбелью Солярис видел в них собственное отражение – белоснежного зверя, пышущего жаром, из-за которого в башне становилось душнее, чем в го-

родской бане, – но ничего больше. Драконы в этом возрасте не только гораздо крупнее, чем люди, но и умнее – они по крайней мере уже умеют бояться.

Солярис встрепенулся, вспомнив о том, зачем он здесь, расправил крылья и медленно занёс когтистую лапу. Дитя-то совсем мелкое, тоньше рыбьей косточки... Одного удара вполне хватит, чтобы рассечь тельце пополам, а хлёткого удара хвоста – чтобы разломать вместе с кроваткой. Острая чешуя не оставит живого места.

Люди истребляют его род – он истребляет их. Они уничтожили беззащитных детёнышей – он отвечает тем же.

Солярис повторил это про себя несколько раз.

Люди истребляют его род – он истребляет их. Они уничтожили беззащитных детёнышей – он отвечает тем же. Они совершили зло – и он... он тоже совершает зло.

Огонь мира сего, какой же в этом смысл?!

– Схватить его!

На миг Солярис перестал видеть в глазах ребёнка васильковые лепестки и своё отражение – он увидел огонь. Такой же беспощадный, как война, и такой же рубиново-красный, как та кровь, что брызнула из его крыльев и боков, которые обвила стальная цепь.

Что за скверна? Это он принёс её с собой?..

– *Сияй, мерило небесное, зажги сердца своих сыновей!*

Солярис услышал хруст своих костей, топот дюжины воинов хирда и женское пение, несущее древний сейд. В тот мо-

мент боги навсегда отвернулись от него и обернулась судьба. У неё был невинный детский лик, но жилистые женские руки, пропитанные соком священных трав и помеченные ритуальными шрамами. Эти же руки крепко держали веретено, перебирали нити и связывали их так же, как связывали души.

– Пылай, мерило небесное, согрей утробы своих дочерей!

Королевская вельва кружила вокруг Соляриса, пригвождённого к полу, – босая, погружённая в транс, заляпанная его солнечной кровью и расцвеченная ожогами от неё, как краской. Солярис узнал эту песнь – единственная существующая драконья молитва, воспетая ещё Первым Старшим, которую людям не положено знать.

Но вельва не просто знала её – она её извращала.

– Скрепляй, мерило небесное, горячее, чем звёзды, крепче, чем закалённая сталь. Как река впадает в море, как за счастьем неизбежно горе, так два становятся одним. Сияй, пылай, скрепляй и будь неразрушим!

Солярис взвился, растягивая лязгающие звенья цепей, и попытался раскрыть крылья, чтобы дотянуться костяными гребнями до навалившихся на крепления воинов. Ярость, скопившаяся в грудной клетке, уже подкатывала к горлу жарким огнём. Он собирался выдохнуть её – выдохнуть и сжечь дотла весь замок раньше, чем вельва закончит его проклипать, – но костяное остриё веретена оказалось быстрее.

Удивительно, сколь легко вельва пробила его толстую че-

шую, которая была не по зубам даже метательным копьям. Солярис рухнул на брюхо как подкошенный: боль прошла всё тело от груди до хвоста и показалась Солу такой сильной, будто в него и впрямь засадили копьё.

Воздух сотряс пронзительный детский плач. Очевидно, костяное веретено настигло не его одного.

– Дракон Солярис, в Рок Солнца рождённый, дарован принцессе Рубин, рождённой в Ночь Мора. Сияй, сверкай, скрепляй!

Вёльва знает не только их молитву? Она знает... его самого?

И тогда Солярис понял: боги не просто отвернулись от него – они уготовили ему участь, что хуже смерти.

– А ты куда меньше, чем я ожидала, – сказала вёльва, склонившись над Солярисом так низко, что, если бы не очередная цепь, обмотавшаяся вокруг его морды после попытки выдохнуть пламя, Сол бы откусил её разукрашенное лицо. – Впрочем, для госпожи так даже лучше.

– Виланда, – позвал кто-то. – Ну что там?

– Я закончила. Её последняя воля исполнена.

Солярис не услышал, что и кому она сказала дальше, – цепи почему-то ослабли, когда вёльва бросила окровавленное веретено на пол. Недолго думая, Сол воспользовался этим: встал на дыбы, подбросил в воздух несколько кричащих воинов и, ударив вёльву наотмашь хвостом, бросился к окну. Затем, не оглядываясь, оттолкнулся от рамы, усыпанной вит-

ражными стёклами, расправил крылья в прыжке...

И камнем упал вниз.

1

Короли и боги

В нашем мире сердцами людей правит четвёрка богов. Каждому из них принадлежит своя сторона света.

На Севере восседает Волчья Госпожа – мать холодов и древнего сейда, из которого вельвы, её верные жрицы, плетут нити человеческих судеб. За Госпожой всегда следует стая верных волков, вскормленных её собственным грудным молоком, а путь им устилают трава-ворожея и животные кости. Поклоняться Госпоже означает поклоняться женской мудрости и тем силам, что должны оставаться недостижимыми для людей.

На Западе звонко смеётся Кроличья Невеста, пробираясь через вербеновые поля, – олицетворение детства, влюблённости и проказливых игр. Она несёт за собою весну, а потому не нуждается в ином одеянии, кроме как в нежном платье из белого льна. Стая кроликов с сияющим мехом следует за ней не менее верно, чем волки за Госпожой. Там, где ступает Невеста, восходят посевы, и её поцелуй хранит новорождённых да бедняков.

На Востоке хозяйничает Совиный Принц – юноша, сияющий ярче алмазных сокровищниц прошлых и будущих королей. Покровитель купцов и художников, путешественни-

ков и мудрецов, убийц и воров. Одни молятся ему, чтобы убить, а другие – чтобы не быть убитыми. Готов возложить на алтарь фамильные драгоценности с подогретым клубничным вином – и Принц будет следовать за тобой до рассвета, кем бы ты ни был.

На Юге караулит границы Медвежий Страж – покровитель военных и заступник всех обездоленных, чья сила превосходит силу тысячи свирепых берсерков, а сострадание не знает границ. Сырое мясо и уважение к предкам – единственный бог, который не просит о большем. Страж следит за исходом каждой войны и каждого боя, ибо тот, кто держит в руке меч, держится за руку Стража.

Я не знала, кому из них мне следует молиться, поэтому молилась всем четверым. День ото дня, с утра и до вечера, прося лишь об одном – чтобы отец согласился. На мой тринадцатый день рождения я наконец-то получила его разрешение, а вместе с этим и исполнение своей мечты – мой первый в жизни *полёт на драконе*.

Даже самые дорогие ткани из Ши, славящегося своими искусными портными и тутовыми шелкопрядами, не ласкали кожу так, как это делал ветер над уровнем облаков. Я навсегда запомнила это чувство, жжение в груди и пульсацию крови в висках. Всё моё существо кричало о том, что небеса не созданы для людей. Чешуя – жёсткая и острая, как маленькие ножи, торчащие во все стороны, – цеплялась за одежду и резала пальцы. А свист, с которым крылья резали воздух за

моей спиной, оглушал и напоминал первобытную музыку.

Весь Дейрдре казался крошечным сверху, но ещё меньше казались люди, снующие по нему. Отсюда даже можно было разглядеть Изумрудное море и пики заснеженных гор, напоминающие гребни на спинах уснувших драконов. Между такими же гребнями сидела и я сама, прижавшись к хребту Соляриса животом, когда перед глазами вдруг заплясали чёрные пятна, а воздуха стало катастрофически не хватать. Слишком воодушевлённый первым за тринадцать лет полётом, Сол не услышал мой затихающий голос... А затем, окончательно забыв о моём существовании, нечаянно сбросил меня вниз.

С тех пор у нас с Солярисом появилось два незыблемых правила: никогда не летать без специального ремня, прикрепляющего меня к его гребням, и стараться не подниматься выше облаков, потому что, когда я оказываюсь без сознания от разреженного воздуха, поймать меня в случае падения становится ещё сложнее.

Несмотря на то что с того дня миновала уже тысяча таких полётов, во снах мне всегда являлся самый первый. Правда, в этот раз с моим сном было что-то не так... Вместо Цветочного озера, куда мы с Солярисом упали на самом деле, мы провалились в огненное пекло. Весь Дейрдре полыхал, как погребальный драккар¹ моей матери, и не осталось в нём ни

¹ Драккар – длинный и узкий деревянный корабль с высоко поднятыми носом и кормой. – *Здесь и далее примечания автора.*

людей, ни животных, ни моего дома – только бесконечный и безжалостный пожар.

Я распахнула глаза и, держась за старые шрамы под рёбрами, резко села на постели. В воздухе больше не пахло гарью и запёкшейся смолой священных тисовых деревьев – только мелисса и лаванда, набитые в подушку моей заботливой няней-весталкой. У меня ушло несколько минут на то, чтобы прийти в себя, исследуя пальцами деревянное изголовье кровати и отметины, оставленные на нём: беркана, соуло, эйваз... Оберегающий став², любовно выточенный зазубренным драконьим когтем много лет тому назад. Почему же вы, древние руны, не работаете?

– Матти, ты спишь?

Я осторожно тронула её рукой, зарытую под медвежьими шкурами на соседней подушке. Из-под них выглядывали лишь её ступни в шерстяных носках, наверняка заледеневшие, как и мои. С наступлением зимы камин переставал справляться со своей задачей, а месяц воя и вовсе был самым суровым месяцем в году. Даже растопленный тиковыми поленьями и прикормленный вином для пушного жара камин затухал и превращался в прах уже к утру, если за ним не следить. Чтобы не подхватить воспаления лёгких, приходилось просыпаться несколько раз за ночь и менять жаровню, снова и снова согревая постель.

² Став – комбинация рун, образующих магическую формулу, предназначенную оказать какое-либо влияние на человека или предмет.

Я растёрла замёрзшие ноги и, нащупав под шкурой длинную ручку, вытащила оттуда медную сковороду. К счастью, камин ещё держался. Решив не будить Матти, я сама откопала на его дне несколько тлеющих углей и горячую золу, пересыпала их на дно жаровни и, замотав ту в льняную ткань, вернула в постель. Обнаружив источник тепла, Матти тут же вытянулась и обвилась вокруг жаровни, как змея.

Цварк. Цварк!

Я стряхнула с ладоней копоть и запрокинула голову. Крыша ходила ходуном, но уже спустя минуту эта дрожь, сопровождаемая металлическим лязганьем, сместилась на внешние стены башни.

– Глупая ящерица, – пробурчала я, укутываясь в овчину, и направилась к двери, ведомая не столько бессонницей после кошмарного сна, сколько любопытством.

За семнадцать лет посты хускарлов ни разу не менялись: я знала их расположение наизусть – пожалуй, даже лучше, чем названия покорённых отцом туатов. Тем более за войнами всегда тянулся отчётливый шлейф медовухи, без которой в месяц воя было трудно согреться, – благодаря этому их приближение чувствовалось за лигу³. Виляя по каменным коридорам, я быстро пересекла восточное крыло и оказалась в южном, а ещё через пять минут юркнула в пристроенную башню, стоящую особняком от остального замка. В ней гу-

³ Лига – мера измерения длины, равная примерно 1,2 километра, или 1200 шагам в мире Круга.

лял ветер, просачиваясь сквозь трещины в камне, а со стен на меня смотрели гобелены паутин. Дойдя до последнего факела в напольном держателе, я тем самым пересекла невидимую границу... И окунулась во тьму.

Несмотря на то что башня состояла всего из одной комнаты, в ней было сложно ориентироваться на память: мебель кучковалась и часто передвигалась, будто никак не могла найти своего места. Выставив перед собой руки, чтобы не убиться о какой-нибудь косяк, я очертила пальцами комод, а затем, шаг за шагом, добралась до письменного стола и нащупала связку свечей. К счастью, серные черенки всегда лежали рядом с ними. Выверенным движением подпалив несколько фитилей, я облегчённо выдохнула, распустив по комнате слабый свет, и огляделась.

– Как холодно, – вырвалось у меня от удивления.

Такой холод был неестественным для местного обитателя. Это настораживало едва ли не больше, чем его непосредственное отсутствие: насколько давно он ушёл, что башня успела так остыть? Я вставила свечи в настенные канделябры возле кровати, а одну взяла с собой, чтобы приблизиться к дырявому креслу, поверх которого лежала открытая книга. Жухлые страницы, затёртая обложка с рунической вязью... В той едва читалось *«Память о пыли»*.

– А я говорил, что твоя весталка абсолютно бестолкова. Она даже не научила тебя стучаться!

Визг поднялся к горлу, но, так как подобное случалось не

единожды, я тут же проглотила его обратно и обернулась с раздражённым выражением на лице. Если бы не глаза Соляриса, светящиеся в темноте, как огоньки ещё двух жёлтых свечей, я бы даже не поняла, что он уже здесь. Оказывается, стрельчатое окно, выходящее на утёсы Изумрудного моря, было не заперто: оно бесшумно приоткрылось, впуская Сол, и точно так же бесшумно закрылось на щеколду.

Как жаль, что я не заметила этого раньше и не заперла его на улице в назидание!

– Что ты здесь делаешь? – спросил Солярис, решив, что от испуга я, похоже, онемела. Отчасти так оно и было. – Замёрзла и снова пришла просить, чтобы я подышал огнём в твой камин? Разбуди Матти или оденься потеплее. Мне некогда.

Я осторожно приблизилась и сощурилась, пытаюсь разглядеть, что он несёт в руках с серповидными агатовыми когтями, до сих пор покрытых жемчужной ребристой чешуёй. Лунный свет падал на холщовый мешок, явно тяжёлый – Солярис спрыгнул с подоконника не так грациозно, как обычно. Внутри мешка при этом что-то загрохотало.

– Эй, ты слышишь меня? – Солярис сбросил загадочный мешок на постель и выпрямился. Его силуэт удлинился, а глаза – единственное, что было видно при таком освещении, – загорелись ещё ярче. – Иди спать!

– Отец убьёт тебя, если снова увидит пробоины в крыше. Ты ведь знаешь, что карабкаться по замку запрещено! В прошлый раз после твоих «прогулок» на ремонт ушла половина

казны.

Солярис зажѐг сразу с десяток свечей из разорѐнной мною связки. Для этого ему даже не пришлось искать черенки – он просто поднёс фитили к губам. В комнате резко посветлело... И потеплело тоже. Тело Сола всегда источало нечеловеческий жар, потому я и находила в его башне убежище – и от холода, и от бессонницы, и от одиночества. Правда, не сказать, чтобы Солярис был от этого в восторге...

– Я не гулял, – сказал Солярис, когда я уже было решила, что он мне не ответит.

– Для дежурств у нас есть хускарлы и хирдманы, – напомнила я.

– Я и не дежурил.

– А что ты тогда делал?

В этот раз ответа всё-таки не последовало.

Несмотря на то что в первородном облике Солярис весил пару тонн, из-за чего крыши под ним частенько проламывались, в человеческой форме он передвигался плавно и тихо, как сам ветер. Даже старые доски, которыми были вымощены полы башни, не скрипели от его шагов так, как от моих, хоть я и была в два раза меньше. Без единого звука Солярис обошёл постель и водрузил капающие свечи на каменные выступы в углах комнаты, что обычно предназначались для алтарей, но сейчас пустовали.

– Солярис... – позвала я, заставляя его повернуться.

Когда зернистый свет растѐкся и рассредоточился по ком-

нате вместе с расставленными свечами, глаза Соляриса погасли, сделавшись золотисто-медовыми, как пчелиные соты. В них отражалось не только свечное пламя, но и те невзгоды, что Солу довелось пережить, когда меня ещё не было и в поmine. Чешуя окончательно сползла с его фарфоровых рук, выглядывающих из-под закатанных рукавов домотканой рубашки – так же легко на улице таял снег с приходом весны. Сейчас он таял и в его взъерошенных волосах, тоже жемчужных, как украшения в моей королевской шкатулке. Они никогда не отрастали, не меняли ни цвета, ни длины – Солярис не менялся тоже, застыл на пике своей юности. Внешне он был одного возраста с самым молодым ярлом, назначенным моим отцом в прошлом году, но достаточно было заглянуть в эти красивые светящиеся глаза, чтобы понять – Сол намного старше.

– Если ты соскучился по полётам и первородному облику, то мог бы просто сказать, – прошептала я, даже не пытаюсь скрыть вину, которую чувствовала за это. За его жизнь в заточении и неволе. – Моё Вознесение уже завтра. Мы сможем летать столько, сколько захотим. Главное, не нарушай запреты отца и не досаждай ему. Иначе я... не смогу защитить тебя.

В башне пахло старостью и пылью, но, когда здесь находился Солярис, её заполнял запах пергамента, кожаных переплётгов, мускуса и сухого тепла. Эти ароматы окутали меня, когда он подошёл вплотную. Я увидела, как смягчилось

его лицо со строгими и упрямыми чертами, и уже в тысячный раз поймала себя на мысли о том, какие же у него белые брови и ресницы: те почти сливались с кожей. Зато губы горели ярко, обветренные на морозе.

Когда Солярис нагнулся ко мне, рубашка с широким воротом сползла с одного его плеча, оголяя шею. Тонкая полоса цвета запёкшейся крови, охватывающая её, была шершавой на ощупь. Я точно знала это, потому что собственноручно сняла с Сола тот ошейник из чёрного серебра, который её оставил.

– Рыбья кость, – удручённо вздохнул Солярис, смотря на меня сверху вниз, и я вспыхнула. Теперь он вздумал бросаться глупыми детскими прозвищами?! – Подойди сюда.

Он попятился и возвратился к той стороне постели, на которой лежал холщовый мешок. От близости Соляриса к канделябру по всей спальне рассыпались тени – так мерцала серьга из латуни в его левом ухе. Свет играл на всех тринадцати гранях маленького изумрудного шарика на конце её подвески. Как только я двинулась следом за Солом, теней на полу стало в два раза больше: в моём ухе, только правом, свет приветствовала идентичная серьга.

– Что это? – спросила я, наклоняясь ближе к мешку, и тогда Солярис дёрнул за шнурок, высвобождая его содержимое. – Дикий!

Ругательство само слетело с уст, когда на покрывале передо мной рассыпались черепа. Большинство из них уже на-

чали крошиться, молочно-белые после обжига в ритуальном огне, в котором торжественно сгорала их плоть после смерти. Солярис протянул к ним руку и подхватил один черепок, продев в его глазницу заострённый коготь. В черепе совсем не осталось зубов и даже отсутствовала нижняя челюсть, от чего он выглядел ещё более жутко, чем остальные.

– Где ты их взял? – скривилась я, тронув черепок лишь кончиком указательного пальца, когда Солярис забавы ради протянул его мне, как увеселительную игрушку.

– Собрал трофеи после плотного ужина.

– Какого ещё ужина?! Ты сегодня ел пирог с лососем, я же видела.

– Это с позапрошлого.

Я скептически приподняла одну бровь и оглянулась на комнату. Из здешней мебели Солярис использовал только письменный стол, заваленный старыми книгами, и шкаф с одеждой, которую мне регулярно приходилось штопать у портнихи. Всё остальное занимало место коллекции ради: потемневшие зеркала и надколотые витражи, ржавые ремесленные инструменты и резные фигурки, сломанные луки и затупленные мечи... Я считала это сором, а Солярис – своими сокровищами. Он находил особую прелесть в тех вещах, что другие отвергали или считали уродливыми. Наверное, то, что теперь он начал коллекционировать человеческие останки, тоже не должно было меня удивлять.

– Они из склепа Тысячи Потерь, – неожиданно сознался

Солярис и выбросил крутящийся на когте черепок обратно в грудь прочих.

Нет, всё-таки я удивилась. А ещё почувствовала, как даже в овечьей накидке и рядом с драконом мороз пробрал меня до костей.

– Ты вторгся в склеп хирда, павшего в битве при Рубиновом лесу?! – Я терпеливо дождалась, когда Солярис кивнёт, и только тогда закричала: – Разорвать захоронения запрещено точно так же, как и ломать крышу! Если кто-нибудь узнает...

– Не узнает, если перестанешь орать как кошка, которой на хвост наступили.

– Зачем тебе останки бедных воинов, скажи на милость?

– Вечером я застал возвращение Мидира в замок. Судя по выражению его лица и грязной одежде, Красный туман снова объявился.

– Туман?.. – Я осела на постель в изножье, так, чтобы не касаться разбросанных черепов, и устало помассировала пальцами занывший от перенапряжения лоб. – Дикий. Это поистине дурное известие. Но я всё равно не понимаю... Зачем ты вторгся в склеп хирда? Думаешь, если лес зовётся «рубиновым», а туман «красным», то у них обязательно должно найтись нечто общее?

Солярис снисходительно цокнул языком и, поставив локти на изножье кровати, посмотрел на меня со смесью умиления и разочарования.

– Красный цвет – цвет потустороннего мира. Недаром

кровь и у людей, и у драконов красная. Мы все пришли оттуда.

– И чем, по-твоему, Рубиновый лес и Красный туман могут быть связаны?

Солярис опять ничего не ответил – только моргнул медленно, будто рептилия, которой я часто его дразнила. Возможно, отвечать ему было и нечего – о Красном тумане, уносящем по сотне человек разом в местах своего появления, было почти ничего не известно. Всё, что находили воины хирда, прибывая на место, где успел побывать туман, – это куцые кровавые облачка, стелющиеся низко к земле, словно неаккуратно состриженная овечья шерсть. И абсолютно пустые деревни. Фермерские угодья, домашний скот и даже мебель – туман не трогал ничего, кроме самих людей. Те растворялись вместе с ним так, словно их никогда не существовало. Из-за этого никто толком и не видел, как именно приходил туман и как он исчезал, – за все полгода с момента его первого появления очевидцев набралось меньше, чем пальцев на одной руке.

Рубиновый лес сильно отличался от того, что беззастенчиво сожрало уже четверть туата Талиесин и навело панику на все близлежащие земли. Ведь Рубиновый лес был страшен разве что своей историей, которая насчитывала уже семнадцать зим. Остроконечные изумрудные листья окрасились в цвет потрошённой плоти после того, как на землю пролилась кровь тысячи славных воинов хирда, полёгших в войне от

драконьих когтей. Корни деревьев впитали её, а вместе с тем впитали жизнь: отныне даже зима не могла заставить листья посереть и опасть. Лес дышал, потому что его недра согревали неупокоенные души. И всё-таки он был безопасен... В отличие от тумана, который, поглощая, никогда и никого не возвращал.

– Иди спать, – сказал Солярис в который раз. – В такое позднее время даже вельвы к сейду не взывают. Скоро начнёт светать, а у тебя Вознесение на носу. Тебе тоже не стоит сердить короля Оникса, хоть он тебя и любит.

Солярис знал, на что давить. Я заворчала, неохотно слезая с постели, и одёрнула ночную сорочку под накидкой, нецеломудренно задравшуюся до самых бёдер. Впрочем, Солярис даже бровью не повёл, уже полностью поглощённый книгой, оставленной на дырявом кресле. Что бы Сол ни собирался делать с похищенными черепами, он явно хотел сначала дождаться моего ухода. Попытки провести его, снова расспросить или переубедить не имели смысла: там, где я была просто упряма, Солярис был невыносим.

– Эй, постой-ка.

– А?

– Вот, держи. Только цыц!

Моя ступня уже зависла над порогом комнаты, когда Солярис, как всегда, сменил гнев на милость. Порой он был так же непредсказуем в своём настроении, как месяц синиц, когда Изумрудное море не знало покоя и за одни сутки штиль

сменялся штормом, а затем снова штилем. Отложив книгу и подхватив вместо неё с тумбы грушевидную склянку, помутневшую от пыли и времени, Солярис быстро наполнил её своим дыханием и впихнул мне в руки.

– Этого должно хватить, чтобы ты смогла уснуть.

Я опустила глаза на склянку, обёрнутую в лоскут ткани, чтобы я не обожглась: в закалённом стекле плескалось настоящее пламя, только искристо-синее, словно сапфиры, – самый горячий огонь из тех, который умели выдыхать драконы. У меня оставались считанные минуты на то, чтобы добраться до спальни и выпустить его в очаг. Только поэтому я ограничилась улыбкой и шепнула:

– Спасибо. А ты не читай слишком долго! Иначе опять завтра глаз не разомкнёшь.

Солярис молча уселся в кресло и, закинув ногу на ногу, уткнулся в книгу, будто мне назло. К его счастью, мне действительно нужно было спешить.

Когда я возвратилась в свои покои, по наитию миновав посты стражи точно так же, как и до этого, Матти даже не изменила своего положения на постели. Она всегда спала как убитая и наверняка продолжила бы спать, даже если бы Солярис тогда не ушёл с крыши башни, а постучался в окно и попросил его впустить. Камин же как раз успел угаснуть: я торопливо подбросила в него колбу, побоявшись открывать её голыми руками, и несколько раз стукнула по ней кочергой, пока на стекле не проступила трещина. Голубой огонь полился

наружу, и закопчённые поленья вновь вспыхнули, да так ярко и высоко, что едва не подпалили мне брови.

Довольная результатом и волной жара, прокатившейся по студёной спальне, я забралась к Матти под слой сшитых медвежьих шкур. Из дальнего конца комнаты со стороны запада на меня смотрел алтарь: в предрассветный час глаза Кроличьей Невесты всегда наливались жемчужным блеском – согласно преданиям, такого же цвета были шкурки её звёздных крольчат. В месяц воя живые цветы достать было практически невозможно, но вёльвы знали толк в обращении с дарами природы и умели подолгу сохранять их первозданную красоту. Именно поэтому алтарь, сплетённый в пирамидку из живых венков, всё ещё цвёл и благоухал, распуская по комнате приглушённую сладость вербены. Смешиваясь с запахом лаванды, набитой в мою подушку, и запахом Соляриса, оставшемся на моих волосах, он убаюкивал. Я быстро уснула, согретая изнутри.

Правда, спалось мне пускай и сладко, но недолго.

– Драгоценная госпожа!

Сколь бы крепко или мало ни спала Матти, она всегда просыпалась с восходом солнца, будто её в детстве петух клюнул в темечко. Я застонала, пряча голову под подушку, и, кажется, случайно выбила ногой жаровню: что-то металлическое покатилося по полу, грохоча.

– Драгоценная госпожа, сегодня ваш первый Совет, вы забыли? Уже почти семь утра! Драгоценная госпожа... Рубин,

Дикий тебя побери, вставай же!

Матти дёрнула на себя медвежьи шкуры и легко перевернула меня на спину.

– Прошу тебя, поднимись! Или я больше никогда не буду гадать с тобой на углях! Из-за этого мы снова легли так поздно...

– Именно так и нужно ложиться накануне Вознесения, – сонно пробормотала я, свешивая с кровати ноги и растирая слезящиеся глаза: Матти уже раздвинула шторы, и за окном оказалось так бело от снегопада, что меня ослепило. – Кто знает, когда ещё мне доведётся провести вечер в компании моей любимой молочной сестры?

Будучи старше меня на четыре года и приходясь мне не только главной служанкой, но и единственной подругой, чья мать стала моей кормилицей, Матти всегда крайне ответственно подходила к своему «титулу». Впрочем, её работа заключалась лишь в том, чтобы следить за моим расписанием, помогать выбирать лучшие наряды и развеивать мою величественную скуку. Матти была со мной почти так же давно, как и Солярис: мы вместе учили арифметику, вместе перечитали половину книг в библиотеке и вместе таскали сливовые плюшки с кухни, а затем так же вместе получали за это нагоняи. Пусть я и не просила об этом, но порой Матти даже брала на себя вину за мои проступки, будь то разбитая ваза или дорожка из капель крови на полу, один вид которой приводил моего отца в неистовство. Будто бы справед-

ливости ради боги наделили Матти не только львиной храбростью, но и соразмерной красотой, подобной красоте Кроличьей Невесты, из-за чего Матти всегда окружали мужчины. Но, какой бы высокородный господин ни приходил к ней свататься, она оставалась преданна лишь мне одной.

– В этом платье ты, кажется, была на приёме ярла Олвена... А этому бежевому вообще не место в шкафу! С твоей персиковой кожей ты будешь похожа в нём на бледную моль. Хм... Может быть, винно-красный... Или красно-гранатовый...

Моих нахмуренных бровей было достаточно, чтобы Матти, неловко улыбнувшись, отбросила все красные платья в сторону. Ярлы, посещающие Столицу, считали, что это страшное неуважение – не подарить мне нечто такого же цвета, как камни, в честь которых меня назвали. Именно поэтому при одном лишь взгляде на мой гардероб в глазах рябило от алого цвета, а в каждой шкатулке можно было найти минимум пять рубиновых украшений. Уже в десять лет при виде и того и другого меня сразу начинало тошнить.

– Фиалковое! – озарило Матти, и она вскинула над своей головой фиолетовое платье с аметистовым поясом и типпетами на рукавах из тафты.

Я одобрительно кивнула, глядя на неё с деревянного табурета, на котором сонно раскачивалась всё это время. Цвет платья напоминал мне не фиалки, а чернику, которую мы с Солом добывали на скорость, пробираясь по летнему лесу

с плетёными корзинками наперевес. В этой чернике быстро оказывались и наши рты, и наши руки. Такого же цвета было небо, когда мы возвращались домой. Такой цвет был у моего детского счастья.

– Да, согласна. Замечательное платье.

Матти расплылась в улыбке с обворожительной щербинкой между верхними зубами и принялась подыскивать мне башмаки. Сама она уже нарядилась в платье, выгодно выделяющее её пышную грудь и похожее на то, что прежде она отбросила в сторону. В отличие от меня, Матти, с её вороныными волосами, очень шли светлые оттенки, а диадема с дымчатыми бриллиантами идеально подчёркивала серые глаза с краплениями весенней зелени. Несомненно, Матти знала толк в моде, и потому я безоговорочно доверяла её вкусу.

Подняв вверх руки, я позволила Маттиоле одеть меня сначала в нижнее платье, затем в верхнее. Усыпанное камнями, последнее весило почти как половина меня, и вскоре я почувствовала, как ноют плечи. Когда же на них легла ещё и выбитая накидка из заячьего меха, до того длинная, что волочилась за мной по полу, я едва сдержалась, чтобы не согнуться пополам.

– Зато тепло. И красиво! – как всегда, приободрила меня Матти, и я сдержанно кивнула.

По её мнению, такую красоту было неприлично прятать за длинными волосами, поэтому Матти прилежно расчеса-

ла мои локоны гребнем и забрала их на затылке фибулой⁴. Слитая из золота в форме трёх лунных ипостасей, фибула почти терялась в такого же цвета волосах, но зато придавала уверенности – когда-то давно её носила моя мать.

– А ты чем займёшься сегодня? – спросила я напоследок, когда, ущипнув за щёки, чтобы придать им здоровый румянец, Матти подтолкнула меня к двери.

– Подготовкой к пиру, конечно! Нужно забрать твоё платье у портнихи и масло из ветивера для ванны, созвать филидов и проследить, чтобы на кухне с блюдами никто не напортачил. Вечером соберутся все ярлы, в том числе новый ярл твоего отца, Дайре. Самый молодой и, между прочим, самый красивый, если верить слухам. – Матти многозначительно понизила голос, но, не встретив ожидаемой реакции, насупилась: – Тебе что, совсем неинтересно посмотреть на него?

– Почему же? Интересно. Он должен быть очень убедителен и хорош в политике, раз сумел понравиться моему отцу настолько, что обошёл своих старших братьев и родного дядю в очереди на трон.

Матти скривилась так, будто глотнула скисшей браги, а затем бросила задумчивый взгляд на камин, пылающий слишком бодро для зимнего утра и подозрительно отливающий синевой. В огне всё ещё потрескивали осколки разбитой

⁴ Фибула – металлическая заколка или булавка, которая может использоваться как для украшения одежды, так и для украшения причёски.

склянки.

– Ох, кажется, я поняла...

– Маттиола, не начинай.

– Слушаюсь, драгоценная госпожа.

Это было моим единственным аргументом, когда речь заходила о Солярисе. Отношения между ним и Матти были чуть лучше, чем его отношения с моим отцом, но не более того. Виной всему был сам Солярис. Иногда мне казалось, что он не просто носит, а хвастается клеймом королевского зверя – привязанного, но не приручённого. Сол делал всё для того, чтобы ненависть к нему не утихла с годами и чтобы его не смогли принять: огрызался, ссорился, преступал закон и даже перевоплощался там, где это было неуместно. Немудрено, что новые сплетни о нём рождались чуть ли не ежечасно. Особенно Солярису нравились слухи из туата Немайн о том, как он пожирает младенцев и спит в гнезде из их изуродованных тел. Видимо, быть покорённым врагом человечества казалось ему престижнее, чем быть его другом. Иногда я задавалась вопросом: Солярис действительно презирает людей? Значит ли это, что в глубине души он презирает и меня тоже?

Почему-то я думала об этом всю дорогу до зала Совета, пока шла в сопровождении трёх угрюмых хускарлов. Наверное, просто думать о Солярисе, неразлучном со мною против собственной воли, было проще, чем размышлять о Красном тумане, с которым я могла сражаться лишь библиотечными

фолиантами и пустыми теориями.

Благодаря расположению на пике холма замок в любую погоду со всех сторон заливало солнце. Даже сейчас, в лютую пургу, что забелила весь пейзаж за витражом окон, солнечные лучи обтачивали серые камни и раскрашивали их в шафрановый цвет, отражаясь от специальных зеркал, развешенных под потолком по всему замку. Кованые решётки и высокие своды арок нависали над коридорами, а художественные барельефы на стенах рассказывали истории о божественных сидах и прославленной королеве Дейдре, которая произошла от них и воздвигла это место.

Зал Совета располагался в самой удалённой части замка. Из-за толстых стен слышимость здесь стремилась к нулю, и, если бы не частичная глухота отца, заставляющая говорить громче и советников, и его самого, я бы точно не смогла подслушивать Совет так, как делала это сейчас, прильнув ухом к расщелине между дверями.

– Мидир, кто-нибудь из ярлов уже в курсе?

– Никто, мой господин.

– О чём речь? Мы снова будем обсуждать туман?

– Уже десятая деревня на его счету. Считаешь, что уместнее было бы обсудить повышение налогов?

– Возможно. Вознесение предполагает минимум семидневное празднество, а это немалые расходы. Запасы драконьих драгоценностей не бесконечны. Пир Темры и так нас разорил...

– Так продай тот золотой слиток, что носишь на груди и называешь брошью. Разве эта вещица не из сокровищницы Дейдре?

Два мужских голоса, затеявших спор, заглушили моё тяжёлое дыхание и разбегающиеся мысли. Значит, Солярис оказался прав: Мидир и впрямь вернулся с дурными вестями...

– Прикусите языки! – Голос отца, сухой, как осенние листья, но твёрдый, как воля Медвежьего Стража, восстановил порядок и тишину в зале меньше чем за секунду. – Совет ещё не начался, а вы уже сцепились как кошка с собакой. Мидир, пока мы ожидаем, я хочу знать больше...

Голоса снова смешались. В основном я слышала Мидира, но и второй советник, Гвидион, тоже вставил пару слов. Правда, слишком тихих, а оттого неразборчивых. До сих пор молчал только четвёртый советник – за всё то время, что я морально и физически готовилась войти в зал, а заодно собирала полезную информацию, которой со мной могли не решиться поделиться открыто, голос четвёртого советника так ни разу и не прозвучал.

– Где Дикий носит этого крамольца?! – вдруг воскликнул Гвидион. – Уже давно пора начинать!

Так в замке могли обозвать лишь одного человека. Выходит, четвёртый советник до сих пор отсутствует? Тоже опаздывает, как и я? Раз так, то...

– Должно быть, вы захотите войти первой, драгоценная

госпожа?

Я вмиг покрылась испариной и отскочила от двери так, будто не имела права здесь находиться. Четвёртый королевский советник, Ллеу, которому прямо сейчас Гвидион беззастенчиво перемывал кости, стоял прямо за моей спиной.

Мне хватило одного взгляда, чтобы понять, почему именно он опоздал: румяные от пара щёки, запах елового масла и сырого дерева купальни, растянутая рубашка, надетая так спешно, что шнуровка на груди осталась развязанной и обнажала тело до пупка. Левая часть головы, выбритая и расписанная хной, всё ещё блестела от влаги. С правой же стороны вились вороньи косы – с них тоже капала вода. Почему Ллеу разгуливал практически голым и мокрым в такую лютую стужу, оставалось для меня загадкой, но в этом и заключалась вся суть Ллеу: чувство холода было чуждо ему точно так же, как пунктуальность или совесть. Во многом благодаря именно этому он и стал королевским сейдманом.

– Тоже увлеклись утренними процедурами и задержались? – Ллеу сложил руки за спиной и по-птичьи склонил голову вбок. – Уверен, на вас не станут серчать так, как на меня.

– Думаю, меня там и не ждут так, как вас, – ответила я, на что Ллеу вновь улыбнулся. Впрочем, улыбаться он, кажется, не переставал даже во сне.

Если бы Ллеу распустил свои косы, прикрыл выбритую часть головы и сгорбился, дабы замаскировать в складках ру-

бахи отсутствие пышной груди, любой принял бы его за Матти. Не только потому, что Матти была его сестрой-близнецом, но и потому, что худощавая фигура, узкие плечи и тонкие запястья действительно делали Ллеу похожим на женщину. Черты лица у него были даже нежнее, чем у меня, а серо-зелёные глаза с кошачьим разрезом напоминали драгоценные камни на манжетах моего платья. Он будто бы всегда немного щурился, глядя на мир сквозь низко опущенные ресницы, как мой отец смотрел сквозь пальцы на его зверские практики в катакомбах. Те были далеки от того сейда, который практиковала их с Матти мать – Виланда, прошлая королевская вельва, подарившая мне Соляриса, а спустя несколько лет сгинувшая от паучьей лихорадки словно в наказание.

С тех самых пор, как Матти отреклась от наследства вельвы и сей путь вместо неё избрал Ллеу, в замке стали поговаривать, будто Виланда зачала близнецов от разных мужчин. В одну ночь она разделила ложе сначала со своим мужем, а затем с Совиным Принцем, произведя от первого на свет Матти, а от второго – Ллеу. Мол, только это объясняло, откуда у Ллеу, как у мужчины, такие способности к сейду. И никого не смущало, что вообще-то создательницей всех тайных практик считалась Волчья Госпожа, и Совиный Принц не имел к ним никакого отношения. Из-за этого слухи звучали вдвойне нелепо. Так что если я во что-то и верила, то только в одно: Ллеу был крайне талантлив, а талантливые

люди не могут быть просты.

– Я подожду здесь, – учтиво произнёс Ллеу, и улыбка, намертво прилипшая к его лицу, натолкнула меня на мысли о лисах. Если они прикрывают морду пушистым хвостом, то это не значит, что за ним не оскалены зубы. – Дам вам несколько минут.

– Благодарю, – кивнула я и, дождавшись, когда Ллеу уйдёт с прохода и спрячется за угол, кивнула хускарлам, дабы те отворили для меня неподатливые двери.

Даже Матти держала с Ллеу ухо остро. Но раз он давал мне возможность явиться на Совет первой и тем самым произвести не такое плохое впечатление, какое я бы точно произвела, явись на него последней...

– Доброе утро, благочестивые господа. Надеюсь, я не слишком припозднилась.

– Драгоценная госпожа!

На поверку зал Совета, где творилась история, представлял собой всего лишь небольшую каменную комнату, похожую на короб, – в пять раз меньше тронного зала, но в два раза больше моей спальни. Прежде я никогда не бывала здесь, но часто подглядывала за заседаниями в замочную скважину. Вблизи легендарный стол выглядел куда внушительнее: из шлифованного белого камня, словно обтянутого рыболовной сетью из яхонта, он служил не только местом заседаний, но и картой. Прямо на его поверхности был выточен весь Круг – девять туатов, названные в честь своих ге-

роев-основателей и покорённые Ониксом в ходе десятилетних завоеваний ещё до моего рождения: Найси, Дану, Ши, Немайн, Талиесин, Керидвен, Медб, Фергус и, конечно, сам Дейрдре. Реки, леса, горные хребты и два моря по двум краям нашего необъятного мира, за одним из которых пряталась вымершая драконья обитель, – всё это тоже было здесь. Я едва удержалась, чтобы не начать лапать карту руками: интересно, какая она на ощупь? Вырезанные в камне шпили наверняка острые, а вот что насчёт городов, Столицы и нашего собственного замка? Работа мастера была настолько изящна, что, казалось, в последнем даже можно пересчитать окна...

Кроме стола в зале Совета, увы, больше не было ничего примечательного: лишь пять одинаковых стульев с резными спинками, банки с разноцветными красками для разметки обстановки на карте, вышитые гобелены на стенах и двое крупных мужчин у дверей. Те были такими неподвижными, что походили на часть декора. Парадные золотые пластины, ножны, инкрустированные камнями, и кожаные доспехи с ониксовыми наручами... Тех, кто служил лично королю и кого называли *берсерками*, от рядовых хирдманов и хускарлов отличала не только лучшая в Дейрдре одежда, но и нечеловеческая сила. Поговаривали, будто лишь благодаря целой армии таких берсерков мой отец и завоевал Круг, ведь они дрались яростнее медведей, а раны у них заживали так же быстро, как на собаках.

Но было в них и ещё кое-что особенное... А именно от-

сутствие языка в сочетании с незнанием грамоты. В период завоеваний мой отец соблюл все возможные и невозможные меры для того, чтобы ни один его военный план не покинул этот замок. С тех пор ряды берсерков заметно поредели из-за ненадобности, грозные воины даже почти исчезли, но отец по-прежнему держал парочку из них под рукой.

– Драгоценная госпожа! – воскликнул Гвидион снова. – Мы не ожидали вашего визита...

Не обращая на него внимания, я повернулась к стулу во главе стола и, даже не успев толком рассмотреть отца, сидящего на нём, тут же поклонилась так низко, как только позволяли платье и меховая накидка, путающаяся у ног.

– Истинный господин, я прошу дозволения занять своё законное место.

– Законное место?..

– Место дяди Оберона, истинный господин.

Я не видела отца, но кожей почувствовала, как он напрягся и впился пальцами в подлокотники своего стула.

Как на человеческой руке пять пальцев, так и у короля должно было быть пять советников, включая его самого. Мой отец, король Оникс, – указательный палец: куда он показывал, туда и поворачивалась голова всего Дейрдре и остальных восьми туатов. Советник Мидир – большой палец, давящий всех нечестивых и неугодных, нарушающих покой туатов или угрожающих ему. Советник Гвидион – безымянный палец, хранитель казны и мастер торговли. До сих пор

отсутствующий Ллеу исполнял роль мизинца – несмотря на скромные размеры этого пальца, рука без него далеко не так проворна, как с ним. Ллеу нёс в себе волю богов, закрывая бреши там, где их не были способны закрыть политика, деньги или убийства. А ещё он следил за здоровьем моего отца... и отсрочивал неизбежное.

Долгое время средним пальцем, ответственным за политику, за которую теперь также вынужденно отвечал Гвидион, был мой дядя по имени Оберон. Но семнадцать зим назад, когда отец потерял своего младшего брата по вине Мора, королевская рука лишилась этого пальца. Все эти годы она оставалась неполноценной, ведь сожми кулак и увидишь – средний палец разделяет все прочие и прижимается к указательному теснее всего. Именно поэтому средним пальцем мог стать лишь тот, в ком текла кровь королевы Дейдрре.

Им могла и должна была стать я.

– Ещё рано. Твоё Вознесение завтра, Рубин.

– Верно, но вы ведь сами дали мне слово, что я приму участие в Совете накануне. А этот Совет как раз последний перед тем, как мне исполнится восемнадцать, – напомнила я и осмелилась приподнять глаза.

Сказать, какие эмоции в этот момент испытывал мой отец, было невозможно: его лицо плотно закрывала деревянная маска из священного тиса. Лишь в прорезях для глаз мелькали васильковые радужки и молочные бельма, а в прорези для рта – плотно сжатые тонкие губы. Вот откуда по коридорам

и залу тѣк бальзамический травяной запах – с внутренней стороны маска была тщательно смазана настоем из мирта и наперстянки. Без неё здесь бы давно стоял смрад гниющей плоти: хватало несколько минут на свежем воздухе, чтобы язвы отца снова открылись. Сейчас даже его волосы были спрятаны под капюшоном – от греха подальше.

Молчание неприлично затянулось. Я снова уткнулась взглядом в пол и склонилась ещё ниже. Любому другому на моём месте следовало бы молиться четырём богам о том, чтобы выжить, но я могла позволить себе молиться лишь о том, чтобы не лишиться шанса уничтожить Красный туман. Ведь если меня не допустят...

– Раз дал слово, то садись.

Скрипнул стул, чиркнув ножками по каменному полу. Смахнув чѣлку и приподняв глаза, я увидела, который именно: то был свободный стул в конце стола, на который жестом указал отец и который тут же отодвинул для меня Мидир. С сердца будто упал камень. Я наконец-то выпрямилась и торопливо прошествовала к своему месту.

– Добро пожаловать в Совет, драгоценная госпожа, – сказал Мидир, придерживая мою накидку, чтобы помочь усесться. В отличие от Гвидиона, произнёсшего то же самое со скептическим прищуром, он точно поприветствовал меня искренне.

Приходясь кузеном ярлу из Медб и будучи верным цепным псом моего отца, Мидир много недель гонялся за про-

клятым Красным туманом, как настоящий пёс за парой норок. Я не видела его так давно, что и не признала бы в других обстоятельствах: за время походов каштановые волосы Мидира с сединой и бронзовыми бусинами отросли до мочек ушей, а массивную квадратную челюсть полностью спрятала густая щетина. Красный плащ, надетый поверх лёгких охотничьих доспехов, напоминал о крови, которую тот годами проливал на войнах бок о бок с моим отцом. О том же самом напоминали и шрамы, испещряющие всё его лицо. Когда мы оба устроились на своих местах, оказавшись по соседству, плечо Мидира невольно прижалось к моему: со своей комплекцией он мог в одиночку завалить медведя, а потому едва умещался на одном стуле.

– Раз с этого дня к нам присоединилась драгоценная госпожа, то теперь членов Совета официально пять, – сказал Гвидион, нервно постукивая перстнями по каменному столу. – Это значит, здесь присутствует четверо из них, что даёт нам право начать совет, не дожидаясь Ллеу.

По сравнению с моим отцом и Мидиром, закалёнными в битве и сохранившими статную форму даже на склоне лет, по Гвидиону было заметно, что он никогда не держал в руках оружие. Его лицо было круглым и рыхлым, а тело шуплым и бесформенным под шерстяной туникой и соболиным мехом. На каждой броши и фибуле, держащих этот мех, красовались руны удачи, благополучия и богатства. В отличие от тех рун, что были высечены на изголовье моей постели,

эти руны явно работали – с Гвидионом наш туалет поистине процветал. Однако это наверняка стоило ему немало усилий и нервов, поскольку к сорока годам он почти полностью облысел.

– Пятый советник тоже здесь, истинный господин. Прошу великодушно простить меня за промедление!

Ллеу вошёл в зал Совета как никогда вовремя, и я мысленно прикинула, сколько минут прошло – кажется, две или три. Моя фора истекла.

Если в коридоре Ллеу стоял в одной рубашке, то сейчас на его плечах висел плащ из лиловой замши. Каждый шаг Ллеу сопровождался мелодичным перезвоном колокольчиков на его плетёном браслете – всего пять: золотой для Совиного Принца, серебряный для Волчьей Госпожи, бронзовый для Кроличьей Невесты, медный для Медвежьего Стража... И чёрный ониксовый, который звенел громче других, но не принадлежал ни одному из богов. Или я просто не знала, кому он мог принадлежать.

Забавно... В коридоре этих колокольчиков на Ллеу не было точно так же, как и плаща, ведь иначе я бы его услышала. Он снимает их, чтобы передвигаться по замку незамеченным? Интересно, для чего?

– Моё терпение не бесконечно, – произнёс Оникс, и, пускай его лицо было скрыто под маской, я не сомневалась, что оно искажено праведным гневом. – То, что ты владеешь уникальными знаниями сейда, не даёт тебе уникальных приви-

легий.

– Каюсь, истинный господин. Я виноват.

В зале повисло невысказанное раздражение. Все присутствующие здесь, включая меня, прекрасно знали, что это не первая и уж точно не последняя промашка Ллеу. До того как моего отца подкосили болезни, а Ллеу вдруг изобрел от них чудодейственные припарки и рунические ставы, я была единственной, кому Оникс прощал ошибки. Чтобы убедиться в этом, достаточно было вспомнить мою первую нянечку: та оказалась голышом на морозе в месяц воя сразу после того, как, подстригая мне волосы, задела моё ухо ножницами. Конечно, обычное опоздание не шло ни в какое сравнение с пролитием священной королевской крови – одним из самых страшных преступлений, по мнению Оникса, – но в молодости тот карал и за меньшее. Однако сейчас всё было иначе, и ни я, ни другие советники не переставали гадать: всё дело в старости, что сточила острые углы его каменного сердца, или же в том, что Оникс был зависим от Ллеу?

Во всём Круге простой кивок моего отца стоял в одном ряду с божественным благословением. Дождавшись его, Ллеу быстро занял своё место на краю стола. Он снова улыбался.

– Теперь можно начинать, – объявил Оникс. – Мидир! Расскажи Совету то, что уже поведал мне.

Мидир резко поднялся, задев и едва не опрокинув мой стул. Прочистив горло, он мрачно оглядел всех собравшихся

и на одном дыхании отчеканил то, что обдало меня ужасом, как ледяной водой:

– Как вы уже знаете, шесть месяцев назад мы столкнулись с невиданным прежде явлением – Красным туманом. Впервые он появился на юге, в туате Талиесин, где по вине тумана всего за неделю пропало две деревни вместе с пятьюстами крестьянами. – Мидир наклонился к полке с красками у края стола и окунул два пальца в красноречивый клюквенный цвет, а затем потрянул рукой, окропляя красными точками то место на каменной карте, о котором говорил. – Скот остался не тронут, дома и хозяйства тоже. Версия о разбое и угоне жителей в рабство для незаконной добычи руды была опровергнута после того, как тот же туман заметили на востоке туата Медб, – Мидир потрянул рукой ещё раз. – Последствия те же – ни одного человека в поселении. Затем это повторилось ещё в семи местах. Судя по наблюдениям картографов, туман движется хаотично, но расстояние между точками, где он возникает, не превышает трёхсот лиг. А вчера на рассвете туман появился в Найси, почти на самой границе с Дейдрре, в тени Аспидовых холмов...

На карте появилась ещё одна клюквенно-красная точка, и я поёжилась, глядя на то, как близко туман подобрался к моему родному городу.

– Есть основания полагать, что рано или поздно туман появится в Столице? – озвучил мои мысли Гвидион, неуютно заёрзав на своём стуле.

– Если так, то ему достанется более пятнадцати тысяч человек одним махом, – мгновенно подсчитал Ллеу, и его улыбка померкла. – Включая нас...

– Да, это проблема, но не первоочередная, – ответил Мидир, и оба советника уставились на него в недоумении. – Куда важнее то, что туман больше не двигается. Появившись в Найси прошлым утром и обуяв деревню Лофорт, он так до сих пор и не исчез.

– Что? Красный туман всё ещё там?!

Я лишь беззвучно приоткрыла рот и мельком оглядела остальных. Гвидион и Ллеу выглядели такими же ошеломлёнными, ведь если нам и было что-то известно о Красном тумане наверняка, так это то, что он не задерживается на одном месте дольше нескольких часов и исчезает так же быстро, как появляется. Так почему же он теперь стоит на месте?

– Какова площадь участка, который занимает туман? – спросил Оникс, даже не дрогнув. Возможно, потому что Мидир уже лично поведал ему о тумане всё, что знал, а возможно, потому что это было далеко не самое страшное, что выпадало на долю моего отца.

– Около двадцати лиг в длину и ширину.

– Вы отправили группу разведчиков? – в свою очередь спросил Ллеу. – Нельзя утверждать, что жители деревни тоже исчезли, как и все прочие, если туман по-прежнему там.

– Я бы не скакал весь день напролет в Столицу, если бы уже не сделал всё от меня зависящее! – огрызнулся Ми-

дир, вытирая окрашенные красным пальцы прямо о штанину. Никто не жаловал в Совете Ллеу, слишком юного, а оттого не пользующегося авторитетом, но Мидир не жаловал его больше всех. – Двое моих лучших солдат перестали отвечать уже через миг после того, как скрылись в тумане. Предварительно мы привязали пару верёвок к их поясам, но те будто топором перерубили... Любые попытки войти в туман и узнать, что он прячет, оборачиваются потерями.

– По крайней мере теперь у нас есть шанс, – подметил Оникс, ни разу не изменив своего положения на стуле с того момента, как я вошла в зал: локти упирались в стол, а спина была натянута, как струна. Лишь по этому и по его полуслепым глазам, мелькающим в прорезях, я могла судить, что отец всё-таки не так спокоен, как хочет казаться. – Прежде никому из наших людей не удавалось увидеть Красный туман воочию. Ты, Мидир, теперь главный его свидетель. Однако стоило отправить в туман не разведчиков, а местных вельв. Если туман – детище сейда, вельв он не тронет, и те сразу разберутся с ним.

– Это не похоже на сейд, – тихо сказал Ллеу, гипнотизируя взглядом карту из камня. Его глаза были прикованы к месту между скалами на границе двух туатов, которые в реальности оккупировала проклятая напасть. – Тем более...

– Вельв я отправил следом за разведчиками. Четырёх найденных в округе Найси и ещё трёх из Медб, отправленных моим кузеном, – перебил Мидир. – Сгнули тоже.

Король Оникс резко выдохнул и опустил плечи. Ллеу тут же насторожился и сунул руку под полы плаща, откуда выглядывали склянки и ритуальные ножи. Но нет, моему отцу не было плохо – так выглядела его ярость. Запоздало поняв это, Ллеу убрал руку и притих. Остальные затихли тоже.

– Истинный господин. – Гвидион нарочито откашлялся и чересчур весело предложил: – Может быть, нам стоит отправить туда Ллеу? Даже если туман действительно не детище сейда, возможно, побродив по окрестностям, Ллеу, как опытный сейдман, выяснит его природу...

– Вы прекрасно знаете, что я не могу отлучаться из замка, – парировал Ллеу, и колокольчики на его браслете вызывающе звякнули, словно в подтверждение этих слов. – Я должен поддерживать здоровье нашего господина. Это гораздо важнее, чем несколько сотен чумазных землепашцев.

Лицо Мидира вспыхнуло, и он уже во второй раз едва не опрокинул мой стул, рывком поднимаясь на ноги. Пожалуй, именно нежелание лицезреть драку и последующее наказание Мидира подбросило мне те крупницы смелости, которых мне не хватало, чтобы спросить вслух:

– Туман выглядит как стена или как дым? У него есть чёткая граница?

Я бы соврала, если бы сказала, что не задумывалась об этом прежде. Вопрос сидел в моей голове с тех самых пор, как отца впервые известили о загадочном тумане, пожинаящем людей, как осенний урожай. Каким был этот туман вжи-

вую? Насколько он плотный? Насколько непроницаемый? Что было бы, окажись я рядом с ним или *в нём*?

Король вскинул ко мне свою маску. Мне почудилось, будто прорезь для рта в ней стала шире, а уголки этой прорези потянулись вниз в недовольстве.

– Граница нечёткая, но она есть, – ответил Мидир, выдержав паузу, чтобы вернуть на место стул, сесть и снова собраться с мыслями. – Там, у деревенского тракта, растёт можжевельник... Туман не заходит дальше него.

– А каков туман в высоту?

– Не выше того самого можжевельника. Шагов двадцать или тридцать...

– Тоже с чёткой границей?

– Не совсем. Там туман рассеивается и становится похожим на дым.

– Значит, пролететь над туманом можно?

Лишь в тот момент Оникс понял, к чему я веду, и, прежде чем кто-либо из советников успел высказаться, поднял свою тяжёлую жилистую руку в ониковых перстнях и отрезал:

– Ты не полетишь.

Другого ответа я и не ожидала, а потому ничуть не растерялась.

– Разве мы не хотим узнать, что скрывается в этом тумане? Сверху я увижу гораздо больше, чем кто-либо из ныне живущих видел с земли. Это не первый мой полёт, отец. В чём дело? Будь я сыном, то уже прошла бы через десяток

бить, – резко заметила я, и взгляды советников оцарапали мою кожу, как камни на манжетах, которые я незаметно трогала под столом, пытаюсь унять дрожь, дабы та не передалась моему ровному голосу. – Однако я дочь, поэтому не покидаю замка и даже не спускаюсь в Столицу...

– Отсутствие личного опыта в битвах не делает тебя хуже, как тебя не делает хуже и то, что ты дочь, а не сын, – не менее резко заметил отец, откинувшись на спинку стула. – Каждый правитель силён по-своему. И у каждого правителя есть свои слабости. Для того и нужны советники – они усиливают первое и компенсируют второе. Так что, если ты хочешь аргументировать своё предложение тем, что тебе для полноценного Вознесения и достойного правления обязательно нужно побывать на передовой...

– Нет, я лишь хотела сказать, что полёт на драконе не сравнится с участием в войне, – сказала я, выдержав испытывающий взор полуслепых глаз. – Это мелочь по сравнению с тем, через что пришлось пройти тебе в мои годы. Именно поэтому я прошу позволить мне отправиться к Красному туману вместе с Солярисом. У меня ведь завтра день рождения. Пусть это будет твоим мне подарком.

В детстве я часто видела кровь. Она заливала щели в полу между изразцами, расходилась пятнами по коврам и смешно булькала, когда я прыгала по её лужам в своих блестящих башмачках. Кровь никогда не пугала меня, как не пугал и отец, измазанный ею до кончиков пальцев и держащий такой

же окровавленный меч после расправы над теми, кого считал предателями. Забираясь к нему на колени, я делала вид, будто не замечаю, как он откладывает этот меч в сторону и вытирает багряные руки о свои роскошные одежды, лишь бы не испачкать мои.

У каждого правителя действительно есть свои слабости, и главной слабостью Оникса всегда была я.

– Сегодня в полночь соберутся восемь ярлов, чтобы вознести тебе почести и принести свои гейсы, – произнёс отец. – Это лишь первый пир цикла Вознесения, но он важнее прочих, так как именно с него начинается твой королевский путь.

– Граница с Найси пролегает всего в четырёх часах лёта от замка. Столько же времени нужно, чтобы вернуться назад. Я буду дома к заходу солнца, – больше пообещала, нежели констатировала факт я, едва справляясь с волнением.

– Тогда решено. – Оникс поднялся. Все советники, включая меня, рефлекторно поднялись следом за ним. – Моя дочь, принцесса Рубин, полетит на драконе Солярисе к деревне туата Найси, охваченной Красным туманом. Отправляйся прямо сейчас. На всё у тебя есть десять часов.

– Слушаюсь, истинный господин.

Король Оникс первым вышел из зала Совета, держась за учтиво подставленный локоть Ллеу, подоспевшего к дверям и вставшего рядом с немymi берсерками. Я же вышла последней, вопреки правилам приличий, задержавшись у ка-

менной карты. И тут и там на ней виднелись красные отметины – засохшая краска Мидира. На белом камне она напоминала разбрызганную кровь. Я дотянулась до туата Найси и рукавом стёрла с него все красные точки, как собиралась раз и навсегда стереть с лица земли проклятый Красный туман.

2

Туман

На улице всюду валил снег, будто кто-то выпотрошил облака, как подушки, и осыпал землю лебяжьими перьями. Деревья, сторожевые башни и розовый сад, окружающий замок со стороны утёсов, захлебнулись в них, став безликой частью зимы.

Швырнув на постель аметистовое платье вместе с заячьей накидкой, я невольно задержалась перед окнами, любясь на творение месяца воя, но быстро опомнилась и вернулась к сборам. К тому моменту, когда я закончила переодеваться и заплетать волосы, солнце уже приближалось к зениту. Угловой алтарь Кроличьей Невесты сиял и искрился в его лучах, усыпанный кристаллами розового кварца и вербеной. Несколько цветков пожухли и осыпались, хотя я была готова поклясться, что, когда уходила, на них не было ни одного признака увядания...

– Оставьте меня, – велела я хускарлам, когда они провели меня через южное крыло замка до обугленных факелов в пристроенной неказистой башне. Независимо от времени суток в ней всё так же царил душный полумрак, и хускарлы даже не стали спорить, молча отступив. Там, где я находила убежище, они видели логово свирепого зверя.

К их счастью, этот зверь до сих пор дрых в своей постели.
– А я ведь говорила не читать до утра!

От звука моего голоса Солярис закопошился и с головой нырнул под шерстяное одеяло, будто я могла не заметить его и уйти. Наружу выглядывали лишь жемчужная макушка да голые ступни, белые, как сама простынь. А на придвинутом к изножью дырявом кресле скучала всё та же книга с пожелтевшими страницами в масляных пятнах. Только закладка в виде шёлковой ленты лежала на другом месте – кажется, на целых три или четыре раздела дальше, чем вчера. Немудрено, что теперь Солярис стонал, ворчал и злился, когда я, не сдаваясь, воскликнула ещё громче:

– Солярис, выбирайся из своего гнезда! У нас важное поручение от короля.

Его спальное место действительно напоминало гнездо: сбитые одеяла, ворох подушек с бахромой, меховые подстилки и размотанные клубки шерсти образовывали воронку. При свете дня в глаза ещё отчётливее бросалось то, сколько же в башне сора. Из-за тумб, деревянных стульев и прочей мебели, кучкующейся вокруг кровати, к ней было не подобраться.

Я цокнула языком и, не дождавшись реакции, решила действовать. В мужских штанах передвигаться было куда удобнее, нежели в юбке, так что я легко перепрыгнула скопление тумб и, не без синяков добравшись до кровати, сдёрнула с Соляриса одеяло. Из-под того выкатились черепа павших

воинов хирда, разбросанные прямо между подушек.

Дикий! Он даже не удосужился убрать их с постели, прежде чем лечь спать!

– Хлебнула бесстрашия из фляги Медвежьего Стража, мелочь? – Сол неуклюже смахнул черепа на пол и, закряхтев, перевернулся с живота на спину, до того сонный, что его глаза напоминали две узкие щёлки, а уголок рта блестел от потёкшей слюны. – Если не отстанешь, я откушу тебе лицо.

– Если не встанешь, глупая ящерица, отец откусит его нам обоим!

Я красноречиво нависла над Солярисом, явно не понимающим, насколько я серьёзна. Ему повезло, что он выглядел так мило, когда не пытался перегрызть кому-нибудь горло. Спутанные перламутровые волосы лежали на подушке веером, а кожа, молочно-фарфоровая, будто бы светилась изнутри, как алебастр. Оглядев вмятину от перины на его щеке, я непроизвольно опустила взгляд ниже и внезапно обнаружила...

– Ты голый.

– Я в курсе. Так и должно быть, когда ложишься спать без одежды.

Мне на лицо будто насыпали угля из ночной жаровни: я почувствовала, как оно раскалилось от смущения, и отвернула голову так резко, что услышала, как хрустнула шея. Но, сколько головой ни маши, увиденное уже не забудешь: длинная бледная шея, острые ключицы, плоский живот с рельеф-

ными мышцами... и, к счастью, плотная простынь, скрывающая нижнюю половину туловища там, где выпирали угловатые косточки таза и маленькие жемчужные чешуйки. Те собирались гроздьями и не исчезали даже тогда, когда Сол перевоплощался. Зато в остальном тело Соляриса напоминало чистый пергамент: ни родинок, ни веснушек, ни шрамов. Безупречная, безукоризненная красота, неестественная для человека. С такой внешностью любая девица из Круга с радостью вручила бы ему своё сердце, если бы он приложил для этого всего капельку усилий. Может, то и была истинная причина, по которой человеческие мужчины ненавидели драконов столь крепко, что охотно вступили с ними в войну, едва подвернулся повод?

– Уже в четвёртый раз... – простонала я, растирая скулы, чтобы побыстрее прогнать с них румянец. – В четвёртый раз я застаю тебя голым! Ну почему нельзя спать в сорочке, как это делают все?! Ты ведь знаешь, что я часто прихожу тебя будить...

– Вот именно. Жизнь ничему тебя не учит.

Услышав скрип кровати, прогнувшейся под весом Соляриса, я облегчённо вздохнула: по крайней мере он проснулся и даже сел. С чувством выполненного долга перебравшись обратно через тумбы, я подошла к окну и открыла щеколду, выпуская на улицу драконий жар, застоявшийся в башне, чтобы впустить вместо него бодрящую морозную свежесть.

– Так о каком поручении короля ты говорила? Разве могут

быть какие-то поручения, когда у тебя сегодня Вознесение?

Я облокотилась о широкий подоконник, застеленный растаявшим за ночь воском, и осторожно посмотрела на Соляриса. Тот уже натянул на себя хлопковые штаны и рубашу, однако его волосы всё ещё смешно топорщились во все стороны, и несколько прядей запутались в изумрудной серьге, раскачивающейся над его левым плечом. На ходу разбирая их пальцами (по непонятной мне причине он ненавидел расчёски), Солярис закрыл платяной шкаф и обернулся. Мне даже не пришлось отвечать на его вопрос, потому что, осмотрев меня прояснившимся после сна взглядом, он тут же задал новый:

– Почему на тебе лётная одежда?

Поразительно, что он не заметил её сразу: по сравнению с моими помпезными платьями, вышитыми золотом и драгоценностями, простой доспех из варёной кожи сразу должен был броситься в глаза. Короткая куртка с песцовым мехом на воротнике, высокие сапоги, перчатки из чёрной замши и коса с лунной фибулой вместо привычно распущенных волос – зная, какими опасными бывают полёты, к каждому из них я одевалась и готовилась даже тщательнее, чем к своим дням рождения.

– Потому что мы летим к деревне на границе туата Найси, где нас ждёт Красный туман, – ответила я таким тоном, будто это было очевидно. – Оказывается, он всё ещё там, и по приказу отца мы должны пролететь над ним, чтобы попы-

таться разузнать больше.

Пожалуй, умолчать о том, что это я выпросила у отца такой «приказ», было действительно умным решением, потому что лицо Соляриса и без того исказилось. Он выпрямился во весь рост и, едва не стукнувшись лбом о балдахин, в один прыжок пересёк и собственную кровать, и рухлядь, которой её забаррикадировал.

– Ты спятила, Рубин?! Зачем ты вызвалась?

Я невольно щёлкнула языком. И почему Солярис так хорошо меня знает?

– Ты ведь сам хотел исследовать природу тумана. – Я кивнула на постель, по которой раскатились старые крошащиеся черепа, а затем на книгу с красноречивым названием «Память о пыли», повествующую о тех славных днях, когда древний союз королевы Дейрдры с драконами действительно чего-то стоил. – Такого шанса может больше не представиться. Когда ещё туман будет смиренно стоять и ждать нашего прихода? Моё Вознесение в полночь, так что времени у нас по горло. А летаешь ты быстро, управимся за полдня. Да-да, я знаю, если со мной что-то случится, то...

«Ты никогда больше не поднимешься в небо», – собиралась сказать я, но Сол сказал совершенно другое, не дав мне закончить:

– Туату Дейдрре придёт конец, а вместе с тем и всему остальному Кругу, который привык полагаться на вас. Ты единственная наследница трона, Руби, а твой отец болен и

находится в шаге от могилы. Ты рискуешь не только собой – ты рискуешь всем.

Иногда, когда Солярис открывал рот, мне рефлекторно хотелось осмотреть себя на наличие царапин: он часто выбирал до того острые слова, что они могли порезать физически. Зато Солярис никогда не стеснялся правды. Но почему он озвучил именно эту? Почему выбрал такой повод для беспокойства? Ведь Дейрдре не был его родным краем. Это был не его дом. И здесь жил далеко не его народ. Если меня не станет и туалет канет в пасть к Дикому вместе со всеми людьми – разве это не должно сделать Соляриса, потерявшего по их вине абсолютно всё, поистине счастливым?

– Мы не будем соприкасаться с туманом, – пообещала я, выдержав свинцовый взгляд Соляриса. Это было по-настоящему сложно: когда Сол злился, он совсем переставал моргать, отчего казалось, будто смотришь на открытое солнце. – И мы будем осторожны. Я хочу помочь своим туалетам, понимаешь? Если не сделать этого сейчас, скоро мне будет нечем править.

Солярис знал, что я права. Он был упрямым, а не глупцом – с фактами не поспоришь. Фыркнув, Сол снова распахнул дверцы шкафа и, выудив оттуда уже залежавшуюся броню, юркнул за деревянную ширму. Хоть переодевающегося Соляриса и не было видно за ней, я всё равно отвернулась к окну. Расписные витражи на нём покрылись тонким слоем инея с внешней стороны, но тот мгновенно растаял, стоило

Солярису выйти и приблизиться ко мне.

– Я готов, – сообщил он, представ передо мной с пугающей решимостью в золотых глазах и в полном обмундировании. Его сборы, в отличие от моих, заняли не больше трёх минут.

В своих лётных доспехах он напоминал фигуру, выточенную из перламутра. И кольчужная рубаха, и наручи, и штаны – всё было выковано и сшито из его собственной драконьей чешуи. Никаких вставок, никаких креплений или пуговиц, ведь лишь чешуя не расходилась по швам и не приходила в негодность, а срачивалась вместе с телом Сола, когда он перевоплощался. Эти доспехи можно было с уверенностью назвать венцом кузнечного искусства. На их создание ушло больше двух лет: помимо того, что чешую крайне сложно пробить и сплавить вместе пластинами, её также невероятно сложно *отделять*. А отделять пришлось прямо от Соляриса *наживую* – при помощи раскалённых игл из чёрного серебра и щипцов, оставляющих после себя жуткие открытые кровоточащие раны. Пускай Солярис быстро исцелялся, а я не принимала в этой «процедуре» непосредственного участия, она всё равно врезалась в мою память как худшая пытка на свете. Крики Сола много ночей преследовали меня, но таково было его решение, а не моё – выковать броню, что сможет стать ему второй кожей, чтобы больше не пришлось беспокоиться о наготе и новых комплектах одежды, которую он до сих пор прятал по крыше замка то тут, то там (на всякий

случай вроде вчерашнего).

– Отправляемся, – сказали мы, кажется, одновременно.

Пускай Солярис сохранял невозмутимый вид, но я нутром ощущала его тревогу. Она читалась в быстром шаге, которым он нёсся по петляющим коридорам к заброшенной башне-донжону, и в том, как он то и дело отводил в сторону плечо, будто оно болело. Сол всегда так делал, когда его внутреннему зверю становилось тесно в человеческой ипостаси. В такие моменты я отвлекала или успокаивала его, но сейчас я не могла успокоить даже саму себя: от лежащей на мне ответственности и неизвестности, маячащей впереди, мне было тревожно не меньше.

Благодаря плоской крыше и местоположению вдали от посторонних глаз башня-донжон служила идеальной площадкой для взлётов и приземлений. Когда-то давно здесь располагалась моя детская, но сейчас в башне не осталось ничего, кроме сломанных погремушек, дряхлой колыбели и слишком размытых воспоминаний. Обогнав Соляриса, я без сожалений пересекла внутреннюю комнату и взобралась по короткой винтовой лестнице на крышу, когда вдруг внезапно услышала:

– Драгоценная госпожа! Принцесса Рубин!

Зимний мороз больно кусал за щёки. Зарывшись носом в меховой воротник, я замедлила шаг. Солярис же фыркнул, прошёл чуть дальше и остановился у самого края башни,

уперев колено в низкий зазубренный мерлон⁵. Уже по одному кислому выражению его лица я, даже не успев обернуться, поняла, кто именно меня зовёт.

– Гектор? Ты что здесь делаешь?

Запахавшись от бега, на крышу следом за нами вылез мальчишка. Ветер, свободно гуляющий по вершине башни, тут же сбил его русые кудри в невообразимые колтуны. Несмотря на то что зима была в разгаре и мы все не видели тёплого солнца уже несколько месяцев, веснушки на носу Гектора и скулах по-прежнему горели ярче, чем звёзды на ночном небе в месяц сапфиров.

– Карта, госпожа! – закричал Гектор, укутываясь плотнее в свой шерстяной шарф и пытаясь не дать ногам в лёгкой обуви разъехаться на заледеневшем камне. – Господин Мидир велел передать госпоже карту!

Умилённая решимостью Гектора, я решила умолчать о том, что и без карты знаю расположение всех туалетов, городов и деревень, включая то поселение, где остановился Красный туман. В конце концов, к этому меня обязывало положение, и ради этого я проводила за уроками по восемь часов в день с тех пор, как мне исполнилось три года.

– Большое спасибо, Гектор.

– Не за что, госпожа. Вот, держите, госпожа.

– Пожалуйста, перестань называть меня «госпожа» через

⁵ Мерлон – зубчатый парапет стены, промежутки в котором предназначены для лучников и защиты крепости.

каждые два слова. Младший брат моей молочной сестры то же самое, что и мой брат. Ты не обязан так пресмыкаться, – сказала я, послушно перенимая из рук Гектора сложенный лист пергамента, когда он всё-таки пересёк крышу и добрался до меня, так ни разу и не поскользнувшись, к досаде Соляриса. – А где сам Мидир?

– Уже ускакал, госпо... Рубин. – Гектор прикусил язык. – Отправился к границе Найси, где Красный туман. Просил передать, что ему жаль пропускать Вознесение, но он обязан присутствовать там лично независимо от того, что произойдёт дальше.

– Чего же он не сказал мне, что тоже поедет? Я бы его подбросила, – ответила я шутливо, и Гектор коротко, но многозначительно хохотнул:

– Ха-ха, смешно.

Даже Солярис, раздражённо притоптывающий ногой в ожидании, ухмыльнулся. Уверена, это было одно из тех воспоминаний, что согревали его в тоскливые дни, – первый и последний полёт Мидира, который закончился для советника в навозной яме, оставив на память мучительный страх высоты. Я до сих пор чувствовала вину за то, что уговорила тогда Мидира полететь, а Соляриса *не* уговорила всё не испортить.

– О! Чуть не забыл. Брат тоже просил передать кое-что.

Гектор засуетился и просунул руку под свою стёганую накидку, откуда у него выглядывал кожаный фартук и пояс с

несколькими крючками для инструментов. Судя по всему, он принёсся ко мне прямо из кузницы: от него ещё пахло горячим железом, полировочным песком и потом. Под тем же поясом, в маленьком кармашке, притаился продолговатый пузырёк размером с указательный палец, похожий на те, что складировал Солярис в своей башне для красоты и хранения драконьего пламени. Только у этого пузырька стекло шло волнами, будто застыло неправильно, а вместо пробки торчала металлическая крышка с кольцом на длинной цепочке.

– Это какое-то изобретение, оставшееся от драконов? – недоверчиво сощурилась я, забрав пузырёк и сжав его в ладони. Матовая поверхность мешала понять, есть ли уже что-то внутри. – Что оно делает?

– Не знаю. Брат сказал просто открыть его, когда ты будешь рядом с туманом. Думаю, он хочет взять пробу воздуха...

Пробу воздуха?.. Я непонимающе покачала головой, но послушно надела цепочку на шею, а сам пузырёк спрятала под меховой воротник, куда спрятала и карту. Мне никогда не удавалось понять, как устроен сейд, а уж в извращённые практики Ллеу я не хотела вникать и подавно.

– Хорошо, я тебя поняла. Вернись-ка лучше в замок, а то что-то ты совсем бледный... Ты уже принял утреннюю сыворотку, а?

Гектор вздрогнул и посмотрел на меня широко раскры-

тыми оленьими глазами. Те были зелёными, как свежая трава в месяц зверя, но без единого серого вкрапления, как у Ллеу или Матти. Он ни в чём не походил на близнецов, переняв вместо этого все черты покойного отца-хускарла: слишком светлые и жёсткие волосы, слишком острые черты лица и слишком крепкое телосложение. Хотя последнее, возможно, было результатом его работы в кузнице, где он трудился с ранних лет, пристроенный к королевскому кузнецу подмастерьем. Несомненно, Гектор мог добиться несравненных высот в этом ремесле, но кое-что мешало ему так же, как мне мешал спокойно жить Красный туман.

– Я в полном порядке, – заверил Гектор.

– С сахарной болезнью шутики плохи, дуралей, – бросил Солярис из-за моего плеча и, очевидно, вконец потерял терпение, потому что вдруг начал покрываться чешуёй: его шея, ладони и лицо стали стремительно белеть. – Хватит нянчиться с ним, Рубин. Нам давно пора вылетать.

Солярис никогда не обращался при посторонних, если только не был намерен привести их в бешенство. Или напугать до икоты, как пугал сейчас Гектора, который отличался особенно опасливым нравом. При виде меняющегося Соляриса он незаметно отступил на два шага назад, хотя Сол не был настолько большим, чтобы потеснить нас на крыше. Да, каждый год он становился всё больше в размерах и теперь уже мог сравниться с тремя-четырьмя лошадьми, а не с одной, как было в моём детстве. Но, если верить книжным ил-

люстрациям, до величия Старших драконов Солярису было ещё далеко. И всё-таки это зрелище завораживало, сколько бы раз ты его ни видел.

Чешуя расползлась на нём всё дальше и дальше, как су-мерки перед наступлением ночи. Весь процесс занимал не больше минуты: руки и ноги удлиняются, заострённые ногти становятся серповидными когтями, туловище увеличивается и изгибается, зубы превращаются в клыки, а жемчужные волосы – в такие же жемчужные гребни вдоль всей спины. Хруст костей, низкий утробный рык, золото глаз, что почти ослепляет, вернув себе природную остроту зрения вместе с природным великолепием.

Я заметила, что перестала дышать от восторга, лишь когда в лёгких начало жечь.

– Ладно, – сглотнул Гектор, отворачиваясь от отряхивающегося и разминающего мышцы Соляриса с таким же усилием, как и я. – Ухожу. Только... Последняя вещь...

– Карта есть. Пузырёк есть. Ну же, удиви меня! Что ещё ты принёс с собой, Гектор? Сокровищницу?

– Подарок.

В этот раз Гектору не пришлось долго шарить руками под накидкой – этот подарок был у него наготове, висел на том же поясе за спиной. Буквально через мгновение я увидела роскошные, блестящие от новизны наручи и перестала дышать от изумления уже во второй раз.

– Ты... позволишь мне?

Я вопросительно посмотрела на Гектора и вдруг заметила, как покраснелись у него щёки, будто измазанные в бруснике. Дождавшись, когда я протяну ему руки вместо согласия, Гектор осторожно закатал рукава моего плаща вместе с кафтаном до самого локтя – сначала правый, затем левый. Пальцы у него были грубые и мозолистые, какими и должны быть пальцы опытного кузнеца, но почему-то они ещё были липкие и влажные. Тем не менее они совсем не дрожали. Отточенным движением Гектор застегнул на моих запястьях наручи. Несмотря на внушительный вид – изящные кованые узоры с россыпью опалов по всему ободу, – наручи были едва ли тяжелее воздуха. Удобные, лёгкие и невероятно красивые, они заставили меня расплыться в улыбке.

– Какая великолепная работа, Гектор! Да тебе впору собственную кузницу открывать! Я обязательно поговорю с отцом на этот счёт.

Гектор ничего не ответил. Только застенчиво переступил с ноги на ногу и, закусив нижнюю губу, надавил указательным пальцем на боковой камень в наруче.

– А как тебе это?

Я услышала механический щелчок, а затем у моего запястья выскочило плоское лезвие, тонкое, как крыло бабочки, но явно острое и жалящее, как язык Дикого. Оно прилегало к моей ладони вплотную и будто становилось её продолжением, достаточно длинное, чтобы, всего лишь взмахнув рукой, рассечь противнику горло.

– Немайнская сталь, – сказал Гектор, пока я вертела подарок перед носом и восхищённо ахала, разглядывая его со всех сторон. – Это Матти купила опалы на своё жалование и попросила вставить их, так что сей подарок от нас двоих. В каждом наруче я также спрятал по клинку. Нужно ударить по боковым вставкам, чтобы лезвия выскочили. Будь аккуратна, ладно? Не хочу, чтобы ты поранилась. – Гектор посмотрел на меня из-под ресниц, и его пальцы сжали мои запястья, прежде чем отпустить. – Но и чтобы кто-то другой тебя поранил, не хочу тоже. Принцесс не учат сражаться, а эти наручи достаточно просты в обращении... Я собирался вручить их тебе на пиру, но, когда узнал, что ты отправляешься к Красному туману, решил сделать это прямо сейчас. Лишняя защита ведь не помешает, правда?

«Моей защиты ей вполне достаточно!»

Как славно, что вместо ревнивого ворчания Соляриса Гектор услышал лишь звериный рык. Но как плохо, что из-за связующего проклятия Соляриса прекрасно слышала и понимала я.

«Прощайся с ним уже наконец! Мы теряем время».

Сол нетерпеливо раскачивал хвостом, подметая крышу, и раздражённо хлестнул им меня по ногам.

– Спасибо тебе ещё раз, Гектор. Мне нужно идти. Обязательно сходи к брату за сывороткой! И плотно позавтракай! При сахарной болезни регулярные приёмы пищи – самое важное.

Я не услышала, что ответил на мои нравоучения Гектор, потому что мне действительно нужно было спешить. Стряхнув с воротника снег, я ухватилась за гребни на спине Соляриса и подтянулась вверх, усаживаясь между ними. Затем, сняв с пояса несколько металлических колец на прочных ремнях, я буквально приковала себя к этим гребням – мера предосторожности от падений. Ведь стоит мне оказаться в недосыгаемости Соляриса, не соприкасаясь с ним хотя бы кончиками пальцев, – и он падает следом, как бы широко ни распахивал крылья. Я не могла позволить себе разбиться, чтобы не позволить разбиться ему.

«А ты сама, к слову, завтракала сегодня?»

Этот вопрос застал меня врасплох. Казалось, голос Соляриса раздаётся прямо в моей голове, вибрируя в висках и затылке. Он звучал ниже, чем обычно, более глубокий, грубый и дикий, где-то на грани между человеческой речью и животным рычанием. Тем не менее я понимала его так же хорошо, как саму себя, и оттого принялась судорожно соображать, что бы такого ответить, не вызвав при этом подозрений.

– Ты тоже не завтракал, – ляпнула я вместо этого и тут же мысленно отвесила себе пощёчину, пытаясь попутно пристроить ноги на боках Сола так, чтобы те не затекли в полёте.

«У меня нет сахарной болезни».

– У меня её тоже нет.

«Есть».

– Она прошла ещё в детстве, Солярис.

«Хочешь, чтобы вернулась? Твои приступы слабости тоже могут стоять нам жизни. Ты должна хорошо питаться. Мне что, печенье с собой таскать?»

– Дикий! Сам же торопил меня. Чего строишь из себя мою бабушку Хризолит? Взлетай давай!

На ощупь его чешуя была такой же острой, какой и выглядела: перчатки в очередной раз порвались на ладонях, пока я устраивалась поудобнее. Зато я успела согреться: в первородном обличье Сол был даже горячее, чем в человеческом. Я замлела от этого тепла, но быстро опомнилась и легла животом ему на спину, когда Солярис взобрался на мерлон башни и, не предупреждая, птицей взмыл ввысь.

Сколько бы я ни летала, каждый раз дыхание у меня перехватывало, как впервые. Благодаря жемчужно-белому окрасу Солу было легко слиться с пургой: я не сомневалась, что уже спустя минуту нас стало не разглядеть из замка. Лишь когда Солярис выровнялся и ветер перестал резать мне глаза, я позволила себе выпрямиться и осмотреть тот простор, что раскинулся под нами.

Столица казалась крошечной и какой-то игрушечной, словно та самая карта на столе Совета, вырезанная в мраморе. Замок Дейдрре возвышался над городом, построенный на пике холма, и смотрел на все четыре стороны света, величественный и абсолютно неприступный. Сзади него, прямо под резким обрывом, прорастали острые рифы и скалы, обтачиваемые Изумрудным морем такого же изумрудного цвета.

Слева виднелись горные хребты Мела с острыми, как львиные когти, шпилями, пронзающими небо. От них замок отделяли лишь скромный кленовый лес, где мы с Солярисом собирали чернику в месяц зверя, и то самое Цветочное озеро, в котором мне не повезло искупаться на тринадцатый день рождения. А справа от замка цвело бесхозное маковое поле, на противоположной стороне которого и стоял Рубиновый лес. Его красные верхушки даже можно было разглядеть из некоторых окон замка, но суеверные слуги избегали занимать комнаты с таким видом, как и мой собственный отец.

Сам город, Столица, распростирался в низине у подножия замка, обнимая его спереди и с боков, как дитя, тянущее руки к матери. Я уже видела вдалеке крыши из разноцветной черепицы, соломенные навесы хлевов и пёстрые шатры зимней ярмарки. Где-то там же горели костры, вокруг которых собирались замёрзшие горожане, и эхом, наперебой с тальхарпой⁶, звучало пение флейты. Удивительно, как в такую стужу у людей не примерзали губы к музыкальным инструментам, но в этом и была вся Столица: несмотря на то что каждый туат насчитывал десятки деревень, поселений и городов больших и маленьких, лишь в главном городе Дейрдре независимо от суровости и капризности погоды днём и ночью кипела жизнь.

– Поднимись выше, – попросила я Соляриса громко, пе-

⁶ Тальхарпа – струнный смычковый музыкальный инструмент, похожий на лиру.

рекрикивая свист ветра. – Не хочу, чтобы горожане увидели нас. Дракон в небе знатно пугает их.

*«Мы не полетим через город», – ответил он и вдруг действительно кувыркнулся в воздухе, разворачиваясь на девяносто градусов. – **Прошлым утром у ворот Мидир назвал стражникам деревню, откуда прибыл. Лофорт, верно? Я знаю, где это».***

Я хотела возразить, но передумала: если Солярис в чём-то уверен, значит, так оно и есть. В конце концов, он, прожив почти целый век, наверняка знал об окружающем мире побольше моего – даже учитывая моё многолетнее обучение. Я покидала туат Дейдрре всего дважды за свою жизнь – в далёком детстве, во время походов отца на туаты Кердивен и Дану. Правда, тогда он сжёг несколько поселений заживо вместе с их старостами... Так что мне мало что запомнилось, кроме дыма, воплей и огня.

Чем выше поднимался Солярис, тем свирепее становился ветер и тем пуще я радовалась, что перед выходом из комнаты втёрла в губы мёд с маслом – без них мой рот давно бы превратился в кровоточащую рану. Я уткнулась лицом в меховой воротник, крепко держась за костяные гребни, а уже через пять минут увидела над нами цепкие верхушки рубиново-алых деревьев.

– Помнишь, как я потерялась здесь? – спросила я, изрядно развеселившись от нахлынувших воспоминаний.

«Хотел бы я забыть».

Мне было всего пять, когда я, ускользнув из-под присмотра няни-весталки, сбежала в лес и провела там целых три ночи. Длительный голод и холод впоследствии обернулись для меня первой стадией сахарной болезни, из-за которой я до сих пор выглядела болезненно худой на фоне пышнотелых сверстниц, но всё бы закончилось куда плачевнее, не отыщи меня Солярис. Я запомнила немного, лишь светящиеся в темноте глаза и нахлынувшее чувство безопасности, когда он нашёл меня в куче красных опавших листьев, свернувшуюся клубочком. Кажется, Сол, как всегда, ворчал, неся меня на руках домой, а ошейник из чёрного серебра позвякивал на его шее, разъедая ту до мяса. Уже в том возрасте я понимала, что *должна* потеряться, если хочу освободить Соляриса. Если хочу закончить его каждодневные истязания и уберечь от участи «ручного зверя». Ведь только так, вернувшись в объятия растроганного отца, я смогла упросить его снять с Соляриса ошейник в качестве благодарности и выделить ему полноценную спальню вместо стойла в конюшне.

Жизнь до этого – вот что Солярис на самом деле, как и я, хотел забыть, а не тот день, когда мы стали друзьями.

«Красный янтарь... В этом году его стало больше».

Солярис отвёл назад крылья, чтобы я, свесившись вниз, смогла разглядеть, как что-то поблёскивает меж деревьев, пробиваясь прямо из трещин в лопнувших стволах. То были застывшие градины разных форм и размеров, сверкающие, как драгоценные камни, – окаменевшая смола, что, в отли-

чие от смолы обычной, напоминала запёкшуюся человеческую кровь.

– Хороший вышел бы урожай для спекулянтов и ювелиров, – сказала я. – Если бы только они не были такими трусами.

Самый настоящий янтарь высшего качества, пусть и красный, и то не мог заманить в Рубиновый лес ни души. Даже ярлы сторонились его и старательно объезжали, пусть из-за этого путь к замку и становился в два раза дольше. Вероятно, мы с Солом были единственными, кого в силу привычки не страшил ни сам лес, ни сказки о нём: полёты над ним были обыденной частью нашего тренировочного маршрута. Почти задевая брюхом верхушки вечно красных деревьев, Солярис свернул от леса на юг и вскоре достиг устья Коралловой реки, за которой нас ждали новые поселения и леса.

«Рубин! Смотри».

Я успела задремать к тому моменту, когда показалась граница туата Найси, потеряв счёт времени после первого часа полёта. Солярис несколько раз подряд взмахнул хвостом и крыльями, встряхнувшись, чтобы заодно встряхнуть и меня. Едва не откусив себе язык от качки, я вскинула голову и часто-часто заморгала, сосредоточивая плывущий взгляд на пейзаже. Но нет, никакого пейзажа там не было и в помине... Как бы я ни моргала, ни очертаний домов, ни деревьев, ни хотя бы снежного покрова невозможно было разглядеть.

Потому что всё пространство впереди, до самого горизон-

та, застилал Красный туман.

«*Мне сесть?*» – спросил Солярис.

Прежде чем ответить, я снова свесилась вниз и бегло осмотрела местность. Нас и Красный туман разделяло ещё минимум триста шагов – Солярис летел достаточно медленно, чтобы я успела принять решение. Мидир не соврал: туман и впрямь имел чётко выраженную границу. Она начиналась прямо перед многовековым можжевельником высотой со сторожевую башню, растущим на конце ухабистого тракта. Туман будто упирался в него, как в невидимое стекло. С другой стороны дерева притаилась группа солдат – хирд Мидира, бдящий за туманом, как за диким зверем. Их кожаные доспехи, бронзовые щиты и знамёна пестрели на фоне снега. Посреди дороги на подступах к деревне стояла пустая повозка, возле которой слонялась ещё пара воинов: очевидно, они перекрыли тракт, чтобы не дать случайным путникам или торговцам кануть в небытие.

– Не приземляйся, – наконец-то решила я, когда услышала ругань и проклятия хирда, задравшего головы, когда по земле растеклась, точно дёготь, огромная драконья тень. – Лети сразу к туману.

Солярис не ответил – только набрал высоту, чтобы подстраховаться. Его крылья снова заработали у меня за спиной. Верх-вниз. Взмах. Ещё взмах. Я чувствовала, как Сол напряжён, даже сильнее, чем обычно. Сейчас он напоминал стрелу, выпущенную из арбалета, – ни дюйма в сторону, только

вперёд. Уже спустя минуту мы пересекли границу Красного тумана и оказались прямо над ним.

– Не дай лоскутам себя коснуться, – предупредила я, сглотнув мороз, от которого саднило в горле. Сверху туман действительно напоминал дым, тонкий и рассеивающийся, но загустевающий ближе к земле. Я не знала, что именно нужно для того, чтобы исчезнуть в нём – просто дотронуться хотя бы до маленького завитка или же окунуться полностью, – поэтому на всякий случай поджала ноги.

«Я не тупой. Лучше за собой следи. И смотри в оба».

Так я и сделала: опять легла на спину Соляриса, чтобы свеситься вниз, и попыталась разглядеть под его брюхом хоть что-нибудь. Но увы: туман оказался слишком плотным и сквозь него не просвечивали даже крыши домов, которые, если верить моим познаниям в географии, должны были располагаться аккуратно под нами. Никаких скотных дворов и уж тем более никаких людей – сплошь одна хмарь. Вблизи она казалась ещё краснее, прямо как выдержанное гранатовое вино, и пугала куда сильнее, нежели Рубиновый лес. Даже воздух вокруг тумана ощущался тяжелее, словно я вдыхала костровую гарь.

– Пузырёк! – вспомнила я и, расстегнув ворот, выудила оттуда матовую колбу, переданную Ллеу.

«Только не вздумай руки в туман совать!»

Я закатила глаза. И кто кого тут ещё считает тупым?

Сняв пузырёк с шеи, я откупорила зубами железную

крышку и свесила его вниз за последние звенья цепочки. Её длина позволяла зачерпнуть туман, как половником, при этом не касаясь его, – похоже, Ллеу всё предусмотрел. Возможно, недаром мой отец полагается на него.

«Руби, что-то не так...»

Пузырёк позвякивал, раскачиваясь в воздухе, и я увидела, как внутри него скапливается туман, проникая через горлышко. Но едва он успел наполниться, как я заметила, что туман стал ближе... и лизнул цепочку в опасной близости от моих пальцев.

– Не опускайся, Солярис!

«Я и не опускаюсь!»

Уже спустя секунду следом за пузырьком с цепочкой в тумане утонула вся моя рука по запястье, и я поняла: Солярис действительно не опускался ниже – это туман поднялся к нам.

– Выше, Сол!

Мне не пришлось повторять дважды. Я едва успела сесть ровно и забросить пузырьрёк обратно под воротник, когда Солярис изогнулся и подорвался вверх, лихо набирая высоту. Дыхание спёрло от перепадов давления, и, вцепившись пальцами в костяные гребни, я скосила глаза вбок. Туман ничуть не отставал от нас, будто прилип к чешуйчатому хвосту Соляриса.

«Огонь мира! Он пытается поймать нас! Держись крепче, Руби!»

Я вжалась в спину Соляриса и мысленно воззвала к четырём богам, пусть и понимала, что всё бесполезно. Ещё несколько минут назад мы парили над уровнем деревьев, и там кончались владения тумана, но теперь, даже запрокинув голову, я не видела солнца и облаков – туман был почти повсюду. Как бы Солярис ни кружил и ни вилял, тот всегда оказывался впереди, будто предугадывал все его действия. Туман был не просто надоедливый и кровожадным – он был умным и быстрым. Умнее, чем какой-то там дикий зверь, и быстрее, чем моё собственное сердцебиение, отдающееся стуком в висках.

«Нет, нет, нет!»

Не прошло и минуты, как всё перед глазами застелила алая пелена. Всё-таки обогнав Соляриса, туман окончательно сомкнулся над нашими головами.

«Не могу лететь!»

Голос Соляриса надорвался в моей голове, а затем у меня заложило уши: точно так же резко, как только что Солярис устремился ввысь, он вдруг замер и камнем полетел вниз.

От страха я даже не смогла закричать. Только вцепилась ногтями в жёсткую чешую, раздирая пальцы, пригнулась и крепко зажмурилась, готовясь к удару. Это было совсем не похоже на моё первое и единственное падение пять лет назад: тогда я была почти без сознания от нехватки кислорода, а поблизости находилось Цветочное озеро, до которого Солярису удалось донести нас, чудом подцепив меня в возду-

хе. С тех пор длинные шрамы на рёбрах от драконьих когтей служили мне горьким напоминанием, что по-настоящему упасть с дракона можно лишь один раз в жизни.

Неужели этот раз всё-таки настал?

«*Руби!*»

Что-то толкнуло меня в грудь, заставив пальцы на костяных гребнях разжаться, и закрутило в воздухе колесом. На секунду разомкнув веки, я увидела белоснежный чешуйчатый хвост, растворившийся в тумане, – нас с Солярисом раскидало в разные стороны красного проклятия.

– Солярис!

Я не поняла, в какой момент достигла земли, и даже не запомнила удар об неё. Только боль волнами растекалась по телу от кончиков пальцев до макушки. Особенно сильно ныли колени, локти и правая щека, которой я проехала по мелким камням. Однако мне хватило сил не только открыть глаза, но даже сесть. Лишь несколько раз внимательно осмотрев себя и проверив все кости с суставами, я окончательно поверила в это: никаких переломов и смертельных ран. Я была по-прежнему жива и, кажется, даже невредима, если не считать синяков, порванной одежды и разбитого виска, откуда по щеке и шее катилась кровь. Но разве...

Разве такое вообще возможно?

– Солярис! – снова закричала я, когда смогла обуздать панику и негодование. – Сол! Где ты?! А где...

Где я сама?

Хоть сверху туман и казался непроглядным, но здесь, под его толщей, он хорошо просматривался в радиусе десяти шагов. Я обнаружила, что сижу прямо на мёрзлой земле между двумя крестьянскими лачугами с покатыми крышами, тёмными окнами и соломенным настилом. Вокруг проступала обычная деревня: углы соседних домов, деревянные ограды с перегоревшими масляными лампами на крючках, заледеневшие улицы и крытые телеги, брошенные на полпути. Деревня будто застыла, как картинка. Рядом со мной, у крыльца, валялись лошадиная сбруя и седло, словно кто-то случайно обронил их, когда выходил из дома. Неподалёку слышалось ржание лошадей, запах тоже стоял соответствующий, самый что ни на есть сельский – поблизости точно располагался хлев или курятник.

Я медленно поднялась, всё ещё не уверенная в том, что у меня не сломаны ноги, и, обтерев лицо замшей перчатки, двинулась наугад. Во время полёта до Лофорта всю мою накидку и волосы усыпал снег, но здесь, под панцирем тумана, он совсем не шёл. Лишь земля хрустела под ногами, как доказательство того, что на улице действительно стояла зима: сугробов в деревне не было тоже. Туман практически не пропускал солнечный свет, из-за чего оставалось только гадать, который сейчас час. Сразу ли я пришла в сознание? Сколько времени уже прошло? И почему...

– Почему я не исчезла? – спросила я саму себя вслух, оглядывая грязные исцарапанные руки, которые затем пристави-

ла ко рту, чтобы громко крикнуть: – Солярис!

Мой зов эхом прокатился между домами, и я содрогнулась, когда это эхо вернулось обратно, будто туман ответил мне моим же голосом. Он пах солью, дождём и медью, от которой свербило в носу. Заглядывая в помутневшие от мороза окна домов, я запрыгнула на первое попавшееся крыльцо, открыла дверь и робко просунулась внутрь.

– Эй, здесь есть кто-нибудь?

Но никого больше не было. Я проверила несколько лачуг, и все оказались пусты. Кухонная утварь, закопчённые очаги, мурлычущие на подоконниках кошки и даже остывший хлеб с замёрзшим супом на столе – всё осталось нетронутым, как и утверждал Мидир. Может, туман всё ещё оставался здесь, но людей он уже давно забрал.

– *То, что я увидела... Будущее, пламенный кошмар... Это неизбежно?*

– *Это неизбежнее, чем зима; чем потуги девицы, которая скоро понесёт дитя.*

– *Но разве не ты учишь людей тому, что судьба изменчива, как погода? Что её можно задобрить и склонить на свою сторону, как разбойники каждый раз склоняют на свою сторону тебя? Скажи мне, что делать, и я всё изменю!*

В центре каждого мало-мальски крупного поселения всегда рос священный тис. Точнее, наоборот – это город строился вокруг священного тиса, там, где прорастали семена богов, даруя своё благословение и разрешение обустроиться на

их земле. Священное древо неизменно возвышалось на перекресте дорог, и поселение существовало ровно до тех пор, пока существовало и цвело древо. Каждый месяц оно задабривалось всеми жителями, украшалось бумажными гирляндами или раскрашивалось красками из толчёных орехов и ягод. В ответ на подношения и заботу тис оберегал, защищал, объединял... И в Лофорте этот тис тоже был.

Я заметила его в тумане, как раз дойдя до перекрестка, где обычно разбивался рынок, а вместе с тем увидела и два человеческих силуэта, спорящих между собой под его голыми скрюченными ветвями.

– Эй!

Возле древа туман становился вязким и упругим, как смола. Он почти полностью окутывал обоих людей в кровавые плащи, не позволяя разглядеть что-то, кроме золотых пластин на их одеждах и роста: один ниже, второй выше. Судя по голосам, мужчина и женщина. Однако никто из них не шелохнулся, а затем оба и вовсе растаяли, едва я успела приблизиться к ним.

Весталка рассказывала, что иногда Дикий дурит людей, являя им призраков и страшные видения. Неужели это они и есть?

Я опёрлась рукой о тис: по крайней мере он точно был настоящим, расписанный зигзагообразными узорами и отпечатками детских ладоней вдоль всего ствола. Вдобавок такой широкий, что потребовалось бы человек пять, чтобы просто

обхватить его. Из-за этого я не сразу увидела, что мужчина с женщиной появились вновь, только уже по другую сторону древа.

– Не хочешь, чтоб жар света землю обуял? Чтоб весь мир, в любви его согревшись, навечно замолчал?

Я встrepенулась, но остановила себя на полушаге. Интуиция шептала на ухо, что, если попробую обогнуть древо и подойти к призракам ближе, те снова исчезнут. И неизвестно, вернутся ли. Стоит ли рисковать? Ведь, похоже, это и впрямь не люди вовсе... Но что тогда?

– Как печально и смешно! Я бы посмотрел, хоть это и грешно, – хихикнул мужчина в тумане.

Выглядывая из-за тиса, я прищурилась, но тщетно: мгла пропускала только голоса. Мужской был высоким и медовым, то поднимающийся до звонких нот, то нисходящий на интимный шёпот. Незнакомец говорил с издёвкой, гораздо задорнее и бодрее, чем его собеседница, явно не разделяющая веселья и находящаяся на грани истерики:

– Как я могу вернуться, зная, что мой дом ожидает подобная участь?! Если есть шанс это предотвратить... Я молю тебя, на коленях молю. – И силуэт женщины действительно рухнул наземь. Она склонила голову, почти припав лбом к земле, но мужчина напротив даже не шелохнулся. – Вы, четверо изгнанников, во имя людей отказались от божественной доли. Неужто вы оставите нас теперь? В чём же тогда был смысл вашей великой жертвы?! Молю, мой Принц, молю...

Позволь мне хотя бы попытаться!

Мужчина молчал. Долго молчал. На миг я подумала, что видение – или чужое воспоминание? – сломалось и застыло, но нет. Мужчина не наклонился, только немного опустил голову, глядя на павшую ниц женщину сверху вниз... и усмехнулся.

– Как печально и смешно, – повторил он. – Жаль, что, если мир сгорит, никто уже не принесёт вино.

– Это... это значит «да»? У меня есть шанс?

– Шанс есть всегда, но нет пути обратно. Жертва неизбежна так же, как неизбежна плаха.

– Я готова, слышишь? На всё готова!

– Тогда внимай мне: Рок Солнца будет длиться вечность, но коль взрастишь в себе зерно, однажды жизни скоротечность два сведёт в одно...

– *Рубин!*

Я ахнула и отпрянула от дерева. Последний голос принадлежал уже не призракам, а Солярису, чей крик прокатился по улице громовым раскатом. Туман вокруг тут же завибрировал, забурлил от недовольства. Несмотря на то что всё внутри меня требовало броситься Солярису навстречу и заключить его в объятия, я осталась стоять на месте и продолжила смотреть на таинственные силуэты, не моргая. Один из них почему-то казался мне смутно знакомым.

– Руби!

Крик Соляриса вдали повторился, и мужчина повернулся

к тису спиной, уходя. Женщина сразу последовала за ним. Я рефлекторно подалась вперёд, отчаянно цепляясь взглядом за золотые пластины на её одеждах, которые вдруг засияли слишком ярко, чтобы туман мог скрыть их так, как скрывал лица. Я до последнего надеялась, что он всё-таки приоткроет мне что-нибудь ещё... И он сделал это, расступившись на мгновение: у мужчины – штаны-шаровары, усыпанные драгоценностями так же, как и котта⁷ с высоким воротником и странным плащом, напоминающим птичьи крылья. У женщины – длинное платье из тяжёлой ткани с простым, но изящным золотым поясом. Он идеально гармонировал с украшениями в её бронзовых волосах, один вид которых пригвоздил меня к месту, – тройная лунная фибула, как золотая монета в костре. Растущая луна, убывающая луна и полнолуние.

– Руби! Слава солнцу, ты цела!

Солярис схватил меня за руку. Его дыхание сбилось, неизменно фарфоровые щёки впервые приобрели человеческий румянец, а по белоснежной чешуе доспеха ручьями струилась кровь. Он потащил меня следом за собой так резво, что я даже не успела разобрать, откуда та льётся. Видимых ран на теле Сола не было, но я не сомневалась, что они найдутся под его одеждой. То, как Сол сгибался пополам на каждом шаге, снова и снова преодолевая боль, ясно дало мне понять, что для него падение обернулось бóльшими последствиями,

⁷ Котта – туникообразная верхняя одежда с узкими рукавами.

нежели для меня.

Я не знала, куда мы бежим, но, как всегда, безоговорочно вверила себя Солярису. Он ловко ориентировался на незнакомых улицах, петлял меж домами и не сбавлял скорость, даже когда мы оказывались на развилке. Для меня же все тропы выглядели одинаково – красно-белые от тумана, безлюдные и неживые. Я несколько раз оглянулась на священный тис, оставшийся позади, но ничего нового там не увидела.

– Холод... Чувствую холод... Туда!

Солярис ускорился, и я споткнулась, едва поспевая за ним. Его когтистые пальцы, кольцом сомкнутые вокруг моего запястья, точно добавили мне ещё один синяк. Мы миновали облезлые поросли смородины и дикой малины, которыми, как забором, обрастала деревня Лофорт по периметру, а затем Солярис вдруг остановился и толкнул меня вперёд.

Потеряв равновесие, я выкатилась за границу тумана первой. Удивительно, но Красный туман легко отпустил и меня, и Соляриса, выпрыгнувшего следом. Мы будто прошли через плотную завесу дыма: на миг перед глазами всё потемнело, а в следующую секунду я уже стояла под грязно-синим небом в окружении гудящего хирда, подоспевшего к нам на помощь от старого можжевельника, возле которого они разбили лагерь. Там же горел костёр, на котором жарилась пара подстреленных белок. Огонь алчно ловил языком сыплющиеся хлопья снега, который всё ещё шёл здесь, по эту сторону тумана. Но там...

– Принцесса Рубин!

– Госпожа, вы в порядке?

– Это драгоценная госпожа! Позовите лекаря и принесите воды!

Я пробормотала что-то невнятное, вежливо отбиваясь от заботы, хотя вода и впрямь бы не помешала – голова у меня шла кругом. Но не столько от шока или падения, сколько от бега. Лёгкие нещадно пекло, сердце колотилось, и от облепивших меня воинов становилось лишь хуже. Я выставила перед собой руки, расталкивая их, чтобы добраться до Соляриса, сидящего на земле почти у самой границы тумана: он упал сразу же, как переступил через неё. Пускай кровь уже не бежала по его доспеху, он всё равно выглядел неважно: раскрасневшийся, с прилипшими ко лбу волосами и самостоятельно вправляющий себе руку, которая всё это время, оказывается, была сломана.

– Ты как? – спросила я, опустившись рядом. Туман колыхался за спиной Сола, как море, и я следила за ним краем глаза: вдруг снова взбунтуется и попробует подойти ближе? – Давай-ка лучше отойдём...

– Хоть одна твоя хорошая идея за сегодня, – фыркнул он, неохотно опираясь на моё плечо, чтобы подняться на ноги.

Однако едва мы успели сделать пару шагов в сторону разбитого лагеря, как вокруг снова раздалась охи и крики:

– Смотрите!

– Оно уходит?..

Один из воинов выронил бурдюк, расплёскивая терпкую медовуху на снег, а затем даже снял с головы шлем, чтобы ничего не мешало ему видеть, как Красный туман уходит туда, откуда пришёл. Я никогда не думала, что это происходит так... *обычно*. Проклятый и явно потусторонний, туман тем не менее рассеивался точно так же, как и любой другой: вдруг стал редеть и светлеть, теряя свой насыщенный кровавый цвет, пока окончательно не высвободил деревню из плена. Проступили доски, покатые крыши, сараи и священный тис, возвышающийся в центре... Уже спустя пять минут никакого тумана не было и в помине.

– Уходим, – шепнул мне Солярис на ухо, и, пока все остальные бурно обсуждали, не опасно ли заходить в деревню прямо сейчас, мы под шумок нырнули за кромку леса.

– Эй, ты куда? Лагерь в той стороне! – воскликнула я, указывая пальцем на можжевельник, который Сол без сожалений оставил позади. – Тебе нужно отдохнуть, Солярис!

– Всё, что мне сейчас нужно, как и тебе, – это избежать вопросов и подозрений. Мы оба упали прямо в гущу тумана, а потом вышли оттуда как ни в чём не бывало. Первые за всю его историю, а потому тоже проклятые, – отчеканил он, не оборачиваясь.

– Проклятые?..

– Люди считают проклятым и опасным всё, чего не понимают. Просто делай, как я говорю.

– Но...

Сол сделал вид, что не услышал мой вялый протест, продолжая пробираться сквозь притоптанные сугробы и ели, раскачивающиеся на ветру. Скрепя сердце я погналась за ним, перелезая через поваленные деревья, которые Солярис просто переступал за один шаг. Может, он был и прав – стоило сбежать от хирда, пока воины снова не окружили меня и не начали допрашивать, а ещё хуже считать осквернённой.

Ведь Красный туман уносит человеческие души. Почему же он не унёс наши?

– Сол! Я кое-что видела там, у дерева... – начала я, и он сразу остановился, но не потому, что внял моему беспокойству, а потому, что впереди показался полузамёрзший ручей, бьющий из горячих подземных вод.

Почти уснувший подо льдом в это время года, он едва слышно и мягко журчал. Этот звук напоминал колыбельную, а сама вода была кристально чистой, как бриллиант. Солярис первым спустился к берегу и удовлетворённо цокнул языком. Наверняка он заметил этот источник ещё в полёте, учуяв влагу.

– Обсудим всё в замке. Сейчас тебе нужно промыть ссадины, чтобы не занести заразу. Привести себя в божеский вид тоже бы не помешало. Лицо своё видела?

– А ты себя *всего* видел? – парировала я, сложив руки на груди, пускай колени, как и висок со всей правой щекой, действительно чертовски жгло. Те стянуло коркой из грязи и крови, но мне было абсолютно плевать. – Тебе лекарь нужен,

глупец! Давай вернёмся...

– Бóльшая часть моих ран зажила ещё к тому моменту, когда я тебя нашёл. А только что зажили все оставшиеся.

– Сколько же именно ран ты получил?

– А ты как думаешь? – Солярис посмотрел на меня без привычной насмешки в глазах. Его руки уже пробили лед и погрузились по локоть в воду, смывая и с кожи, и с брони коричнево-багряный налёт. – Мы упали чуть ли не с высоты Меловых гор, Руби! Я не понимаю, почему ты осталась жива и даже преспокойно разгуливаешь на своих двоих, но безмерно рад этому, потому что лично у меня было переломано больше тридцати костей.

Тридцать... костей?!

Где-то в верхушках елей захлопали птичьи крылья. Солярис хмыкнул и отвернулся к ручью, принявшись умываться. Вода быстро очистила его лицо от нездорового румянца, а жемчужные волосы – от грязи и пота. Отмывать всю броню он не стал: на белоснежной чешуе запеклось так много крови, что проще было нырнуть в этот ручей с головой. Я содрогнулась от мысли, как же, должно быть, Солу было больно... И всё-таки он поднялся, чтобы найти меня. Опять.

– Тебе повезло, что ты родилась в рубашке, а мне повезло, что я молод, – продолжил Солярис, когда закончил приводить себя в более-менее приличный вид, и, выбравшись из мелководья, поднялся ко мне на крутой склон. – Будь я хотя бы на сто лет старше, мне бы неделю себя по кусочкам соби-

рать пришлось.

Я удивлённо хмыкнула, но быстро вспомнила: чем взрослее дракон, тем он крупнее, но и тем больше времени ему нужно для восстановления. Большинство книг о драконах были уничтожены во время войны, поэтому долгое время мои знания ограничивались тем, что драконы умеют летать и извергать пламя, зовущееся *солнечным*. Несомненно, Солярис мог поведать мне гораздо больше... Жаль только, что он почти никогда этого не делал.

Отряхнув мокрые волосы, Сол нетерпеливо кивнул на ручей, давая понять, что теперь моя очередь. Я послушно спустилась к берегу и села на корточки подле пробитого льда, когда вдруг заметила, что Солярис спускается следом.

– Вот уж умыться я точно сама могу! – воскликнула я, остановив его жестом. – Не маленькая.

Сол лишь пожал плечами и, вернувшись на пару шагов назад, осел под елью, наблюдая, как я стягиваю с рук замшевые перчатки и запускаю пальцы в ледяной поток. Несмотря на то что на улице стоял месяц воя, это было невероятно приятное чувство: холод остудил израненные пальцы, а заодно прояснил рассудок. Без зеркала умываться было сложно, но я на ощупь стёрла с лица всю грязь, не забыв промыть разбитый висок и длинную царапину под самой челюстью – та шла почти от уха до уха. Падение меня не убило, но теперь это наверняка сделает Маттиола.

– Солярис...

– Я же сказал, что мы обсудим случившееся дома, при Совете и твоём отце. Мне надо подумать.

– Я не об этом хотела поговорить. Можешь рассказать о Роке Солнца?

Я услышала, как хрустнули ветки, на которых сидел Солярис, и повернулась, параллельно смывая кровь и прилипший снег с коленей под порванными штанами. Почему-то я не сомневалась, что даже если подвесить Соляриса над обрывом, он и тогда сохранит надменный бесстрастный вид. Эта его способность восхищала меня едва ли не больше, чем его первородный облик. Но вот Солярис повёл плечом, будто стряхивая невидимый плащ, и я поняла – он притворяется.

– Нелепо, – ответил Сол.

– Что нелепо? – спросила я.

– Просить меня рассказать о том, о чём и сама всё знаешь. Не твой ли прадед погиб от последнего Рока семьдесят лет назад?

– Да, так и есть. Я знаю о Роке Солнца, но знаю как человек, поэтому и спрашиваю тебя, дракона. Что *вы* знаете о нём?

Солярис заколебался, но затем тяжело вздохнул, безмолвно соглашаясь с моей просьбой. Запрокинув назад голову и прижавшись затылком к стволу дерева, он закрыл глаза. Снег оседал на его пушистых и почти бесцветных ресницах, пока он говорил, а я тем временем осторожно плескалась в ледяном ручье, внимательно слушая:

– У нас Рок Солнца любят называть Тысячелетним Рассветом. Тебе повезло, что ты уже умрёшь к тому моменту, когда он повторится снова. Из-за того, что все трое суток солнце не заходит за горизонт и раскаляется до предела, даже камни начинают плавиться. Несчастливые люди прячутся в погребках своих замков, а те, у кого замка нет, получают солнечные ожоги и умирают в муках. Животные, которые не умеют рыть глубокие норы и хорошо прятаться, или хрупкие породы деревьев умирают вместе с ними. Для человечества это великая катастрофа, случающаяся раз в тысячу лет, но для драконов – великий праздник, которого мы ждём целыми поколениями. Мы любим жар, поэтому в Рок Солнца чувствуем себя комфортнее всего. Свирель, блюда из сахарного тростника, танцы сородичей и смех молодняка с детёнышами, которые впервые видят, чтобы солнце горело так ярко... Повсюду зажигаются костры, будто на улице недостаточно жарко, и расставляются зеркала, чтобы даже окаменевшие от тоски драконы могли насладиться светом в полной мере. Город не спит все трое суток, гуляет и веселится. Те, кто уже нашёл свою пару, стараются сыграть свадьбу в эти дни, якобы это сулит большое потомство. П-ф...

Когда Солярис говорил, его глаза оставались закрыты, но на губах цвела улыбка, которую он позволил мне увидеть лишь потому, что думал, будто я слишком занята омовением и не смотрю на него. Но я смотрела... И вина, растущая с самого детства, стала скрестись изнутри. Как бы редко Со-

лярис ни говорил о доме, он делал это с любовью, благоговением и грустью. Как бы чопорно он ни выглядел, живя своей новой жизнью, он скучал по старой. Он жутко хотел домой.

– Звучит действительно прекрасно, – слабо улыбнулась я, любуясь им, в кои-то веки безмятежным и замечтавшимся о житейских радостях. – Судя по рассказам, ты тоже праздновал Рок Солнца семьдесят лет назад, да?

– Нет, семьдесят лет назад я родился. Как раз в последний день Тысячелетнего Рассвета.

Я открыла рот, но снова закрыла его, принявшись загибать пальцы и считать. Солярис родился в седьмой день месяца пряжи – я точно знала это, потому что каждый год собственноручно пекла вместе с кухонным мастером его любимые голубичные тарталетки с пышной верхушкой из лимонной меренги. И потому что в этот день Солярис ворчал сильнее обычного, становясь совсем несносным. А семьдесят лет назад мой прадедушка погиб в восьмой день того же месяца... Всё сходилось, но оставался последний вопрос.

Почему я столько лет живу с Солярисом, но узнаю о таких закономерностях только сейчас? И, главное, почему они мне так не нравятся?

«Рок Солнца будет длиться вечность, но коль возрастишь в себе зерно, однажды жизни скоротечность два сведёт в одно».

– Скажи, Солярис... – Я прочистила горло и сделала вид, что очень увлечена кругами, расходящимися по воде, и тем,

как дрожат в ней мои вконец обледеневшие пальцы. – А может быть такое, что однажды Рок Солнца будет длиться дольше, чем три дня? Может ли он действительно длиться... тысячу лет? Или целую вечность?

– Вечность? – переспросил Сол, и его насмешливый тон немного успокоил меня. – В мире не существует ничего вечного. Кроме твоей непутёвости, конечно.

– Я серьёзно.

– Если бы Рок Солнца длился вечность или хотя бы тысячу лет, Руби, наш мир превратился бы в пепелище. Люди так уж точно. Ты же...

Солярис умолк на полуслове и, распахнув глаза, вдруг подскочил на ноги. Всего за несколько шагов он спустился к ручью и даже не заметил, как случайно погрузился в мелководье по щиколотку, когда навис надо мной. Его плечо снова дёрнулось в сторону, а глаза, золотистые и искрящиеся, забегали туда-сюда по моему лицу так, будто Сол увидел меня впервые. Я занервничала, потянувшись к щеке – может, плохо смыла кровь? – но не успела спросить, что не так.

Солярис протянул руку к моим волосам:

– Нехорошо...

– Что плохо?

Кадык Соляриса дёрнулся, а сухие губы, потрескавшиеся на морозе, сжались в тонкую линию. Он аккуратно поддел заострённым ногтем ту прядь волос, что лежала за моим ухом, и вытянул её, накручивая на свой палец так, чтобы я

увидела.

– Вот это, – прошептал Солярис, и мы оба уставились на локон, который ещё утром, когда я причёсывалась, был таким же медово-песочным, как и все остальные.

Теперь же он был рубиново-красным.

3

Вознесение

Из наполненной до краёв ванны и чугунной печи в центре купальни поднимался душистый травяной пар. Вода окрасилась в светло-розовый от плавающих в ней лепестков незабудок, дикой мелиссы и макового масла, впитываясь в разрумяненную кожу вместе с горько-сладким ароматом ушедшего лета. Я позволила телу обмякнуть, свесив руки с деревянных бортиков, и закрыла глаза, представляя, что раскачиваюсь на волнах безмятежного Изумрудного моря, – даже своими формами и размерами ванна походила на рыбацкую лодку. А звук, с которым Маттиола подливала из кадки горячей воды, отдалённо напоминал шум прибоя, который можно было услышать из восточной части замка по утрам. Мою иллюзию портила лишь сама Матти – она суетилась, перебежала с места на место, не зная, что ещё сделать, дабы привести меня в надлежащий вид.

– Не дёргайся.

Скребя пестиком по месиву из растёртого зверобоя и голубой глины, Матти нависла надо мной и растёрла вязкий нагретый бальзам почти по всему моему лицу.

– Ой-ой, жжётся!

– Сказала же, замри! По-другому эту гематому не убрать.

Я притихла, стиснув зубы. Никто бы не захотел сердить Матти дважды, если бы пережил то, что пережила я по возвращении из Лофорта в Столицу. При виде меня, побитой и грязной, она закатила такую истерику, какой предавалась на моей памяти разве что в детстве на похоронах крольчонка Ярла Белая Шёрстка, которого Мидир однажды поймал нам на охоте. Однако даже тогда Матти успокоилась гораздо быстрее, чем сегодня.

– Ты была такой красивой! Такой красивой! – причитала она, рыдая в три ручья и прыгая передо мной, как цапля, когда я, едва держась на ногах после нескольких часов полёта, брела в зал Руки Совета. – В какой ужас превратилось твоё личико теперь! Твоё бедное, бедное личико... Это конец!

– Матти, ты говоришь так, будто мне лицо разъела хворь. Это всего лишь синяк и пара ссадин.

– Синяк и ссадины прямо накануне Вознесения! Хуже и быть не может!

За Маттиолой и прежде наблюдалась склонность к драматизму, поэтому я надеялась, что она успокоится к тому моменту, когда я поговорю с отцом и вернусь в покои, чтобы полноценно подготовиться к пиру. Так оно и оказалось: всего за час, что мы с Солярисом пробыли у короля Оникса и советников, Матти собрала целую тележку со склянками, мазями и припарками, готовая драться за мою красоту не на жизнь, а на смерть.

– Сегодня все будут смотреть на тебя, будущую королеву

девяти туалатов. Ты обязана сиять! – всё ещё в слезах, но решительно заявила она, хватая с тумбы бархатистые полотенца. – Я не позволю тебе быть уродиной!

– Что? По-твоему, я сейчас уродина?..

– Марш в купальню!

И вот я здесь – терплю десятую процедуру подряд в попытках Матти свести с моего лица следы недавних приключений, от которых всё ещё голова шла кругом. Одна мазь сменяла другую, горчица чередовалась с птичьим помётом, а со лба Матти капал солёный пот... И всё-таки это было приятнее, чем допросы и лекари, которые наводнили зал Совета, стоило мне сообщить, что я побывала в сердце Красного тумана.

– Истинный господин, наверное, пришёл в ярость, – поёжилась Матти, когда я закончила рассказывать ей всё то же самое, что рассказала отцу, и даже чуточку больше.

– Отец скорее испугался, – ответила я, немного подумав. Мои веки были плотно сомкнуты, и я чувствовала пальцы Матти в своих волосах. Она тщательно втирала мне в кожу головы апельсиновое мыло, вычищая грязь и дурные мысли. – Если он на кого-то и разозлился, то только на Соляри-са. Сразу выгнал его из зала, стоило мне дойти до той части доклада, где мы упали. Будто он в чём-то виноват... К счастью, мой последующий рассказ так шокировал Совет, что отцу стало не до Сола. Никто, даже Ллеу, не понимает, почему туман нас не забрал.

– Ну главное, что не забрал, так ведь? Пускай мой братец сам голову ломает, это ведь работа сейдмана. – Матти фыркнула мне на ухо, и я почувствовала, как с кончиков волос побежала вода, когда она опрокинула очередную кадку мне на голову. – Ты уже отдала Ллеу тот пузырьёк, наполненный туманом, да? Значит, твоя задача выполнена. Теперь побеспокойся лучше о празднике.

– Эх, вот бы у меня и впрямь не было других поводов для беспокойства, кроме праздника...

Приоткрыв один глаз, я нашла пальцами рубиново-красную прядь волос, спутавшуюся с остальными. Даже на ощупь она словно отличалась от других: какая-то жёсткая, непослушная. На цвет локон был ещё неприятнее, будто перепачканный в крови, которую не сумело отмыть даже мыло. Этот цвет тянулся до самых корней волос, из-за чего прядь, пусть и была шириной всего в указательный палец, ярко бросалась в глаза.

– Может, отрезать ее? – предложила Матти, многозначительно щёлкнув швейными ножницами, которыми ещё пятнадцать минут назад подрезала нити на моём новом платье, давая мне время спокойно полежать и отмокнуть в цветочной ванне.

– Сол велел не трогать, – напомнила я не столько Матти, сколько самой себе, ведь мне тоже жутко хотелось это сделать. Мысль, что нечто *пометило* меня, была почти невыносима. – Неизвестно, что произойдёт, если мы еёотрежем.

– Хм, тогда я спрячу локон под заколкой с рубинами. Она хорошо замаскирует его. И прекрасно подойдёт к платью!

– Спасибо, Матти.

Меня восхищали жизнерадостность Маттиолы и её способность исправить любую проблему, от побитого лица до проклятия. Я села в ванной, разгоняя по воде мыльные круги, и сложила на груди руки, пока Матти втирала соляной скраб в мои лопатки и позвоночник – те тоже покрывали чернильные синяки. Мне пришлось закусить нижнюю губу, чтобы вытерпеть это, особенно когда она взялась за мочалку из жёсткой шерсти с деревянными бусинами и принялась со всей душой соскребать с меня грязь.

– А что истинный господин сказал о твоём видении? – продолжила расспрашивать Матти.

– Об этом я ему не говорила, – честно призналась я, снова морщась, когда к соляному скрабу присоединилась зола.

– Почему?! – Матти с грохотом поставила кадку на каменный пол. – Я понимаю, по какой причине ты не рассказала господину о красном локоне, но, по-моему, уж о видении ему стоит знать. Если ты правда видела королеву Неру...

– Я не уверена в том, что видела. – Я вдохнула в себя густой пар и опрокинулась спиной в воду, чтобы смыть скраб. Брызги случайно попали на Матти, и та отскочила в сторону, громко ойкнув. – Моя бабушка, прабабушка, какая-нибудь тётя... Эту фибулу с лунными ипостасями мог носить кто угодно до меня и мамы. Я ведь даже не помню, какого

цвета волосы у неё были... Отец давно попрятал все портреты. Любое упоминание о королеве Нере для него – стрела, пущенная в самое сердце. Представь, что будет с ним, если я вдруг скажу, что видела её воочию. Вот почему я сначала сама хочу во всём разобраться. Только ты и Солярис знаете об этом красном локоне и о том, что я видела тогда у священного тиса. Пусть пока оно так и остаётся.

Матти широко улыбнулась, водрузившись на бортик ванны, пока я тщательно тёрла мокрым полотенцем лицо, избавляясь от остатков липкого бальзама. Румяная и влажная от пара, она даже не пыталась скрыть, насколько польщена моим доверием. Ровно настолько же я была польщена тем, что могла поделиться с Матти чем угодно и не бояться за сохранность своих тайн.

– А что сам Сол думает о произошедшем? Он ведь гораздо старше нас, даже старше истинного господина! Может, у него есть какие-нибудь мысли на сей счёт...

– Хотела бы я знать, – вздохнула я, швыряя полотенце в сторону. – Солярис не из тех, кто делится своими мыслями. Даже со мной.

Сол действительно ничего не сказал мне ни насчёт видения, ни насчёт красной пряди, пока я рассказывала ему в полёте всё как на духу, не сумев дотерпеть до замка. На Совете Солярис молчал тоже. Впрочем, там это было уместно: пускай лицо отца и скрывала маска из тиса, распускающая по залу терпкий аромат наперстянки, я знала, что он смотрит

на Соляриса не моргая, уже заведомо вина его во всех приключившихся со мною бедах. Попробуй Сол выступить, отец бы не ограничился одним изгнанием из зала и приказал бы либо выпороть его, либо снова нацепить на Сола ошейник из ядовитого чёрного серебра.

– Я отнесла Солярису в башню парадный костюм, пока вас не было, – сообщила Матти, когда я выбралась из ванны, шагнув через бортик на расстеленное полотенце. Она тут же подорвалась и завернула меня в точно такое же, только сухое и чистое. – У меня сохранились его старые мерки, так что я передала их портнихе вместе с заказом на твоё платье. Костюм удался на славу! Надеюсь, Сол не откажется надеть его. Праздник-то не весть какой, а Вознесение!

– Пусть надевает что угодно, лишь бы вообще пришёл, – пробормотала я, вспоминая, что, когда вышла из зала Совета, Соляриса, который должен был дожидаться меня снаружи, уже и след простыл. Я не рискнула идти за ним в башню, потому что знала: – Не повезло же мне родиться в ночь с тридцать третьего дня месяца воя на тридцать четвёртый... Спустя несколько часов после начала Мора. Солярис никогда не рассказывал, кого именно потерял тогда в драконьем городе, когда казнили дядю Оберона и началась бойня, но, думаю, именно из-за этого он всегда уходит в себя во время моих дней рождения. Утренний полёт отвлёк его, но, стоило нам вернуться, как он снова погрузился в тишину. Так что я не жду от него многого, тем более что мой отец не рад при-

сутствию Сола на празднествах так же, как и на советах. Хотя, возможно, черничные тарталетки вполне могут убедить Соляриса рискнуть...

– Поверь, он придёт, и не ради тарталеток, – насмешливо протянула Матти из-за моей спины. Не дав мне обернуться, она резко усадила меня на высокий стул и, поглядывая на песочные часы на очаговой полке, приступила к сборам.

Ни один пир прежде не имел такого значения, как этот, когда ради меня съедутся все восемь ярлов, включая их семьи, хирды и приближённых. Прекрасно помня об этом, целых два часа Матти вертела меня на стуле и так, и эдак, причёсывая и иногда щипая за щёки, чтобы не дать мне заснуть. В какой-то момент она просто впихнула мне в руки зеркало, и я обомлела: бесчисленные лечебные мази оказались все не бесполезны! Тон лица улучшился, длинная царапина вдоль подбородка побледнела и почти слилась с кожей, а синяк на виске чудодейственным образом рассосался. О недавнем падении напоминала лишь корочка крови, оставшаяся над уголком брови, но Матти ловко спрятала её, распустив мне чёлку. Точно так же она спрятала рубиново-красный локон, вплетя его в одну из четырёх кос. Те покоились у меня на плечах, в то время как остальные волосы лежали за спиной, распущенные. Голова ныла и невольно кренилась вбок от количества заколок и драгоценных камней.

– Может, хотя бы сегодня наденешь нормальные серьги? Желательно сразу две, – саркастично предложила Матти, ле-

гонько дёрнув меня за изумрудную серьгу в правом ухе, на что я яростно затрясла головой. – Ладно-ладно, как скажешь. В новом платье ты всё равно всех затмишь. Ах, недаром портнихи из Ши считаются самыми лучшими! Недаром!

В чём в чём, а в этом Матти точно была права: заказанное ею платье не только сидело идеально, точно вторая кожа, но и выглядело безупречно. Лишь мастерицы из самого южного туата на краю континента могли так искусно подобрать цвет на стыке лазурного и аквамаринового, совместив тяжёлый дамаст с шёлковым кружевом. Из первого был сшит подол, закрывающий даже ступни, а из второго – всё остальное, включая обтягивающие рукава с золотыми пуговицами и ворот с разрезом до ключиц. Матти затянула широкий пояс так туго, что мне стало нечем дышать. Я невольно скосила на него глаза, читая руническую вышивку как пожелание и завет: турисаз, ансуз, кеназ. Власть, мудрость, воплощение задуманного.

– У меня есть одна просьба, – сказала Матти, когда закончила втирать мне в губы сок шелковицы и покрыла ресницы тонким слоем сажи. К тому моменту в часах уже заканчивался песок, а на небе за стрельчатым окном висела полная луна. – Можешь кое-что сделать ради меня сегодня?

– Что именно?

– Прошу, как следует повеселись на пиру.

– Ты это серьёзно?

– Да. Я хочу, чтобы твоё Вознесение запомнилось тебе на-

всегда, иначе у тебя совсем не останется иных воспоминаний о юности, кроме Соляриса и однотонных дней в библиотеке. Будь принцессой, но хотя бы на один вечер перестань быть наследницей.

Я не стала спорить. Только кивнула и села ждать, пока Матти сама примет ванну и принарядится. У неё это, в отличие от меня, заняло не больше получаса, но выглядела она не менее великолепно: серебряные фибулы в её забранных чёрных волосах смотрелись как звёзды на ночном небе, а благородное серое платье из парчи подчёркивало глаза такого же цвета, кошачьи, как у Ллеу, но совсем бесхитростные.

– Принцесса Рубин из рода Дейдрре! – торжественно вскричал Гвидион, стоило мне переступить порог Медового зала в сопровождении Маттиолы. Скрип десятков отодвинутых скамей больно резанул слух, когда все присутствующие разом повскакивали со своих мест.

Если уж советник Гвидион и умел делать что-то лучше, чем пополнять казну, так это готовить праздничный чертог. Всё утопало в пёстрых атласных лентах, свечах и красно-чёрных знамёнах с гербом, похожим одновременно и на щит и на круглый драгоценный камень с восемью гранями. Медовый зал мог вместить в себя порядка тысячи человек, а в ночь Вознесения здесь собралось и того больше. Девять длинных столов – по одному для каждого из туалетов – ломились от яств в серебряной посуде, над которыми кухонные мастера корпели всю неделю: жареная макрель с пряностями

и лесными орехами, рагу из кабана с брусникой, вымоченная в чесночном масле треска, копченые колбасы, сладкий бисквитный рулет... В огромном бронзовом чане я заприметила даже бурлящий молочный суп из моллюсков, добыть которых в месяц воя было так же непросто, как пересечь Кипящее море на деревянном плоту.

По краям каждого стола возвышались головки козьего сыра с лоханками скира⁸, а в центре – несколько графинов с медовухой и тёмным элем. В углу стояло ещё около сотни дубовых бочек с крепкими напитками, но, прекрасно помня поговорку «Короткий пир – короткая слава», я сомневалась, что и этого хватит. Пир в честь Вознесения длились минимум семь дней, а Вознесение отца, согласно летописи, и вообще продолжалось две недели. Я могла лишь догадываться, сколько же в таком случае будет длиться моё. Возможно, в замке успеет закончиться не только эль, но и свечи с поленьями: у каждой стены в отдельной нише, расширяющей зал, располагалось по четыре камина, и все они полыхали, как владения Дикого. Зато в зале было невозможно замерзнуть – ни в шелках, ни голышом.

– По завету королевы Дейрдре празднование Вознесения наследника начинается в тот час, в который он родился. А ваш час уже настал, госпожа, – произнёс Гвидион, и, подтверждая это, из Столицы донёсся звон колоколов, извещающий о полуночи и напоминающий раскаты грома. Гвидион

⁸ Скир – молочный продукт, нечто среднее между сметаной и творогом.

первым склонился передо мной в поклоне, придерживая рукой пузо и полы кожаного плаща. Весь зал поклонился тоже, даже барды и филиды, разгуливающие по залу с инструментами наперевес и развлекающие гостей своими балладами да предсказаниями. – В этот час Надлунный мир отворяет двери для великих героев, а боги снисходят на землю. Так снизошли к нам и вы восемнадцать лет назад. С днём рождения, принцесса Рубин! Да будет драгоценным ваш век! Пусть Совиный Принц хранит вашу удачу, Кроличья Невеста указывает вам путь, Медвежий Страж бережёт вас от напастей, а Волчья Госпожа дарует вам свою мудрость. Долгих лет жизни и многих веков славы!

– Долгих лет жизни! – вторили гости со всех сторон.

– Благодарю, – ответила я, незаметно оглядывая присутствующих боковым зрением в попытках найти знакомые лица. – Мой отец, истинный господин, уже прибыл?

– Король Оникс увяз в государственных делах, поэтому велел начинать без него... Но он обязательно прибудет позже.

На гладко выбритом лице Гвидиона горела улыбка, которую я читала лучше слов. Отцу снова нездоровилось, и это объясняло, почему я не увидела среди гостей ни его, ни Ллеу, которого с его женственной красотой и тягой к вычурным нарядам было невозможно не заметить. Это же объясняло и тот странный шепоток, что я уловила сразу же, как вошла в зал.

Принцесса вошла без короля.

– Да начнётся пир! – объявил Гвидион во весь голос. Повсюду зазвучали громогласные поздравления и стук увесистых кубков, когда он повёл меня через весь зал к помосту, стоящему в конце зала вместе с Т-образным столом, предназначенным для королевской семьи и высокородных господ.

Именно там находилось место Гвидиона с уже наполненной мясом тарелкой, и оттуда же открывался лучший вид на всё и всех. По традиции званых пиров, лица салютующих мне и уже изрядно захмелевших гостей были разукрашены на манер туата, откуда они прибыли: мой туат Дейдрре, занявший центральный стол, подводил глаза двумя полосами алого цвета; богатый туат Фергус рисовал точно такие же полосы, но мерцающей жёлтой краской, похожей на то золото, которое они добывали в своих шахтах. Представители воинственного туата Немайн, чьё оружие ценилось так же высоко, как золото Фергуса, закрашивали половину лица металлически-серым – от бровей до контура губ. Хотя и самый маленький, но сказочно плодородный туат Найси ограничивался зелёными зигзагами на щеках, а туат Ши – оранжевыми, как песок их каньонов. Происхождение некоторых гостей было уже невозможно разобрать: они перемазались во всевозможных цветах, братаясь с соседними столами, ведь пускай официально пиры и открывал король или советник, но чаще всего они начинались задолго до этого, ещё на подъезде к городу.

– Ваш мёд, драгоценная госпожа.

Гвидион сам наполнил мой кубок, такой массивный и тяжёлый, что его можно было использовать в качестве оружия. Он сидел через место слева от меня, в то время как Матти устроилась рядом справа. Остальные стулья, принадлежащие отцу, Ллеу и Мидиру, пустовали. Места для Соляри-са не предполагалось вовсе, поэтому я всматривалась в кучкующиеся у каминов толпы, надеясь где-то да заприметить жемчужную шевелюру. Но такой не было – лишь неизвестные мне хирдманы, хускарлы, богатеи со всех уголков континента, множество юных наследников, красивые наряженные женщины... И, конечно же, ярлы.

– Славься, драгоценная госпожа! – произнёс первый ярл Олвен из туата Керидвен – тучный мужчина лет пятидесяти с золотой диадемой в седых волосах – и подошёл к помосту вплотную, чтобы явить мне свой дар. На его вытянутых руках лежал плащ из лоснящегося песцового меха с рубинами вместо пуговиц, а за спиной стоял огромный сундук, набитый роскошными нарядами. Недаром Керидвен – самый северный туат континента, где месяц воя отказывался уходить почти половину Колеса года, – славился своими охотничьими угодами и меховыми изделиями.

Я кивнула в знак благодарности, и ярл Керидвена тут же уступил место следующему. В детстве я, может, и любила получать подарки на свой день рождения, но теперь эта традиция не вызывала у меня ничего, кроме скуки, ведь всё, что

мне дарили, так или иначе уже было в моём гардеробе. А иногда...

– Зачем тебе золотые сани? Ты что, пятилетний ребёнок? – прошептала Матти мне на ухо, обгладывая оленин ко-сточки, когда ярл туата Фергус с гордостью вручил мне свой «щедрый» дар. – Ох... А свора охотничьих собак тебе на кой?! Ты же даже на охоту не ходишь! – продолжила возму-щаться она, когда пришёл черёд ярла из Медб.

– Ну они хотя бы милые, – ответила я, посмеиваясь тому, как несколько вислоухих щенят тьявкают и встают на задние лапы, испытывая прочность поводка и терпение слуг. Жаль, что через стол до них было не дотянуться и не погладить. – А ещё я теперь смогу издеваться над Солярисом.

– Он что, до сих пор боится собак?

– Ага.

Матти ухмыльнулась в свой бокал с вином, изрядно по-веселев не то от выпитого, не то от услышанного. Я тоже довольно быстро опустошила кубок, но, увы, не тарелку: ни треска, ни оленина совсем не лезли в горло, пока ярлы ве-реницей шествовали к нашему столу. Несмотря на то что их было всего восемь, мне казалось, что вручение подарков длится уже целую вечность. Музыка лангелейка⁹, волюнок и барабанов тонула в гвалте, пока столы спорили, кричали поздравления и ругались между собой. Особенно громким был стол туата Талиесин – основанный легендарным коро-

⁹ Лангелейк – музыкальный инструмент, аналог гуслей.

лём-бардом, этот туалет породил сотни талантливых музыкантов и стихоплётов, поэтому его представители всегда прекрасно развлекали себя сами. Даже чересчур...

Однако в какой-то момент и стол Талиесина, и музыка стихли. А следом замолкли все, кто был в зале.

– Истинный господин, король и хозяин Круга, Оникс Завоеватель из рода Дейдрре!

Я почувствовала приближение отца ещё до того, как толпы у дверей зала хлынули в разные стороны, расступаясь и падая ниц. Пусть и почти слепой на оба глаза да вдобавок ещё стремительно теряющий слух, мой отец по сей день вселил чувство благоговения и страха. Особенно когда был без маски, как сейчас. Очевидно, Ллеу хорошо постарался, потому что на лице Оникса не осталось ни одной зловонной язвы, а кожа была ровной и белой, как мрамор. Ни возраст, ни даже болезнь не смогли отнять в этот знаменательный день его красоту, прославленную в балладах ровно настолько же, насколько была прославлена его жестокость. Пшеничные волосы, всего на тон темнее, чем мои, волнами скатывались по плечам, а глаза, тоже васильковые, будто светились от подёрнувших их белым. Единственное, что различало нас с отцом, – это наличие у меня россыпи веснушек и более аккуратные черты лица. Может, это у меня от матери? Должна же я быть хоть в чём-то похожа на неё...

– Отец!

Я подорвалась с места, едва не опрокинув графин с мё-

дом, и тут же сбежала с помоста. Лишь в этот день, особенно когда отец впервые за долгие месяцы предстал передо мной в полном здравии, я могла позволить себе подобную вольность. Оникс выразил своё разрешение мягкой улыбкой, но быстро стёр её с лица: никто не должен был заметить, что с внутренней стороны его губ зияют чёрно-коричневые раны. Их вид мигом отрезвил меня, напомнив, что никакое это не здравие... Всего лишь его видимость для туатов.

– С днём рождения, дочь моя, – произнёс Оникс. – Вознесение не знаменует переход власти, но знаменует вступление в право наследовать её. С этого дня ты будешь делить со мною не только кровь, но и обязанности, пока не сменишь меня окончательно, как лето сменяет зиму. Отныне мы равны. И в качестве символа этого равенства я пришёл подарить тебе новый трон, не запятнанный кровью и ошибками прошлых правителей, изготовленный по твоему образу и подобию, как изготавливается трон каждого потомка Дейрдре.

Это правило соблюдалось из поколения в поколение безукоризненно: трон отца, выкованный для наследника моим дедом, напоминал массивное кресло из цельного куска чёрного гранита. Мой же трон, который дюжина слуг, распахнув двери, выкатила в центр зала на деревянной платформе, был в два раза меньше... и в дюжину раз прекраснее. Основание из золотого стекла напоминало застывший солнечный свет, а самоцветы, которыми выложили всю спинку и даже подлокотники, складывались в цветочный узор, словно витраж.

Я почувствовала жжение слёз в переносице, глядя на свой будущий трон, который установят в тронном зале сразу после того, как умрёт мой отец. Ведь трон правителя – его отражение. Но в случае Оникса это было отражение его любви ко мне.

– Я клянусь стать достойной этого великолепного трона, мой господин, – сказала я так громко, как мне позволил дрожащий голос, и упала перед отцом на колени, не жалея дамастовой юбки.

– Я в тебе не сомневаюсь, – кивнул он снисходительно. Упрямое лицо Оникса с жёсткими чертами всегда смягчалось и светлело, когда я вела себя столь почтительным образом, будто это его умиляло. – Поднимись, Рубин. Полночь миновала. Пришла пора принимать гейсы.

Оникс взмахнул рукой, безмолвно приказывая вернуть трон в мастерскую. Тем самым он освободил пространство для восьми ярлов, вновь вышедших из-за столов и выстроившихся между нами шеренгой. Среди них, в самом конце, я заметила юношу, который точно не подходил к моему столу прежде. Я тут же принялась вспоминать: один, два, три... Сколько всего ярлов принесли мне дары? Семь? Очевидно, этот юноша был восьмым, проигнорировавшим старые традиции и правила приличия. Он стоял у самого края – не очень высокий, но крепкий и с военной выправкой. Мне толком не удалось разглядеть его лицо за ниспадающими белокурыми волосами, но зато удалось заметить улыбку, когда

он, опустившись на одно колено вслед за остальными, вынул из ножен спату¹⁰.

Все восемь ярлов вонзили свои мечи меж каменных половиц рядом с преклонённым коленом и спустили ладони с рукояти на основание клинка.

– Я происхожу из благородного рода мужей, что уважают свои клятвы так же, как уважают матерей и отцов. Я уверяю себя потомку королевы Дейдрре, драгоценной госпоже Рубин, как вверил себя четырём богам. Я пойду за госпожой, куда она скажет, и мой меч станет её мечом. Я добуду все сокровища мира, и они станут её сокровищами. Я содею тысячу подвигов, и все эти подвиги будут во имя её. Такова моя воля. Таков мой гейс. Да изничтожит Дикий меня и мой род, коль я нарушу его. Да будет славен мой век, коль я восславлю век госпожи.

Восемь голосов звучали хором, нараспев. Даже вусмерть пьяные хирдманы молчали, став свидетелями священных обетов. Вместе с последним словом каждый из ярлов сжал ладонью лезвие, обхватив его пальцами; сжал так сильно, чтобы горячая кровь закапала на пол. Я буквально слышала её стук, её шёпот как доказательство гейса и его печать. То, что должно было свершиться, свершилось.

Оникс кивнул, и ярлы поднялись на ноги, поглядывая друг на друга: кто первый даст слабину и бросится перевязы-

¹⁰ Спата – прямой и длинный обоюдоострый меч, длина которого может достигать метра.

вать кровоточащую руку? Краем глаза я заметила, что первым стал тот самый молодой белокурый ярл. Не оглядываясь на остальных, он спрятал окровавленный меч в ножны, грубо перетянул порезанную ладонь хлопковым платком и двинулся к своему столу, где все уже поднимали кружки в его честь, полные эля. Несмотря на платок, за ним протянулась дорожка из красных капель.

– Теперь, дочь моя, – Оникс накрыл ладонью моё плечо, выводя из гипнотического оцепенения, – я хочу, чтобы ты знала...

Он вдруг осёкся и прижал ко рту сжатый кулак, проглатывая кашель. Его ноги подогнулись, и, если бы другая рука не осталась лежать на моём плече, отец бы упал. Я вовремя очнулась и подхватила его, чувствуя мелкую дрожь, которая сотрясала Оникса изнутри. Колючая щека, прижавшаяся к моей, пахла горечью целебных трав... Но этот аромат в мгновение ока сменился кислым запахом всепожирающей гнили. И благородно-бледная кожа Оникса начала расползаться.

– Господин, вернулся ворон с известием от Мидира! Требуется ваше присутствие!

Ллеу возник рядом, словно из ниоткуда. Одетый в двубортную белоснежную рубашку и такие же белоснежные штаны с обилием серебряных цепей, на которых вместо украшений раскачивались ритуальные ножи, Ллеу быстро поклонился мне и так же незаметно придержал Оникса под локоть. Визит отца на праздник должен был пресечь слухи

о его немощности, но, чтобы ни сделал ради этого Ллеу, эффект сейда закончился. К счастью, уход отца можно было легко списать на ситуацию с Красным туманом. Именно поэтому, кивнув мне напоследок, Оникс без раздумий покинул зал вместе с Ллеу. Застывшие в уважительном поклоне гости не осмелились смотреть ему в лицо, поэтому никто и не заметил, как то вновь посерело и стало стремительно покрываться язвами.

– Я только что видела Гектора у южного камина. Он, между прочим, тоже работал над твоим тронем! Интересно, насколько он удобный? Тебе ведь на нём до старости сидеть. А если стекло или самоцветы треснут?.. Хотя нет, с ответственностью Гектора такого точно не произойдёт! – залепетала Матти, стоило мне вернуться на своё место за королевским столом. Она всегда прекрасно чувствовала моё настроение, потому и принялась болтать невпопад, пытаясь отвлечь меня от болезненного напоминания, что даже сейд не может обратить хворь моего отца вспять. – А ты заметила того ярла, который стоял с краю? Кажется, это был Дайре. Тот самый молодой ярл из туата Дану, помнишь? Я рассказывала про него. Красивый, правда? Только почему он к столу не подходил? Как же дары?..

– И без них обойдусь, не беда, – отмахнулась я, взявшись руками за оленину, раз официальная часть моего праздника наконец-то подошла к концу. Зал снова ожил, зазвучали тальхарпа и барабаны, завывли филиды, делясь своими пред-

сказаниями на следующий год. Все вернулись к еде, песням и весёлым перебранкам. – Матти, а Соляриса ты случайно не видела?

– Нет... Может, послать за ним в башню?

Я покачала головой и, быстро доев то, что лежало на тарелке, снова вышла из-за стола, но в этот раз вместе с кубком медовухи в руках. Матти осталась сидеть на месте, боязливо косясь на компанию мужей в доспехах почти под самым нашим помостом, которые, ухмыляясь, только и ждали, когда к ним снизойдёт столь прекрасная дева. Мужчины часто путали красоту с легкодоступностью, поэтому я не стала настаивать и тащить Маттиолу, мечтающую об одиночестве, за собой.

Несколько гостей из Найси кучковалось у восточного камина, несколько – рядом с дубовыми бочками, сдвинув в круг скамьи, чтобы сыграть в хнефатафл¹¹, а остальные просто разбрелись по залу. Музыканты тоже дрейфовали по нему, играя прямо на ходу, чтобы музыка ублажила всех и каждого. В отличие от мужчин, которых больше интересовали выпивка и мордобой, женщины уже кружились в свободном пространстве у самых дверей, предназначенном для танцев. Но, конечно, находились и те, кого не интересовали ни игры, ни танцы, ни выпивка – им нужны были лишь сплетни.

– Вы видели королевского зверя?! На прошлогоднем пи-

¹¹ Хнефатафл – настольная игра на два игрока, похожая на шашки или шахматы.

ру? – ахнула жеманная дама в красном платье и с изумрудами на каждом из пальцев, спрятавшись за колонной вместе с остальными.

– И на прошлом, и на позапрошлом, из года в год... Я, между прочим, частый гость в чертогах истинного господина! – протянул пьяный ярл Олвен, бахвалясь.

– Как он выглядит? Больше человека или меньше? А это правда, что за драконами по полу тащится хвост, даже когда они... ну... пытаются сойти за людей?

– Вздор! Когда драконы сбрасывают чешую, хвоста не остаётся, но вот глаза и волосы выдают их с потрохами. Таких не встретишь у людей. А ещё у них бывают острые зубы и зрачки, как у рептилий... Не все из тварей умеют или хотят маскироваться целиком. Именно по этим признакам мы и вылавливали их, когда патрулировали города. – Ярл выпятил грудь колесом, пускаясь в рассказ о днях былой славы, и несколько женщин, собравшихся вокруг него, восхищённо ахнули. – Некоторые из ящеров жили бок о бок с людьми и отказались возвращаться в Сердце, когда началась война...

– О чём впоследствии горько пожалели, ха, – вставил один из хирдманов, налегая на краник в бочке, чтобы наполнить кубок. – В последний раз я видел дракона лет семнадцать назад. С тех пор как в Рубиновом лесу полёг прославленный хирд короля Оникса, ящеры стали появляться всё реже, а потом и вовсе пропали. Я, конечно, не сомневался, что победа останется за людьми, но всё равно интересно: почему

они сдались? Война, которая длится всего год, не война во-
все. Куда сгинул их поганый род? Может, королевский зверь
что-нибудь знает об этом?

– Да прячутся небось на своём скалистом острове, как
в глубокой древности. Или передохли давно. Одна вёльва
ведь, поговаривают, прокляла их, – протянул ярл задумчиво,
прихлёбывая эль. – Сгубила тысячу детёнышей за одну ночь
в отместку за казнь младшего принца Оберона, прибывшего
в Сердце вместе с торговыми караванами. А драконы, я слы-
шал, глупее животных – если потомство гибнет, они сами от
тоски в море сбрасываются.

– Как печально... Вот бы самой увидеть одного из них! –
тяжко вздохнула дама в красном и, кажется, даже притопну-
ла туфлей. – Неужели нам не покажут королевского зверя?
Может, обратиться к юной госпоже?..

Я продолжила путь по залу, прекратив подслушивать, и
юркнула за соседнюю колонну, чтобы не стать жертвой бес-
тактных просьб. Если уж кто-то и был более обсуждаемой
фигурой в замке, чем я и отец, так это Солярис – ни один
пир не обходился без уговоров привести его и показать, точ-
но кобылу на ярмарке. От этого мне хотелось плевать не
меньше, чем от разговоров о Море и геноциде.

Может, Солярису и впрямь не стоит приходить на моё
Вознесение...

– Это так бестактно – обсуждать войну и чужое горе на
празднике жизни. Лучше бы они обсуждали вашу красоту –

уж она точно заслуживает внимания.

Я остановилась на полушаге – прямо возле деревянного кресла-качалки, застеленного мехом и придвинутого вплотную к камину, на котором устроился одинокий юноша. Мне потребовалась всего секунда, чтобы узнать его – светлые волосы, забранные на висках и по бокам в широкие косы, но распущенные сзади до самых лопаток. В них сверкали руны – настоящие, гадальные, выточенные на круглых камешках опала. Ярл туата Дану и впрямь был необычайно молод, старше меня всего на год или два. Вблизи глаза у него оказались тёпло-карими, как фундук, а кожа – неестественно загорелой для зимы. Помимо этого я заметила шрамы на его пальцах, в которых он держал увесистый бурдюк с медовухой, – такие шрамы остаются от тетивы охотничьего лука, если не умеешь с ним обращаться.

– Дайре из рода Дану, пятый сын ярла Ульвика, – представился юноша, поднявшись на ноги с кресла и застыв в низком поклоне, пока я не произнесла:

– Пятый сын? Вы всё ещё представляетесь именно так? Вы ведь уже полгода как сами являетесь ярлом. Отец рассказывал мне о вас.

– Прошу прощения. Всё ещё привыкаю. – Дайре выпрямился и снова улыбнулся. Он оказался с меня ростом, но это не мешало ему держаться так, будто он был выше всех в зале. Понятно, почему до Матти доходили слухи, будто ярл Дайре необычайно красив – так оно и было. Но почему-то эта

красота не привлекала меня, а отталкивала. Впрочем, может, дело было вовсе не в ней...

– Расскажите, как же так получилось, что вы стали ярлом в обход своих братьев? – поинтересовалась я, медленно приблизившись к сложенным у камина брёвнам. – Признаюсь, этот вопрос давно меня терзает...

– Боюсь, я не в силах утолить ваше любопытство. Ответ на этот вопрос известен лишь королю Ониксу. Я поражён, что он смог разглядеть во мне нужные задатки, и намерен сделать всё, чтобы не предать его ожиданий. Надеюсь, мне удастся отблагодарить истинного господина за оказанную честь до того, как болезнь возьмёт своё.

Недаром я подошла к камину: лишь благодаря тому, что я наклонилась к нему, чтобы игриво провести рукой над языками пламени, Дайре не увидел, как исказилось моё лицо.

Откуда он знает?!

– Прошу прощения, но о какой болезни вы говорите?

– О наказании за нарушенный гейс, конечно.

Я медленно повернулась. Дайре стоял всё так же у кресла и держал бурдюк перевязанной после ритуала рукой, но не пил. Его взгляд был абсолютно трезвым, но больше не казался тёплым. Вот почему внешность Дайре не действовала на меня – всю красоту губила его двуличность, как червивая земля губит прекрасный сад. Обученная той же двуличности с детства, именно её я почуяла за лигу. И не ошиблась.

– Вы говорите о гейсе королевы Дейдрде не причинять

драконам вреда? Гейсе, который она дала в обмен на их изобретения с драгоценностями и обещание не охотиться на человеческих землях, а торговать и учиться, дабы оба народа могли сосуществовать бок о бок? – уточнила я, методично глотая мёд из своего кубка, чтобы смочить быстро пересыхающее горло. – Это было больше тысячи лет назад, да и то всего лишь легенда. А сами гейсы – это просто...

– Сейд, – перебил меня Дайре. – Гейсы – один из ритуалов сейда, вошедший в обиход настолько, что все об этом забыли.

– Неправда. Это обычная формальность, клятвы чести, которые воины приносят своему королю, когда поступают к нему на службу...

– Гейсы отличаются от клятв, – возразил Дайре упрямо, шагнув ближе. Я едва сдержалась, чтобы рефлекторно не отступить назад и не вжаться спиной в барельеф камина.

– Чем же?

– Тем, что их нельзя нарушать. *«И будет наказание соразмерно гейсу, принесённому нарушителем»* – так написано в книге «Память о пыли». Так сказала ваша прародительница Дейрдре, первая и единственная из королев и королев континента, кто предложил созданиям неба разделить сушу с людьми. Она была великой женщиной... И слова её тоже были великими. Гейсы, обладающие подобной силой, наверняка передаются по крови. Объявив драконам войну, король Оникс нарушил родовой гейс. Это стало его смертным при-

говором.

– Вы прекрасно знаете, что для объявления войны был весомый повод – драконы убили моего дядю Оберона и перебили всех человеческих торговцев! Я не оправдываю Мор и убийства, но...

– Мор, – Дайре сощурился, не скрывая глумления. – Как думаете, почему день, когда между людьми и драконами началась открытая война, прозвали Молочным Мором? Потому что убили принца Оберона и началась бойня? Вы правда верите, что драконы могли взять и убить принца без веского повода? Да, между людьми и драконами, несмотря на договор королевы Дейдрре, оставалось много поводов для распрей, но...

– *Молочным Мором?* – переспросила я, искренне не понимая, как обычный разговор при знакомстве вдруг зашёл в такое русло, но волей-неволей заинтригованная этим. – Что ещё за «молочный»? Я не слышала, чтобы кто-то именовал эту трагедию именно так.

– Политически невыгодные термины быстро забываются. Из-за этого вы и знаете так много и так мало одновременно. Подорванное здоровье короля Оникса, ухудшающееся с каждым днём, – справедливая кара за учинённое им зло. Именно такая участь ждёт всех тиранов. Возможно, даже Красный туман ниспослан ему в наказание...

– *Тиранов?* Вы забываетесь, Дайре, – сказала я таким резким и категоричным тоном, каким, я надеялась, мне ни с кем

не придётся говорить в свой собственный день рождения. – Не вздумайте критиковать решения или нрав моего отца в моём присутствии, если не хотите лишиться языка. И не пытайтесь выставить меня глупой, несведущей в истории девочкой. Сами сказали, гейсы не должны нарушаться, так не нарушайте свой. Он ведь ещё совсем свеж.

Я с издёвкой кивнула на его перевязанную ладонь, сжимающую бурдюк, и Дайре послушно склонил голову, будто извиняясь, хотя что-то заставило меня подозревать его в неискренности и здесь. Несмотря на жар, исходящий от четырёх каминов, Дайре не снял чёрной кожаной куртки с геометрической вышивкой. Ромбы, которые она образовывала, напоминали мне что-то...

– Я не хотел сердить вас, драгоценная госпожа. Я лишь подумал, что вам будет интересно обсудить то, что никто другой обсуждать с вами не решается. Прошу, простите меня. Как пятый сын, я не стоял в очереди на трон Дану, потому что всё своё время посвящал изучению истории, но не был обучен политике и светскому этикету. Из-за этого я могу сболтнуть лишнего, – произнёс Дайре, не поднимая головы, и белокурые косы с вплетёнными опаловыми рунами упали ему на щёки. – На самом деле я глубоко восхищаюсь вашим отцом. Сколько всего у него было братьев? Двое, верно? Младшего, принца Оберона, он любил, а вот старшего зарубил топором в семнадцать лет во время охоты, чтобы стать наследником вместо него. Если не ошибаюсь, уже к двадцати

пяти годам ваш отец сумел покорить весь континент... Волевой правитель, ничего не скажешь! Только такой и мог объединить все туаты под своим началом, дабы привести их к процветанию, которое мы имеем теперь. Не считая напасти в лице Красного тумана, конечно, который косит нас, простых людей, как саранча пшеницу. Но это всё мелочи, правда же?

Я сжала губы, а вместе с ними и свой кубок, цепляясь ногтями за изумрудную кайму. Кажется, теперь я понимала, почему мой отец назначил Дайре ярлом... Тот говорил, что не был обучен политике, но врал – слова действительно глупого и несведущего человека не звучали бы и как сладкая лесть и как страшное оскорбление одновременно.

– Ещё одно слово – и я действительно прикажу отрезать вам язык.

– У вас очень красивые волосы, – вдруг сказал Дайре вместо очередных оправданий.

– Что?

Я растерянно заморгала и невольно дотронулась рукой до своей причёски: заколки с драгоценными камнями и узкие косы всё ещё крепко держались, вот только... Пальцы нащупали выбившийся локон. Очевидно, одно из креплений Матти ослабло, из-за чего ослабла и коса. Намотав прядь на фалангу пальца, я ничуть не удивилась, увидев, что выпала *та самая* прядь, рубиново-красная. Совиный Принц, покровитель удачи, никогда не был ко мне благосклонен.

Устало хмыкнув, я молча спрятала прядь за ухо, подтолк-

нув её ногтем под основание косы, и выжидающе посмотрела на Дайре, никак не собираясь комментировать это.

– Я кое-что вспомнил. – Дайре зачем-то поклонился мне ещё раз, да так низко, как обычно кланяются в благодарность за что-то. Кажется, он и впрямь не очень разбирался в этикете. – Я опоздал на ваше Вознесение, поэтому не вручил дары и не почтил традиции соответствующим образом. Впрочем, привести сюда мой подарок было бы физически затруднительно...

– Что же это за подарок такой?

Дайре улыбнулся так лучезарно, словно не было прошлого разговора и его неслыханной наглости. Карие глаза вновь потеплели.

– Он ожидает вас в королевской конюшне.

– Лошадь? – удивилась я и едва успела проглотить смешок. – Это... славный подарок, спасибо.

– Да, я знаю, о чём вы думаете. У вас есть собственный дракон, зачем вам лошадь? Однако на драконе не отправиться на верховую прогулку так, как я предлагаю сделать вам это завтра после праздника. Вы будете свободны около полудня?

– Вы приглашаете меня? – удивилась я снова.

После странного поведения Дайре это его почти романтическое предложение звучало нелепо. Однако Дайре был абсолютно серьёзен. Он кивнул и, опустив бурдюк на кресло, сложил руки за спиной – традиционный жест незащищённо-

сти, открытости. Так же как была открыта его грудь для любого ножа, должно было быть открыто и его сердце.

– Я никогда прежде не бывал в туалете Дейрдре и не общался с высшими господами, кроме своей семьи. Я бы хотел, чтобы вы рассказали мне о своих землях, а я бы в свою очередь поделился с вами своими познаниями в истории. Точнее, не самыми популярными её моментами... – загадочно протянул Дайре, явно играя с моим любопытством, как кошка с мышью. Мне и впрямь пришлось приложить титанические усилия, чтобы прямо здесь и сейчас не начать расспрашивать его и тем самым не выдать свой интерес. – Надеюсь, ваш зверь отпустит вас.

– Вы хотите, чтобы я пришла одна?

– Вовсе нет! Возьмите стражу, как подобает, но вот зверя лучше оставить в замке. Мои истории вряд ли придутся ему по вкусу.

– Как и то, что я пойду куда-то без него, – хмыкнула я мрачно, окончательно убедившись в том, что Дайре приехал в Столицу вовсе не ради того, чтобы поздравить меня с днём рождения. Как, возможно, и ярлом он стал не ради того, чтобы править.

– Значит, это правда? – спросил он вдруг. Его лицо с мягкими и слишком правильными для воина чертами потемнело. – Королевский зверь не просто... зверь, а ваш друг?

– Верно, – кивнула я. – Поэтому, прошу, перестаньте называть его «зверь». У него есть имя – Солярис.

– А то, что Соляриса подарили вам сразу после рождения, как я сегодня подарил вам породистую кобылу, тоже правда?

Устав цепляться за свою маску, я ответила честно и без обиняков:

– Да, и поздравляю, вы только что задали мне самый популярный вопрос, который задают все новые гости в нашем замке. Солярис и я вместе с тех пор, как прошлая королевская вельва Виланда подарила мне его, заманив во время сражения у Дикого Предела в ловушку. Виланда была близкой подругой моей матери и, видимо, посчитала, что такой подарок на день рождения уж точно никто не переплюнет.

– Прямо у Предела поймала? Это тот, что у Кипящего моря? – спросил Дайре, и я не сразу заметила, что в его голос вновь просочился яд, источник которого, как и цель, был мне неизвестен. – Надо же, как далеко от Столицы...

– Вы говорите о королевском звере?! О вашем драконе, госпожа?

Я не заметила, как допила весь мёд, что был в кубке. Точно так же я не заметила и тот миг, когда наша с Дайре беседа вдруг перестала быть приватной. Одна из дам – та самая в красном платье – встряла в разговор без всяких прелюдий. Щёки у неё горели от выпитого, а глаза возбуждённо блестели.

– Он придёт на пир? Придёт? – принялась допытывать меня она, и я растерялась от неожиданности.

– Должен прийти, но не знаю...

– Не знаете? Разве вы не его хозяйка?

Я открыла рот, чтобы в очередной раз пресечь мнение, будто Солярис мой домашний питомец, но не успела: ещё несколько человек, отвлѣкшись от песен барда и настольных игр, случайно уловили нить разговора и обступили меня кольцом, закрыв собой Дайре.

– А это правда, что драконья кровь обжигает как пламя? Слышал, раньше за ней велась настоящая охота. Тот, кто её выпьет, может сам оборачиваться драконом! Если не сторит в процессе, конечно, – пробормотал молодой хирдман с разукрашенным синей краской и свежими ссадинами лицом.

– А что насчѣт их... ну... хвоста? – хихикнула дама помладше, смуглая и темноволосая, как все жители Ши. – Моя бабушка знавала одного дракона в молодости... Она говорила, что чем длиннее у дракона хвост в его первородном обличье, тем длиннее его мужское достоинство в человеческом. Это правда?

– Аника, ты что говоришь такое?! Перед тобой драгоценная госпожа!

Молодой хирдман, как раз делающий глоток из своего бурдюка, поперхнулся. Подобные расспросы и впрямь были обыденностью на пирах, но я до сих пор не научилась правильно реагировать на них. Особенно когда затрагивались столь щекотливые темы.

– Хм, какая интересная параллель между хвостом и достоинством. Никогда не обращал на это внимания... Но, на-

до признать, хвост у меня действительно длиннее обычного.

Толпа, собравшаяся вокруг меня, разом расступилась. Должно быть, мёд на празднике действительно лился рекой и залил глаза большинству присутствующих, потому что удивительно, почему Сола не заметили ещё до того, как он вдруг возник за моей спиной.

Пусть и всего немного выше, чем большинство людей, он всегда сильно выделялся. Пепельно-жемчужные волосы, отливающие перламутром, в кои-то веки были расчёсаны и даже уложены с пробором посередине. Благодаря этому сквозь них, достающих ему почти до мочек ушей, проглядывали выбритый затылок и такие же выбритые виски – обычно их скрывал беспорядок из прядей. В освещении тысячи свечей кожа Сола приобрела солнечный оттенок, но всё ещё оставалась на порядок бледнее, чем кожа смертных. Оттого золотые глаза и горели на его лице столь ярко, подведённые под ресницами красной чертой – та начиналась с середины глаза и, расширяясь, заканчивалась над уголком. В глубине души я боялась, что Солярис, болезненно переживающий мой день рождения из-за воспоминаний о Море, будет полностью раздавлен, придя сюда... Но нет, он совсем не выглядел грустным. Даже наоборот: у него был свежий, отдохнувший вид, словно он действительно просто припозднился, а не боролся с желанием не приходить вовсе.

Воля Матти тоже исполнилась: Солярис всё-таки надел новый костюм. Шёлковая парча была лишена затейливых

узоров, украшенная лишь серебряной вышивкой на широких рукавах и вороте, распахнутом до груди. Но бедность деталей с лихвой компенсировал эмалевый пояс и пустые декоративные ножны из молочной кожи. Приглядевшись, я заметила под каймой туники ещё несколько слоёв длинной ткани – тоже пасмурно-синей, как и весь прочий наряд. Тогда я мельком глянула на собственное платье, лазурно-аквамариновое, и от внезапного осознания прикусила внутреннюю сторону щеки: Матти не просто велела пошить мне и Солярису новые наряды – она велела пошить их *вместе*. Так, чтобы они дополняли друг друга, словно один костюм – полуденное небо, а другой – спокойное море, которое его отражает.

– Это и есть королевский зверь?

– Какой-то он совсем нестрашный.

– Зато какой красивый...

– Ох, смотри, у него такая же серьга, как у госпожи! Это какая-то дейдренская традиция?

Даже ухом не поведя в ответ на послышавшийся шепоток, Солярис молча взял меня под руку и вывел из толпы. Серьга с изумрудным шариком, отражающая свет, действительно раскачивалась над его левым плечом, как моя раскачивалась у меня над правым. Я смотрела на неё, чтобы не смотреть на остальных и не выискивать любопытным взглядом Дайре, растворившегося где-то среди гостей.

– Что-то не вижу черничных тарталеток. Неужели все уже

съели? Или их ещё не выносили? – пробормотал Сол вместо извинений за опоздание, нагло таща меня всё дальше и дальше, на другой конец зала, где было тише и просторнее всего. – Интересно, почему человеческих женщин вечно интересуют мой хвост и то, что у меня в штанах...

– Вечно? – не поняла я. – Лично меня спросили о таком впервые.

– Повезло, – усмехнулся Сол. И лишь когда нас скрыли колонна и телега с бочками, он остановился и посмотрел на меня.

– Я уж начала думать, что ты решил не появляться на моём дне рождения, – призналась я, отставляя пустой кубок на каминную полку, чтобы не таскаться с ним в руках. Ну и заодно чтобы не ловить на нём укоризненный взгляд Соляри-са, который не переносил запах медовухи точно так же, как и запах чужих людей.

– С чего бы это? – искренне озадачился он. – Я лишь немного припозднился.

– Немного? – Я прыснула со смеху, бросив взгляд на окно. Несмотря на то что песочные часы в зале отсутствовали, махровая темнота за ним подсказывала мне, что середина ночи давно миновала. – Ладно, я готова простить тебя... но только если ты потанцуешь со мной.

Сол, уже всюду рыскающий взглядом по чужим столам в поисках каких-нибудь сладостей вместо нормальной сытной еды, вдруг рассмеялся. А делал он это до того редко, что я

вздрыгнула: до чего же звонкий, оказывается, у него смех! Совсем не такой хриплый и утробный, как голос. Я даже успела забыть, что и зубы у Соляриса, как и утверждал ярл Олвен, несколько острее, чем у обычных людей; особенно нижние, словно шесть клыков вместо двух. Сол явно был в хорошем расположении духа... или же просто принял мой ультиматум за шутку, ведь не нужно было быть всевидящим филидом, чтобы понять: Солярис и танцы – вещи несовместимые. А уж здесь, когда собралось больше тысячи людей со всех краёв континента, презирающих драконов точно так же, как и мечтающих поглазеть на одного из них, он не стал бы танцевать и подавно.

Если бы только сегодня не был мой день рождения.

– Пригласи Гектора. Он из сапог от счастья выпрыгнет, – отмахнулся Солярис, уже набив рот сушёными ягодами. Спрятавшись обратно за колонну, он глянул на зал и усмехнулся тому, как забавно вдалеке пляшут пьяные воины в хороводе с краснощёкими женщинами. Где-то там же, рядом с королевским столом и Матти, я заметила фигуру Гектора, но упрямо затрясла головой.

– Нет, я хочу танцевать именно с тобой!

– Сколько мёда ты уже выпила, чтобы настолько осмелеть?

– Недостаточно, – печально вздохнула я и, хотя голова немного кружилась от выпитого, демонстративно протянула Солу руку ладонью вниз, повторяя: – Потанцуй со мной.

Проигнорировав мою ладонь, Солярис доел последнюю сушёную ягоду и принялся лениво слизывать сахар с подушечек пальцев.

– Нет.

– Я попрошу кухонного мастера готовить тебе черничные тарталетки всю следующую неделю!

– Нет.

– А месяц?

– Нет.

– Обещаю больше не будить тебя по утрам. И сможешь карабкаться по крышам замка! Так и быть, выгорожу тебя перед отцом.

– Нет.

– Ну пожалуйста, Сол! Я даже прошу тебя, если ты снова забыл приготовить мне подарок. Только потанцуй!

Солярис продел большой палец за свой эмалевый пояс и, вытянувшись вдоль всей колонны, смерил меня неоднозначным взглядом, но согласия так и не дал. Как, впрочем, и какого-либо другого ответа. Раздраженная тем, что вообще-то это меня должны упрашивать согласиться на танец и завоёвывать моё расположение, я закатила глаза и развернулась к шумному залу.

– Хорошо. Стой здесь и покрывайся пылью, глупая нудная ящерица! Я приглашу Дайре.

– Кого-кого?

– Ярла туата Дану.

– Хм, что-то я его не видел...

– Да, он уже ушёл к тому моменту, как ты появился. Дайре, между прочим, самый молодой из восьми ярлов. И, надо сказать, самый красивый, – процитировала я слова Маттиолы, делая вид, что уже выглядываю Дайре среди гостей. – Он составлял мне компанию на пиру, пока тебя не было, и, думаю, он точно не станет возражать составить мне её ещё раз...

– Стой.

Я до последнего не верила, что этот трюк сработает. Ему меня обучила Матти – она часто проворачивала его с Ллеу в детстве, когда они были ещё дружны, а потом стала проворачивать с любимыми юношами, если те отказывались выполнять её просьбу (скажем, перетаскивать тяжеленный сундук или бежать в лес за свежей куропаткой). Мне не хватало смелости опробовать эту уловку на Соле, ведь казалось, он только и мечтает о том, чтобы я нашла другую «игрушку» и оставила его в покое. Но оказалось, мужчины-рептилии так же примитивны в своём самолюбии, как и человеческие.

– Один танец! – прорычал Солярис, когда я, воссияв, вложила свою руку в его широкую и горячую ладонь. Он сжал её, пока мы вместе шли через весь зал к свободной нише у дверей, протягивая за собой шлейфом удивлённое молчание.

На каждом большом пиру, посвящённом великим событиям вроде моего рождения или праздников Колеса года, устраивались танцы... Но ни на одном из них я прежде не

танцевала сама. Меня просто не приглашали. Ведь за королевским столом всегда восседал мой отец, и никто не знал, что рассердит его в этот раз – порой было достаточно не вовремя улыбнуться. Пир же в честь моего Вознесения был особенным, и не только потому, что отец не присутствовал на нём. Матти просила меня повеселиться, а Солярис впервые пришёл на праздник полноправным гостем... Разве не воспользоваться подобным не было бы кощунством?

– «Лисья свадьба» для драгоценной госпожи! Живее! – услышала я приказ Гвидиона, подорвавшегося к музыкантам, когда тишина в Медовом зале неприлично затянулась.

Музыка, заигравшая уже в следующую секунду, напоминала бронзовые листья, тяжело стелющиеся на землю по осени. Она была гулкой, как волчий вой, и глубокой, как морской залив. Низкое и тягучее гудение тальхарпы, поющей под умелым смычком барда, задавало ритм остальным инструментам. Барабаны гремели, гусли бренчали, и лишь звонкая флейта жила своей жизнью, перебегая туда-сюда по нотам и привнося в мелодию воздушную лёгкость. Именно она и превращала эту дикую, навевающую мысли о сражениях и неизвестных богах, музыку в один из древнейших парных танцев.

Хоровод, прежде кружащийся в нише, рассыпался, стоило нам с Солом приблизиться. Никто из гостей не осмелился присоединиться к нам, поэтому Солярис бесстрашно занял центр освободившегося пространства и, убрав одну руку за

спину, выставил вторую перед собой.

– Все смотрят, – прошептала я, занимая точно такое же положение напротив, но так, чтобы моя вытянутая рука шла параллельно руке Сола и соприкасалась с ней лишь локтями.

– Разве ты не этого хотела? – спросил он дерзко, явно заметив, как я покраснела.

– Нет. Я лишь хотела увидеть, насколько ты неуклюж, чтобы потом глумиться над тобой до конца жизни.

Солярис приподнял брови и ухмыльнулся, явно не ожидая, что я уколую его на эту тему раньше, чем он меня. Когда тальхарпа на секунду смолкла и в мелодию вдруг яростно ворвалась скрипка-гигья, Сол резко отпрянул назад и, хлопнув в ладоши, скользнул обратно. Я повторила его движения, следуя за ним, как нить за иглой. Этот танец недаром происходил от крестьянского «танца ухаживаний»: пускай он и был облагорожен по требованию знати, но сохранил свой рваный, необузданный нрав, свойственный всем дейдрейским пляскам.

– Где ты научился? – изумлённо спросила я, когда мы с Солярисом снова соприкоснулись локтями, вращаясь по кругу на одном месте. – Не думала, что тебе известны традиционные танцы Дейдрей...

– Ах, значит, пригласила меня на танец, заведомо зная, что я опозорюсь? Бесстыжая, – цокнул языком он, даже не посмотрев вниз на свои или мои ноги. Тем не менее он ни разу не оступился и не запнулся, легко контролируя темп. –

Драконам не нужно учиться танцам. Музыка у нас в крови. Ну а ещё, возможно, я прочёл справочник по дейрдреанскому искусству...

Я сделала ровно пять шагов назад, в самый угол, чтобы выстроить между собой и Солярисом дистанцию. «Лисья свадьба» была одним из самых длинных танцев, поэтому заимствовала не только элементы ухаживаний, но и крестьянскую присядку. Однако я бы умерла со смеху, если бы Сол действительно опустился на корточки и принялся прыгать за мной, как утка. Поэтому он лишь поклонился и спокойным, размеренным шагом двинулся обратно ко мне, будто так и задумывалось. Этого следовало ожидать – в конце концов, Солярис никогда не следовал правилам.

– Ай-яй-яй... – начала я, когда мы вновь сошлись в центре зала и широкая ладонь Соляриса обхватила мою.

– Умолкни.

Кажется, я наконец-то поняла, чего хотела от меня Матти и что такое веселье. Именно его я испытывала сейчас, когда, вконец наплевав на последовательность движений, начала двигаться так, как хотела. Боковым зрением я заметила мельтешение за столами: кто-то всё-таки решил присоединиться к нам. Но, не обращая на других людей никакого внимания, я сосредоточилась лишь на Солярисе. На том, каким нежным было его касание, невзирая на сокрытую силу, и том, как он сплетал свои пальцы с моими, когда вёл меня за собой, хотя я не помнила, чтобы танец предполагал столь

тесные прикосновения.

– Что означала та твоя фраза «если ты *снова* забыл приготовить мне подарок»? – вдруг спросил Солярис, когда мы снова сцепили руки и закружились на месте. Его дыхание ничуть не сбилось за время танца, в отличие от моего. – Когда это я забывал про подарки?! Зимний Эсбат десять лет назад не считается! Ты сама не захотела его отмечать!

– Ах, значит, ты всё-таки приготовил мне что-то?

– Да. Планировал показать после праздника.

«После праздника...»

Я едва не спутала шаг, когда вспомнила о том, о чём должна была предупредить Соляриса сейчас, до того, как он узнает об этом сам и захочет перегрызть Дайре горло.

– Только если не будет слишком поздно, а то я хотела бы выспаться. Завтра меня ждёт одно дело...

– Дело? Что ещё за дело?

– Конная прогулка с ярлом Дайре. Кстати, я собираюсь пойти на неё одна, так что ты сможешь валяться в постели до вечера, если пожелаешь.

Ни одна мышца на лице Соляриса не дрогнула, когда он, снова отстраняясь от меня в танце, лаконично произнёс:

– Нет.

– Что значит «нет»? Я не разрешения у тебя спрашиваю.

– Всё равно нет.

– Я твоя госпожа...

– И моя ответственность. Ты ведь помнишь, что сказал

твой отец, когда снимал с меня ошейник? – Я понадеялась, что это риторический вопрос, потому что в ту пору, о которой говорил Солярис, мне было пять лет и я мало что помнила, кроме своего исчезновения в Рубиновом лесу и бесчисленных кукол. – Оникс сказал, что отныне я отвечаю за тебя головой. Что отныне я твой сторожевой зверь. Именно поэтому я лично знаю всех ярлов твоего отца в лицо. Кроме одного. Кроме Дайре. Оникс назначил его недавно, так? А мне даже неизвестно, как он выглядит! Пока я не пойму, что он за человек, я не смогу доверить ему тебя. С чего тебе вообще пришла мысль идти куда-то без меня? Он что... – Солярис сморщился, как изюм, – понравился тебе?

– Вовсе нет! – фыркнула я. Тальхарпа почти затихла, но я твёрдо решила, что, пока не закончу разговор с Солом, не закончу и танцевать. – Дайре слишком много болтает, и большая часть его болтовни показалась мне ужасно оскорбительной. Да, он симпатичный, но... Чем ярче у змеи окрас, тем опаснее яд.

– Тогда зачем ты согласилась на прогулку?

– Дайре что-то знает. Он дал понять, что поделится со мной этими знаниями, только если я приду без тебя.

– Знаниями о Красном тумане?

Я нервно ухмыльнулась:

– Дайре, конечно, явный безумец, но не до такой степени. Говорить о тумане на Вознесении запрещено, ты же помнишь, что отец писал в приглашениях на пир...

– Тогда о чём?

– О королеве Дейдрре и болезни отца, – ответила я, сама не зная, почему не стала добавлять следом «и о Море». – Послушай, я не собираюсь отказываться от стражи или за-прещать тебе следить за нами! Достаточно будет не показы-ваться Дайре на глаза. Давай проведём его, а? В текущей си-туации, когда у нас каждый день становится на одну загадку больше, лишние сведения не помешают.

– Я не планировал завтра весь день играть в шпиона, у меня тоже одно личное дело есть. – Сол клацнул челюстью и произнёс раньше, чем я успела задать встречный вопрос: – Скажи, Рубин, ты понимаешь, сколько человек хотели бы убить тебя за то, что сделал твой отец?

– Прошло больше тридцати лет, Солярис. Мой отец...

– Покорил туалы, пролив реки крови, – перебил меня он. Сол был уже вторым за вечер, кто прямо называл моего от-ца убийцей, и пускай это было правдой, подобные слова всё равно резали меня, как любящую дочь, изнутри. – Оникс до последнего младенца вырезал семьи тех королей, которые отказались стать его ярлами и потерять независимость. Тех, кто присягнул ему и поддержал в завоеваниях, он пощадил, но ты правда думаешь, что никто не жаждет мести? Если ты пойдёшь завтра на конную прогулку с Дайре...

– То что? – с вызовом спросила я, потеряв терпение.

Солярис сжал губы в тонкую линию и навис надо мной, оказавшись так близко, как не предполагал ни один танец.

– То останешься без подарка!

Я так растерялась, что даже не нашла достойного ответа. Музыка окончательно стихла, и зал в мгновение ока наполнился смехом и рукоплесканиями, подбадривающими нас с Солом станцевать ещё раз. Но, судя по тому, как он, обогнув меня, вдруг направился к главным дверям, это был его последний танец в жизни. Недаром в «Памяти о пыли» написано, что дракон считается взрослым только по достижении пяти сотен лет: Солярис часто вёл себя как ребёнок. А ещё он напоминал мне стог сена – мягкий и уютный ровно до тех пор, пока не бросишь искру. Вспыхивает мгновенно.

– Гектор!

Пронзительный визг заглушил весёлый гвалт и старинную балладу о возведении гор Мела, начавшуюся сразу после «Лисьей свадьбы». Я резко обернулась, и даже Солярис, продирающийся через толпу к выходу, остановился.

У ножек королевского стола, прямо на полу, сидела Матти, держа на коленях голову Гектора. Вокруг валялось несколько перевернутых серебряных блюд и разлитых кубков, но никто, даже слуги, не думал помогать: все только посмеивались, полагая, что малец попросту налакался мёда, как это часто случается на пирах. Однако даже самый крепкий мёд вряд ли сделал бы Гектора столь мертвенно-бледным. И уж точно не мёд заставил его губы посереть в тон костюму, пальцы конвульсивно дрожать, а глаза закатываться в приступе.

– Я разберусь, – сказал мне Солярис, тут же бросившись в противоположную от дверей сторону, чтобы, добравшись до королевского стола и Матти, подобрать её обмякшего брата на руки и поспешно вынести из Медового зала на свежий воздух.

Я замешкалась, разрываясь между желанием помочь друзьям и беззвучными мольбами Гвидиона, машущего руками с дальнего конца зала. Гости тут же столпились вокруг, как по команде, видимо решив, что, пока я осталась одна, самое время распить со мной мёд на брудершафт и войти в доверие. Кто-то всё-таки принялся расспрашивать меня о Красном тумане, нарушив запрет, кто-то снова завёл речь о Солярисе и его происхождении, а кто-то начал настырно сватать мне своего старшего сына. Хватило всего трёх-четырёх таких бестактных вопросов, чтобы я, всё-таки не сдержавшись, стремглав покинула зал.

– Ты уже забыл, зачем взялся изучать сейд?

– Это вовсе не смертельно, в отличие от недуга, которым страдает истинный господин...

– И поэтому ты предпочёл его родному брату?

– Не переходи границы.

– Твоя работа, Ллеу, уже давно не...

– Моя работа касается лишь меня одного. Твоё же дело – ублажать драгоценную госпожу и высокородных господ. Нечего забивать свою прелестную головку серьёзными вещами. Я обязательно исцелю Гектора, просто всему своё время.

– Да неужели? Откуда же тебе узнать, как лечить сахарную болезнь, если ты вечно торчишь в своих катакомбах, играя с несчастными в бога? В последнее время ты ведёшь себя так, будто сама Волчья Госпожа снизошла до тебя и нарекла своим жрецом! Золото, золото, золото... Золото и власть! Думаешь, дорогие костюмы и лучшие инструменты компенсируют Гектору здоровье? Думаешь, я не вижу, во что ты превратился?!

Ещё в детстве история Оникса и двух его братьев научила меня тому, что даже кровные узы можно разрубить топором. Тем не менее, глядя на Матти и Ллеу, я всегда мечтала иметь брата или сестру. То, как они в детстве заботились и друг о друге, и о малыше Гекторе, вселило в меня робкую надежду, что всё-таки существуют семьи, которые крепче стали и человеческих пороков. Но с каждой новой ссорой Ллеу и Матти эта надежда умирала... И теперь она умерла окончательно, когда я, отойдя от дверей Медового зала, остановилась в конце коридора и услышала этот разговор за углом. А вместе с тем услышала и характерный шлепок, поселивший в коридоре мёртвую тишину.

– Я знаю своё место, – произнёс голос Ллеу спокойно. – А ты знай своё.

Отчего-то я оцепенела, не в силах дать знать о своём присутствии. Когда Ллеу завернул за угол и прошёл мимо меня, почтительно кивнув, я смогла лишь кивнуть в ответ, цепляясь взглядом за его лицо. Ни одна из щёк Ллеу не была крас-

ной.

Зато покраснела левая щека Матти.

– Он ударил тебя? – спросила я, тут же кинувшись к ней и ухватив за плечи. Матти стояла у резной арки, ведущей в соседнее крыло, и покачивалась из стороны в сторону, будто тоже перепила мёда. Серо-зелёные глаза её были совсем стеклянными, как у тех кукол, в которых мы играли в детстве.

– Нет, – соврала она так нелепо, будто считала меня круглой дурой, и, мягко отняв от себя мои руки, просто двинулась дальше. Когда она повернулась ко мне спиной, я заметила, что подол её платья покраснел от брусничного соуса: видимо, Матти испачкалась в еде, которую Гектор свалил со стола, когда падал. Жемчужные рукава тоже были заляпаны, а волнистые чёрные волосы спутались и упали ей на плечи, лишившись части украшений. – Возвращайтесь на праздник, драгоценная госпожа. Вы обещали мне веселиться.

– А ты куда?

– Надо проверить Гектора... Солярис отнёс его в спальню и сходил за Ллеу, чтобы тот принёс сыворотку, так что всё в порядке. Беспokoиться более не о чем. Гектор просто переволновался и забыл вовремя принять лекарство. Побывать в пятнадцать лет на Вознесении принцессы, в которую ты по уши влюблён, – у кого угодно сердце остановится! Он долго набирался смелости, чтобы подойти к королевскому столу, но, когда подошёл, тебя там не оказалось...

Я прямо шагала следом за Матти, прекрасно зная, что она так быстро уходит только для того, чтобы выплакаться в одиночестве. Но от её слов у меня закололо где-то в подреберье, и я остановилась. Так ощущался стыд. Я ведь даже не додумалась подойти на пиру к Гектору, хотя прекрасно знала, сколь ценно для него даже моё мимолётное «здравствуй».

– Если бы ты подошла к нему, ничего бы не изменилось. Он бы только раньше в обморок свалился, – попыталась пошутить Матти, оглянувшись, будто прочитала мои мысли. – Извини. Мои слова, должно быть, прозвучали так, будто я упрекаю тебя. Это не так. Если ты хочешь проведать Гектора, – добавила она, заметив, что мы прошли уже половину пути до его комнаты, – он уже спит. Навестишь его завтра, а сейчас ступай на пир. Обещания нужно сдерживать.

– Хорошо, но учти, Маттиола: впредь я не спущу Ллеу с рук такое обращение с тобой. Если нечто подобное повторится, ты расскажешь мне. И это не просьба.

Матти слабо кивнула, потупив взор, и я скрепя сердце оставила её и вернулась в начало коридора.

Ллеу, должно быть, снова отправился в покои к моему отцу, чтобы наложить очередную мазь и присматривать за ним до тех пор, пока тому не полегчает. В Медовом зале же меня ждали негодующий Гвидион и толпа пьяных хускарлов с жёнами и дочерьми, так и норвящими влезть в очередной спор. Я хотела исполнить данное Матти обещание, но знала, что сегодня у меня больше не получится веселиться – на-

строение отсутствовало настолько, что было бесполезно искать его даже на дне кубка с мёдом. Поэтому, поколебавшись на перекресте коридоров лишь пару секунд, я проскочила мимо праздничных дверей и хускарлов, уже готовящихся открыть их для меня.

В башне Сола, как и всегда, стояла жара. Ничего не изменилось с тех пор, как я побывала здесь утром перед полётом в Лофорт: даже постель осталась незаправленной, напоминая птичье гнездо из подушек и одеял. Хлама и мебели вокруг было так много, что я не сразу заметила их хозяина, устроившегося на подоконнике.

– Я удивлён, – произнёс Солярис, листая лежащую на коленях замшелую книгу. Эмалевый пояс и кожаные ножны исчезли из его костюма, как и верхний слой туники. Не считая штанов, осталась лишь полупрозрачная рубашка из тончайшего голубого льна, сквозь которую прорезались острые ключицы. – Разве ты не собиралась лечь пораньше, чтобы выспаться перед свиданием с молодым ярлом?

– Ты помог Гектору, – сказала я вместо ответной издёвки. Пройдя до того же подоконника, я опустилась на другую его сторону, подмяв подол платья так, чтобы он образовал подстилку на холодном камне. Витражи окон тоже были ледяными, покрытые инеем извне, но лишь с моей стороны – там, где сидел Солярис – стёкла становились матовыми от жара и текли.

– Помог, – кивнул он, перелистывая страницу, но всле-

пую: он неотрывно смотрел мне в глаза из-под опущенных белоснежных ресниц.

– Я думала, ты его недолюбливаешь...

– И что? Это норма у людей – оставлять человека валяться на полу только потому, что недолюбливаешь его?

Я улыбнулась. В этом был весь Солярис – закрыт в словах, но открыт в поступках. Он продолжал листать книгу, настороженно следя за каждым моим движением, словно я застала его врасплох своим визитом. Но моё скорое появление в башне было предсказуемо – Солу никогда не удавалось отделаться от меня так просто, особенно после таких дурацких перепалок, как та, что произошла в зале.

– Тебе следует вернуться на пир. Ещё не было первого луча рассвета, твой уход примут за слабость...

– Что это там?

– Нет-нет! Уйди!

Солярис рванулся с места, свалив книгу на пол, но я оказалась шустрее. На алтаре в северном углу, вечно пустующем из-за отрицания драконами каких-либо божеств, лежала квадратная деревянная доска карамельно-молочного цвета. Острые углы украшала резьба, а всю лицевую поверхность, лакированную густой смолой, покрывал знакомый узор из золотых и яшмовых клеток. Рядом, в сломанной шкатулке без верхней крышки, как раз лежали фигурки размером с мизинец. Одна половина фигурок была сделана из желтоватой моржовой кости, а вторая – из белоснежной ки-

товой. И те и те – гладкие на ощупь, тоже отполированные и с тонкими гранями, да такими изящными, какие могли выточить лишь острейшие драконьи когти. Вместо привычных фигурок были фигурки различных драконов с открытыми пастьми, и у меня не осталось сомнений.

– Ты сделал для меня шахматы? – прошептала я, очертив кончиками пальцев зазубренную корону ферзя. В каждой его детали чувствовался сам Солярис, та аккуратность и нежность, которые были присущи ему точно так же, как упрямство, вредность и страсть к сладкому.

Сол подозрительно долго молчал, и я, прижав ферзя к сердцу, обернулась. Он снова сидел на подоконнике, но с открытым ртом, а на его лице отражалось внутреннее противоборство – желание всё-таки лишить меня подарка против желания получить похвалу. Второе победило:

– Да. Нравится?

– Конечно! Я обожаю шахматы!

– Я знаю.

Последнее прозвучало горделиво. Я тут же смела все фигурки в охапку вместе с доской и, вернувшись на подоконник, принялась расставлять их по местам. Солярис наблюдал за мной с улыбкой – шахматы навевали ему те же приятные воспоминания, что и мне. Это была первая игра, в которую мы сыграли вместе по-настоящему, как только я обучила его азам. Конечно, не считая прятков, когда Солярис клятвенно заверял, что обязательно будет искать меня, а сам возвра-

щался в замок и ложился спать.

– Готов проиграть в семьсот двадцать пятый раз? – поддразнила я, закончив расставлять пешки. – Этим подарком ты обрёк себя на вечные муки. Ты ведь ни разу за все годы меня не обыграл!

– Это я тоже знаю, – вздохнул он тяжело и, подвинув доску вплотную к оконной раме, поднёс руку к пешке, собираясь сделать первый ход, но почему-то передумал. – У меня есть для тебя ещё кое-что. Покажу, если пообещаешь, что никуда не пойдёшь завтра с Дайре.

– Солярис...

– Ладно, всё равно покажу. Но к теме о Дайре мы обязательно вернёмся!

Я скривилась, провожая Соляриса, помчавшегося к постели, вялым взмахом руки. Нагнувшись, он вытащил что-то из-под матраса – нечто длинное и шуршащее, как бумага. Лишь в свете канделябра, который Сол поставил на подоконник вместе со своим подарком, я узнала свёрнутое полотно. Судя по пятнам плесени и желтизны, полотно было очень старым, но тем не менее в приличном состоянии: даже не разворачивая его, я заметила по краям яркие краски. Раз не выцвели, значит, дорогие.

Королевская картина...

– Ллеу дорого берёт за проход в катакомбы. Даже того пузырька с туманом оказалось мало! Алчный человек, – хмыкнул Солярис, оперевшись руками на подоконник и нависнув

вместе со мной над полотном, пока я бережно разворачивала его, боясь повредить краску или холст. – Только одну картину нашёл, хотя бродил там часов шесть...

Я почти сумела выпрямить свёрток, когда меня осенило. Подняв глаза к лицу Соляриса, с которым меня разделяло всего несколько дюймов, я заметила, как он нетерпеливо жуёт нижнюю губу, отчего над уголком его рта проступила очаровательная ямочка. Золотые глаза светились в полумраке комнаты. Казалось, Сол и сам вот-вот воспламенится от возбуждения, ведь...

– Ты поэтому опоздал на праздник? – спросила я растерянно. – Потому что всё это время копался в катакомбах? А я подумала...

– Что ты подумала? – Сол наклонил голову вбок, и жемчужные волосы, уставшие лежать в опрятной укладке, упали ему на лоб.

Я замялась, пытаюсь подобрать слова, но, не сумев сделать это от усталости и мёда, выпалила как есть:

– Я знаю, что Виланда нашла тебя у Дикого Предела спустя несколько месяцев после Мора. Ты участвовал в сражении вместе с другими драконами, но ведь не просто так, верно? В каждый мой день рождения ты становишься особенно молчаливым, прячешься в башне и если приходишь на праздник, то лишь под конец. Мы никогда не говорили об этом, но, полагаю, ты тоже потерял кого-то в Мор, как я потеряла дядю Оберона. Вот я и решила, что в этот раз ты то-

же... скорбишь.

Солярис издал странный гортанный звук, похожий на смешок, отчего я решила, что ляпнула какую-то глупость. Сделав вид, что шахматы целиком и полностью завладели моим вниманием, я задумчиво начала вертеть в пальцах пешку, пока вдруг не почувствовала дыхание Соляриса у себя на лбу – он наклонился ещё ниже.

– Нет, – произнёс Сол таким тоном, что я покрылась мурашками. – Я не скорблю. Твой день рождения – это твой день рождения, Руби. Один из лучших дней Колеса года. А теперь открой полотно. Это ведь она, да? Когда ты сказала о своём видении в Красном тумане, я сразу решил, что надо узнать наверняка.

Почти сразу после моего рождения отец спрятал все портреты королевы Неры. Причина была ясна как белый день – рассудок Оникса и так трещал по швам с самой юности, и в то время как появление моей матери в его жизни склеило эти трещины, её же смерть проломила в нём новые. Когда кубок креплёного вина развязывал Гвидиону язык, он нередко упоминал, что мне повезло уродиться ликом в Оникса, а не в Неру, ведь один её вид на полотнах и гобеленах причинял отцу такую боль, что приводил в неистовство. Смерть в родах казалась ему ничтожной, несправедливой для королевы, как, впрочем, и мне самой. Благодарная хотя бы за то, что ненависть к этой потере не породила у отца ненависть ко мне, я никогда не настаивала на том, чтобы увидеть маму.

Но это не значит, что я не хотела этого.

– Ну что? – спросил Солярис, когда я медленно развернула полотно. Он помогал мне, придерживая пальцами сворачивающиеся углы картины, пока я разглядывала изображённую женщину. Зелёные глаза, светлая-светлая кожа, вздёрнутый нос и волосы рыжие, как языки пламени. Даже здесь фибула с лунными ипостасями была при ней, выглядывая из-за затылка. – Это она?

– Королева Нера, – прошептала я, вспоминая видение и понимая, что мы только что решили одну загадку... и породили новую. – Да, я видела в Красном тумане свою мать.

Озеро цветов и льда

Первое, что я сделала, открыв глаза наутро после Вознесения, – это выпила рябиновый чай, уже ждущий меня на прикроватной тумбе, потому что голова болела так, будто вот-вот треснет пополам. Приторная медовуха обернулась кислым послевкусием желчи на языке. Я с трудом заставила себя встать с постели и переодеться, ведь, вернувшись в покои лишь с рассветом, как и напутствовал Солярис, рухнула спать, даже не раздеваясь. Выбор нового наряда занял почти полчаса – я попросту не умела обходиться без Матти, которая сейчас, как моя представительница, верховодила кухонными мастерами и слугами, готовя Медовый зал к новой праздничной вехе. Решив, что под плащом из белого заячьего меха Дайре всё равно не разглядит, что на мне надето, я решила предпочесть красоте тепло, укутавшись в несколько слоёв плотной шерстяной ткани. Длинные рукава плаща хорошо прятали наручи Гектора с тонкими лезвиями, которые я надела чисто на всякий случай.

Снегопад за окном наконец-то утих, будто погода благословляла нашу с Дайре прогулку. Вышедшее из-за ватных облаков солнце даже поселило в замке искрящийся свет, отражаясь от зеркал и освещая тёмные закутки. Тем не ме-

нее никто не показывал из комнат носа: большинство гостей отсыпались или отмокали в купальне, а некоторые, судя по гвалту из приоткрытых дверей Медового зала, продолжали кутить. Я не осмелилась заглянуть внутрь, боясь снова стать заложницей назойливых расспросов: после того как я завершила шахматную партию с Солом и возвратилась на пир, меня трижды затягивали в танец и четырежды пытались вывести из себя. Уже к закату пир должен был возобновиться, и я была не уверена, что выдержу это во второй раз. Тем более что теперь мне точно было не до веселья: изображение матери всплывало перед глазами каждый раз, стоило мне повести головой и почувствовать вес лунной фибулы в волосах. Приближение встречи с Дайре почему-то лишь усиливало и без того свербящую в сердце тревогу.

Он не назначил мне точного часа, ограничившись словами «около полудня», – значит, моё опоздание априори не может считаться таковым. Именно поэтому перед тем, как отправиться в конюшню, я позволила себе сначала наведаться ещё в парочку мест.

К моему разочарованию, Ллеу, с которым мне не терпелось побеседовать с глазу на глаз, не оказалось в покоях короля. Зато я смогла побыть наедине с отцом пару минут и подержать его за руку, пока он спал глубоким целительным сном, напоенный сонным отваром и в тисовой маске на лице. Из прорезей для глаз торчали его светлые ресницы, а обнажённая грудь тяжело вздымалась. Вместо одеял на Оник-

се до самых лодыжек лежали хлопковые повязки, смоченные в изумрудном отваре. Неужели язвы распространились настолько далеко?..

«И будет наказание соразмерно гейсу, принесённому нарушителем».

Если мой отец действительно расплачивался своей жизнью за войну с драконами, то этот процесс, как и последствия войны, уже не остановить.

Следующим местом, которое я посетила, стала комната Гектора. Его, однако, тоже не оказалось у себя: постель, на которой он ещё вчера переживал беспощадный приступ сахарной болезни, была прилежно заправлена и чиста. Лишь на подоконнике пылилась пустая колба из-под сыворотки с тонкой серебряной иглой, а из шкафа выглядывал мятый рукав парадного костюма.

В королевской конюшне, куда я спустилась в сопровождении отряда хускарлов, было даже теплее, чем в моей спальне: конюхи старательно берегли хрупкое здоровье породистых скакунов, свезённых со всего континента. Здесь пахло сухим сеном, овсом и животным мускусом – и этот запах казался мне приятнее ароматических масел, напоминая о раннем детстве, когда я каждый день навещала Соляриса, ночующего в одном из денников.

Несколько лошадей нетерпеливо скребли копытом и громко ржали в ожидании обеда, а ещё несколько попытались зажевать мой рукав, просунув морды в дверные щели,

когда я проходила мимо бесконечного ряда стойл. Пускай я и бывала в конюшне нечасто, но отлично помнила, какой конь когда появился – в конце концов, все они когда-то были подарками мне или моему отцу. Я не узнала лишь одну лошадь в самом конце – молодая кобыла-рысак необычайно редкой соловой масти, какая водилась только в туате Дану, по легендам, граничащем с потусторонним миром божественных сидов. Этот цвет и впрямь ассоциировался с волшебством, молочно-ирисовый. А уже надетое седло с попоной и шёлковая красная лента, струящаяся по пепельной гриве, только подкрепляли мои догадки.

– Ох, драгоценная госпожа, вы как раз вовремя. Ярл Дану только-только повелел седлать её для вас!

Значит, я не ошиблась – это и есть моя новая лошадь. Но что удивило меня куда больше моей проницательности и щедрости Дайре, так это то, что передо мной стоял Гектор – свежий и румяный без каких-либо симптомов недомогания. Судя по ворсинкам сена в его кудрях и мокрым пятнам на штанинах, он прибирался в стойлах и наполнял поилки, таская вёдра из колодца. Вместо кожаного фартука на Гекторе была простая рубаша с жилетом, а вместо пояса с кузнечными инструментами – ремень со связками ключей.

Заметив моё недоумение, Гектор тут же затряс головой и пояснил:

– Нет-нет, меня не выгнали из кузницы! Просто Фланн так перебрал с выпивкой, которую выклянчил у кухонных

мастеров в честь праздника, что до сих пор на ногах не стоит. Всё равно сегодня у меня нет заказов, вот я и согласился подменить его.

Гектор отодвинул щеколду, открывая для меня стойло соловой кобылы, и застенчиво отвёл глаза, когда я продолжила смотреть на него в упор. Лишь эта его робость напоминала мне, что ему всего пятнадцать, ведь внешне Гектор вполне мог сойти за ровесника Дайре, необычайно высокий и широкоплечий. Разве что черты лица оставались округлыми и мягкими, как у ребёнка.

– Эй, погоди. – Я придержала Гектора за рукав, когда он уже подвязал спущенные стремяна и взялся за поводья, чтобы вывести кобылу на улицу. – Как ты себя чувствуешь? Я хотела зайти вчера, но Матти попросила тебя не беспокоить. Ты был таким бледным там, в Медовом зале... Я испугалась.

– Испугалась? За меня? – Гектор часто-часто заморгал, наконец-то осмелившись посмотреть мне в глаза, и очаровательные веснушки на его носу стали казаться ярче от такой же яркой улыбки. – Приятно слышать, но я не стою тревог госпожи. Я в полном порядке! Раньше со мной уже случалось подобное. К счастью, мой братишка Ллеу очень заботлив. Он всегда приходит вовремя. А теперь давай выведем лошадь, и я помогу тебе залезть, а то ярл Дайре небось уже заждался.

– Ярл Дайре... Где он сейчас? – Я высунула голову из стойла и оглядела длинные коридоры, застеленные утоптан-

ным сеном.

– Снаружи, у ворот, – ответил Гектор. – Ещё на рассвете он отправился гулять за стены замка, но затем вернулся, сам оседлал рысака и сообщил, что ожидает госпожу... тебя то есть. Это было ещё час назад...

Терпеливость Дайре подкупала, но вот его любознательность в отношении моих владений вызывала вопросы. Решив, что чем дольше я заставляю его ждать, тем больше шансов, что он узнает то, что знать ему не положено, я отошла с прохода и наконец-то позволила Гектору вывести кобылу из конюшни.

– Теперь забирайся, – сказал Гектор, как только мы очутились под жёлто-мраморным небом, из которого вместе с редким снегом сыпались скудные солнечные лучи. Мороз в кои-то веки не кусался, и, надеясь, что такая погода продержится хотя бы пару часов, пока я не разузнаю всё, что нужно, я послушно облокотилась на крепкую руку Гектора, всунула ногу в стремя и подтянулась вверх.

Верховая езда сильно отличалась от езды на драконе. Для полётов с Солярисом мне было достаточно иметь пояс со специальными кольцами. Лошади же предполагали целое обмундирование: глядя на седло, я дивилась количеству ремешков, запонок и стяжек, соединяющих выбитую кожу с тёплой тканью. Если бы Гектор не седлал кобылу заранее, а Фланн так и остался валяться в беспомощности, я бы никогда не подготовила лошадь самостоятельно.

Подняв подол платья, чтобы он не путался в седле, я надела варежки и взялась за стёганные поводья левой рукой, почёсывая правой кобылу между ушей. Та, покладистая и ласковая, тут же прильнула к моей раскрытой ладони.

– Дайре не говорил, у неё есть имя?

– Её зовут Солнечная, – улыбнулся Гектор, скармливая ей пару кусочков сахара на раскрытой ладони. – Спокойная, как море в месяц сапфиров! С ней будет легко управляться, может, даже проще, чем с... А где Солярис, кстати? Он что, не придёт?

Только тогда я поняла, почему Гектор не спешит отходить от лошади, придерживая её за уздечку одной рукой. Онглянул на хускарлов, уже седлавших за нами своих лошадей, – четверо плотно сбитых мужчин с выбритыми висками и в позолоченных наручах, что выдавали их принадлежность к лучшим воинам замка. Впервые моя стража состояла исключительно из людей, и это действительно могло шокировать.

– У Соляриса свои дела, – ответила я полуправду, ведь он действительно упоминал нечто подобное на пиру. А во время шахматной партии и вовсе заявил, что не станет сопровождать меня даже тайком, раз я плюю на его мнение. Хотя мы оба знали, что это блеф. А даже если и нет... – Уверена, юный Дайре не сильнее четырёх взрослых хускарлов. Мне нечего бояться.

– Странно, – промычал Гектор задумчиво. – Что тогда Солярис забыл у моего брата в катакомбах? Я думал, он выпол-

няет твоё поручение...

– Ты видел Соляриса в катакомбах? Сегодня?

– Да, буквально полчаса назад, когда ходил за сывороткой.

Я заёрзала в седле, но быстро скрыла беспокойство и от самой себя, и от окружающих. Вряд ли Соляриса и Ллеу могла связывать дружба – и тот и другой всегда руководствовались исключительной выгодой при выборе друзей и партнёров. Интересно, было ли это связано с тем делом, о котором упоминал Сол?..

– Если снова увидишь Соляриса, передай ему, чтобы ждал меня в башне, – сказала я на прощание и, ударив лошадь пятками по бокам, развернула Солнечную в сторону крепостной стены. По замковым улочкам разнёсся гулкий цокот копыт пяти всадников: хускарлы по немой команде последовали за мной, держась на шесть-семь шагов позади.

Петля между прибывшими из Столицы телегами с праздничным продовольствием и шатрами королевских мастеров, я проскакала рысью до главных ворот и снова остановилась, наблюдая, как стражники суетливо проворачивают колесо, дабы поднять герсу – опускающую дверь с острой чугунной решёткой. Дайре ждал меня прямо перед ней. Его карачовый конь ярко выделялся на фоне безукоризненно белого снега и тусклых серых стен, но сам Дайре, уже сидящий в седле, выделялся куда больше: всё тот же чёрный костюм с ромбовидным узором, будто прочерченным ножом, и такой же чёрный плащ с волчьим мехом, пристёгнутым к воротнику фибула-

ми. Обе ладони обтягивали замшевые перчатки – похоже, рана гейса, полученная на пиру, ничуть не беспокоила его. Причёска Дайре тоже претерпела несколько изменений – сегодня его волосы, как и мои, были забраны в одну тугую косу, чтобы ветер не швырял их в глаза. Руна беркана, закреплённая в волосах у виска, отбрасывала на снег солнечный зайчик, за которым охотилась пара местных ярко-рыжих котов-крысоловов. Дайре специально вертел головой вслед за солнцем, чтобы зайчик прыгал с места на место и дразнил животных, но, заметив меня, тут же забыл о своей забаве и приосанился.

– Доброе утро, драгоценная госпожа! Отраднo видеть, что вы всё-таки решили почтить меня своим присутствием.

– Признаюсь честно, это решение далось мне нелегко. Вы бы только знали, как болит голова после трёх кубков керидвенского мёда и трёх сотен собеседников за вечер...

Дайре усмехнулся и развернул свою лошадь в сторону ворот, которые, скрипя и лязгая, уже почти полностью поднялись. Краем глаза он оглядел стражу за моей спиной, и увиденное (а именно отсутствие Соляриса в ней) явно его порадовало – Дайре широко улыбнулся.

– В таком случае я польщён вдвойне. Обещаю, мои истории станут хорошим лекарством от головной боли, – произнёс он. – Вот только... Куда мы направимся в первую очередь, госпожа? Может, Китовые утёсы и берег Изумрудного моря? Устье Тихой реки? Легендарный Рубиновый лес? Или

спустимся в Столицу?

Я остановила Солнечную бок о бок с конём Дайре и призадумалась, внимательно глядя на горизонт, простирающийся за воротами замка.

К городу, расположенному в низине под крутым холмом, вела широкая грунтовая дорога, спуск по которой занимал минут двадцать, а подъём – все сорок. Как бы мне самой ни хотелось посетить Столицу, я помнила наказ отца – может, это и был единственный город, где короля Оникса не считали вероломным завоевателем и искренне любили, но туда стекались торговцы со всего континента... А потому стекались и бандиты. Посещение многолюдных мест – это всегда риск для отпрыска богатого рода, а без сопровождения Соляриса этот риск увеличивался вдвое.

О прогулке в Рубиновый лес и говорить не стоило – пускай он никогда не вселял в меня страх, но и желание посетить его не вызывал тоже. Изумрудное море – дивное зрелище, но лишь в месяц китов, когда они возвращаются домой из неизвестных нам краёв, где пережидают зиму. В месяц воя же море тускнеет, скатываясь в унылый болотный цвет, и не представляет собой абсолютно ничего примечательного. Устье Тихой реки – тоже скучное зрелище, тем более что путь до неё занимает полдня, а погода нынче весьма непредсказуема. Ещё не хватало, чтобы метель застала нас в дороге!

Значит, остаётся...

– Сами увидите, – сказала я и толкнула Солнечную, уве-

ренно выводя её за ворота и сразу сворачивая влево от тракта.

Там, за некрутым склоном, начиналась тропа, по которой можно было дойти до диких кленовых лесов и прекрасного озера, а затем, минув его, оказаться в подножии Меловых гор. По легенде, то тоже были киты, обращённые в камень принцем Мелом, единокровным братом королевы Дейрдре. Поговаривали, будто ночью, стоя на вершине, можно было услышать, как они поют.

– Итак, я готова, – сказала я, когда конь Дайре поравнялся с моим, а хускарлы немного отстали. Они всё ещё шли достаточно близко, чтобы в случае чего подоспеть на помощь, но достаточно далеко, чтобы наш с Дайре разговор нельзя было расслышать за скрипом снега под копытами лошадей. – Начинайте рассказывать свои истории.

– Вот так сразу? И никакого флирта да болтовни о прекрасных пейзажах? – ахнул Дайре, приложив руку к сердцу.

Я пожала плечами и лениво огляделась. Пейзажи вокруг действительно выглядели чудесно: стоило немного отдалиться от замка, как весь мир побелел, словно состоял лишь из льда и голых скрюченных деревьев. Летом же здесь всё утопало в зелени, а дорога к озеру становилась практически непроходимой из-за кустов малины и красной смородины, которой можно было наесться досыта. Приставив руку козырьком ко лбу, я внимательно взгляделась в сухие поросли: на сугробах лежали следы маленьких лапок, явно заячьих,

а ещё чуть дальше виднелись глубокие норы. Животные не боялись Соляриса, потому мы частенько встречали их на дорогах, однако сейчас вокруг было тихо. Даже ветер улёгся.

– С чего вы хотите, чтобы я начал? – спросил Дайре в лоб, наконец-то перестав притворяться, что его и впрямь интересуют красоты моего туалата.

– С Мора, – так же прямо ответила я и незаметно поправила рукава плаща: стоило тем задраться, как блеск камней в наручах ослеплял и привлекал внимание. – На пиру вы называли Мор «молочным». Я хочу знать почему.

Дайре ухмыльнулся так, будто мысленно делал ставки, какую тему я подниму первой. Пригладив перчаткой растрепавшуюся косу, он посмотрел вперёд, – на острые шпили чёрных гор, возвышающихся далеко над можжевелевым лесом, – и произнёс так тихо, что на миг я подумала, будто ослышалась:

– Драконы любят молоко. Любят так сильно, как его не любят даже кошки. Это их слабость.

– Хм, никогда об этом не слышала. Да и Солярис ни разу не пил молоко при мне...

– Неудивительно. Наверняка он был там, в драконьем городе, когда это случилось.

– Когда случилось что?

– Когда люди убили тысячу детёнышей на глазах у их родителей, отравив молоко, которое те пили каждое утро с приходом торговых караванов.

Где-то в лесу хрустнула ветка – видимо, зайцы. Я хотела обернуться, хотела посмотреть на них и засмеяться, как смеялась в детстве, позабавленная пугливостью этих крошечных зверьков... Но вместо этого я во все глаза смотрела на профиль Дайре. Под его загорелой кожей ходили желваки, но он продолжал говорить:

– Люди испокон веков вели торговлю с драконами. Только торговцы в их городе и бывали. Ведь чтобы попасть в Сердце, нужно преодолеть Кипящее море и рифы, которые не смог пережить ни один человеческий корабль. Поэтому драконы сами относили торговцев в свой дом. Обменивали изобретения и драгоценности на вкусную пищу, которая не растёт на их скалистом острове. Молоко – одна из вещей, которые драконы вкусили лишь благодаря людям. Поэтому люди знали, что молоко распродаётся самым первым, ещё на рассвете... Точно так же они знали и то, что драконы – семейные существа. Для них нет ничего ценнее детёнышей. А скверны в молоке было ровно столько, чтобы она убила каждого ребёнка с одного глотка, но оставила в живых взрослых, испивших его. Молоко, как и смерть, предназначалось исключительно для детей.

Я отвернулась и посмотрела на ров, уступы которого соединял мост из сваленной в грозу ивы, оплётшей корнями соседние деревья. Пока мы друг за другом переводили по нему лошадей, у меня было несколько минут, чтобы обдумать услышанное. Вряд ли стоило верить на слово челове-

ку, который каким-то образом обошёл пятерых претендентов на трон туата, а затем начал прилюдно порочить имя того, кто помог ему это сделать. Но отсутствие у Дайре такта не означало отсутствие честности. В конце концов, летописи и книги писали обычные люди – что мешало моему отцу, единовластному правителю Круга, изменить их тексты, чтобы изменить историю? Во время покорения континента Оникс легко избавлялся от целых родов, несогласных с его постулатами. Точно так же он мог избавиться и от всех торговцев с воинами, знающих правду. И от моего дяди Оберона тоже.

– Вы хотите сказать, что драконы не нападали на людей первыми? – заговорила я приглушённо, когда, миновав ивовый мост, мы с Дайре снова седлали лошадей. – И что убийство моего дяди, принца Оберона, было совершено в результате мести и стало лишь предлогом для полномасштабной войны?

– Да, именно это я и хочу сказать.

– Откуда вам всё это известно?

– У нас есть с вами кое-что общее помимо принадлежности к знатному роду, драгоценная госпожа, – сказал он, и его улыбка показалась мне одновременно и грустной и преисполненной гордости. – Мы оба любим драконов.

Я сощурилась и проследила взглядом за его рукой, поправившей фибулы, что пристёгивали меховой плащ к вороту одежды. Солнце отражалось от глянцевых ромбообразных узоров, которыми был испещрён весь костюм Дайре, будто...

– Чешуя, – озарило меня. – Узоры на вашем костюме похожи на драконью чешую.

– Так и есть, – кивнул он. – Это подарок друга.

– Друга-дракона, не так ли?

Дайре прикрыл глаза и снова улыбнулся. Это и стало мне ответом.

– Не верьте тем, кто говорит, что драконы загнили на своём острове. И их сердца, и Сердце-город по-прежнему полны жизни, просто вдали от людей. Они позволили нам тешить своё самолюбие мнимой победой, чтобы жить дальше. Ради своего будущего и ради оставшихся детёнышей. По-моему, это и есть истинная мудрость, которую нам, тщеславным людям, никогда не познать. Всё, чего хотят Старшие теперь, – это покоя.

– А чего хотите вы? – спросила я, стиснув в пальцах поводья так крепко, что почувствовала швы на них даже сквозь толстые варежки. – Я уже поняла, что вы представляете интересы драконов, с которыми, судя по всему, поддерживаете тайные отношения. Но зачем вы приехали на моё Вознесение? Зачем рассказываете всё это? Хотите, чтобы я, когда сменю отца у власти, исправила его ошибки и снова заключила с драконами союз?

Дайре посмотрел на меня так, как обычно смотрел Солярис, когда я, по его мнению, ляпала какую-то несусветную чушь. Однако если Дайре и хотел рассмеяться в ответ на мои предположения, то очень хорошо сдерживался, потому что

слова его прозвучали без какого-либо намёка на шутку:

– Как и Старшие, я тоже хочу покоя. Все люди хотят. Но никакой покой невозможен, пока существует нечто, способное пожрать весь мир. Скажите, госпожа... какой он изнутри, этот Красный туман?

В этот раз я не позволила застать меня врасплох, ведь если Дайре знает сокрытую правду о Море, которую не знала даже наследница престола, то он мог знать о чём угодно. Даже о том, что не должно было покинуть стен Совета, когда я и Солярис вернулись после полёта в Лофорт. Хирд, ставший свидетелем того, как мы двое вывалились из тумана живые и невредимые, был скован *клятвой тишины* после этого, нарушение которой каралось смертью. Но испокон веков находились люди, ценящие золото выше, чем собственную жизнь. Однако я не могла представить, чтобы такой скользкий человек с двойным дном, как Дайре, пошёл на столь грубые и очевидные методы. А вот то, как уверенно он говорил о воле Старших, заставило меня задуматься...

Возможно ли такое, что кто-то из древнейших драконов, воспетых в молитвах, чей возраст исчислялся тысячелетиями, был другом молодого ярла? Мог ли этот же друг быть его информатором, а значит, и шпионом? Туат Дану неспроста находился прямо у берегов Кипящего моря, разделяющего человеческие земли с драконьими. И неспроста Дайре поднимал столь тревожные, опасные темы... Это были даже не намёки – это был прямой вызов.

– Красный, – хмыкнула я, равнодушно отвернувшись от Дайре и почесав фыркнувшую лошадь между ушей. – Красный туман изнутри очень красный. Удивительно, правда? Хочу напомнить, что сейчас мой черёд слушать истории, а не ваш. И я считаю, что как раз настало время для истории о Красном тумане. Что вам известно о нём?

– Так не пойдёт. – Дайре щёлкнул языком и, накренившись с лошади, навис надо мной, как над провинившимся ребёнком: – Одна достопримечательность – одна история.

– Что?

– Таковы правила, госпожа, – Дайре подмигнул мне. – Иначе наша прогулка закончится слишком быстро.

– Да будет так, – неохотно согласилась я, скрипнув зубами. Тропа начинала расширяться, знаменуя наше неспешное приближение к первой остановке. Ещё десять минут, которые занимал остаток дороги, можно было попытаться провести с пользой. – В таком случае расскажите мне ещё что-нибудь о Море.

– Боюсь, я рассказал вам всё, что знаю сам.

– А что насчёт причин войны? До моего рождения драконы и люди жили в мире, – настойчиво продолжила я, ведь по рассказам моей няни, заставшей былые времена, хотя бы это точно было правдой. – Зачем моему отцу и ярлам убивать их детей?

– Понятия не имею, – сказал Дайре то, что, как я думала, он не скажет никогда в жизни, имея столь глубокие по-

знания в области истории и такое непробиваемое самолюбие. – Вы слышали, о чём сплетничали ваши гости на пире? По сей день многие верят, будто, испив драконьей крови, можно самому стать драконом. Или обрести способности к сейду, даже если ты не предрасположен к нему от рождения. Глупые байки! Вы знали, что драконам, даже Старшим, недоступен сейд, а их превращения – всего лишь природный механизм? То же самое, как наши дети выплёвывают молочные зубы, чтобы выросли коренные. Мир, заключённый Великой Дейдрре, так и не вдохновил остальных королей и королев на то, чтобы последовать её примеру. Лишь несколько человек присоединились к ней. Большинство же оказались не рады перспективе жить бок о бок с существами в пять раз крупнее и в столько же раз умнее. Керидвен, например, столетиями промышлял тем, что охотился на них и продавал по частям, как норок или зайцев из-за роскошных мехов. А разве алчность и зависть – недостаточные причины для войны?

Дайре ловко перескочил несколько поваленных брёвен, перегородивших тропу, и развернулся, ожидая, когда я и хускарлы сделаем то же самое. Из-за выпавшего за ночь снега лошади шли крайне медленно, но это было как никогда кстати, потому что я могла узнать всё, что хотела.

– Только не пытайтесь обсудить это с отцом. Искусство лгать – искусство королей. Возможно, вам лучше спросить Соляриса, – добавил Дайре, когда я, крепко прижав колени к бокам лошади, чтобы удержаться в седле, всё-таки пере-

прыгнула препятствие следом за ним. – Хотя он, увы, тоже освоил это искусство в полной мере...

– При чём здесь Солярис?

Дайре закусил нижнюю губу, делая вид, что, свесившись с седла, не избегает моего взгляда, а попросту подтягивает ремешки стремян, опустившихся слишком низко. Интуиция подсказала мне, что я только что задала тот самый вопрос, ради которого, возможно, весь этот вычурный разговор и затевался. Очередная провокация?

Тишина, наступившая от молчания Дайре, казалась мне оглушительной. Лес будто до сих пор не проснулся: здесь не пели птицы и больше не хрустели ветвями животные, как в начале дороги. Зато впереди я уже видела ровные края идеально круглого озера, напоминающего жемчужину. Укрытое не только льдом, но и снегом, озеро практически сливалось с пейзажем и оттого выглядело совершенно непримечательно зимой. Но вот в другое время года...

– Что это за место? – поинтересовался Дайре так, будто моего прошлого вопроса не прозвучало.

Я остановила свою лошадь на верхушке склона, после спуска с которого мы должны были очутиться прямо на берегу, и мечтательно улыбнулась, позволив приятным воспоминаниям отвлечь меня на минуту.

– Это Цветочное озеро.

– Цветочное?

– Его так называли, потому что летом вокруг распускаются

белые ландыши и красные маки. Они застилают собою весь берег от кромки воды до кромки леса и идут вдоль всей дороги до замка, прокладывая путь. К Изумрудному морю довольно сложно спуститься из-за обрыва, поэтому в знойный сезон мы с Солярисом приходим охладиться именно сюда. А ещё поговаривают, будто именно возле этого озера Дейр-дре решила основать собственный туалет, когда её, полукровку, изгнали сиды из своего царства. Здесь же она вступила в брак с влюблённым в неё духом ветра и зачала мой род. Однако я люблю это место по другой причине...

«Я люблю его, потому что однажды оно спасло мне и Солу жизнь», – хотела добавить я вместе с историей о нашем первом падении, но не успела.

– Значит, божественное озеро? Как интересно! Посмотрим поближе? – выпалил Дайре и, поправив меховой плащ, рванул с места.

Его караковый конь перешёл на галоп и оставил меня позади быстрее, чем я успела возмутиться и в который раз напомнить ему о манерах. Солнечная фыркнула в ответ, выражая своё возмущение за нас обоих, ведь всё, что мне оставалось в такой ситуации, – это, закатив глаза и кивнув хускарлам, последовать за Дайре.

– Красиво... – донёсся до меня его шёпот, когда ярл, переведя жеребца на спокойный шаг, без раздумий ступил на замёрзшее озеро.

Там, где конь Дайре оставлял в снегу углубления от под-

ков, виднелся лёд, похожий на витраж окон в моей спальне. Кристально прозрачный, как настоящее стекло, и необычайно странного цвета – одновременно и голубой, и лиловый, и перламутровый. Сквозь него можно было увидеть пёстрых рыб, проплывающих у самой поверхности, но тем не менее лёд был необычайно крепок и даже не хрустел там, где Дайре шагал по нему. И где зашагала я, когда он обернулся ко мне с ехидным прищуром и приглашающей улыбкой.

– Драгоценная госпожа! – услышала я призыв хускарла. – Это может быть опасно.

– Ничуть, – ответила я. – Мы с Солярисом приземлялись здесь прошлой зимой, а лёд даже не треснул. Что ему будет от пары лошадей? В месяц воя из этого льда можно ковать оружие – он прочнее немайнской стали!

И это было правдой, потому я и не боялась, идя за Дайре, который вёл себя точно ребёнок, восторженно охая и крутя головой. Мне нельзя было отставать от него, нельзя было показывать слабость или любопытство, ведь наша прогулка напоминала испытание: кто ведомый, а кто ведущий? Кто первым впадёт в отчаяние и сбросит маску? Поэтому я молча ехала следом, пока Дайре не достиг центра озера и не развернул свою лошадь ко мне. Неожиданно посыпавшийся снег лёг на его чёрный плащ, и я запрокинула голову вверх: кажется, вот-вот начнётся снегопад. Судя по белой пелене, вновь обесцветившей небо, он вполне мог обернуться зверской метелью.

– Ну что, посмотрели на озеро? – спросила я устало. – Мне не нравится погода. Месяц воя непредсказуем, так что, боюсь, нам придётся ограничиться одной достопримечательностью. Лучше вернуться в замок.

– Простите меня, госпожа, – произнёс Дайре вдруг, стягивая замшевую перчатку с правой руки.

– За что? – нахмурилась я. – У вас ещё есть возможность рассказать мне о Красном тумане. Путь обратно тоже займёт время...

Дайре покачал головой. Его перчатка упала в снег, обнажая ладонь – безукоризненно гладкую без каких-либо намёков на рану, что должна была остаться от меча-спаты, закрепившего принесённый гейс. Ни запёкшейся крови, ни красной плоти, ни шрамов – только ложь.

– Простите меня, – повторил Дайре. – Но я не могу допустить, чтобы весь мир исчез.

– Госпожа!

Я обернулась на хускарлов, чьи лошади тут же ринулись вперёд, силясь преодолеть ту часть озера, что разделяла нас, но было поздно: нечто просвистело в воздухе над самым ухом, и под копытами моей лошади разошлась широкая трещина. В мгновение ока она превратилась в разлом.

Это было невозможно! Я точно знала, что в месяц воя Цветочное озеро замерзает намертво, непробиваемое даже драконьими когтями... И всё-таки лёд треснул, а его обломки, острые, как копья, разлетелись во все стороны. Ледяная

вода поглотила нас за секунду. Я почувствовала, как меня тянет вниз под весом собственной одежды и напуганной лошади. Водоворот выбил меня из седла и, закружив, поменял нас с Солнечной местами. Руки запутались в поводьях, ноги зацепились за стремяна, а вода обожгла лёгкие. Напоследок я увидела спину стремительно уносящегося чёрного всадника, а затем всё поглотила тьма озёрной глубины, лишив меня зрения и надежды.

Всё, что я слышала, – это ржание тонущих лошадей, крики хирда, уходящего под воду следом, и жуткий треск, распространяющийся всё дальше и дальше по всему озеру. Целую минуту моё тело билось в агонии: грудь жгло и распирало, ноги и руки сводило судорогой от холода, а дикий, животный страх путал мысли, заставляя извиваться и думать лишь об одном: *жить, я так хочу жить!* Но моя жизнь заканчивалась, прямо здесь, на дне Цветочного озера, где я должна была умереть ещё в тринадцать лет. Видимо, сколько ни убегай от судьбы, она всё равно тебя догонит.

Когда острая боль ушла и агония начала затухать, я поняла, что вместе с тем затухает и моё сознание. В какой-то момент я даже перестала чувствовать холод – только давление толщи воды над собой и то, что меня снова тянет куда-то, но уже не вниз, ко дну, а вверх.

– Руби! Рубин!

Чтобы затухающее сознание снова вспыхнуло, раскалившись добела, мне потребовался всего один удар в грудь. За-

тем несколько минут меня, перевернувшись на бок, рвало водой, пока она полностью не вышла из желудка и лёгких. Солнце казалось ослепляющим после той тьмы, что едва не сожрала меня с потрохами, но глаза Сола, крепко держащего меня за плечи и убирающего мокрые волосы с лица, казались в тысячу раз ярче.

– Вот так, – одобрительно прошептал он, мягко похлопывая меня по спине, пока я выкашливала остатки ледяной воды. – Умница.

Я опрокинулась на спину, восстанавливая дыхание, и повернула голову к озеру, на берегу которого лежала. Льда на нём больше не было: обломки торчали по краям, а вода бежала мелкой волной и странно бурлила, словно переваривала несчастных. Ни здесь, ни на противоположном берегу не было ни лошадей, ни воинов – очевидно, они не смогли выбраться, ведь их некому было спасти так, как Солярис снова спас меня.

– Солнечная... – выдавила я хрипло и не узнала собственный голос: он скрипел, как несмазанные дверные петли, и одновременно булькал от ободравшей горло воды. Но почему-то всё, о чём я могла думать в этот момент, трясущаяся от страха и холода на студёной земле, – это о подаренной мне лошади, утонувшей тоже. Прекрасная соловая кобыла с красной ленточкой в волосах...

– Пойдём отсюда, Рубин.

Солярис поднял меня на руки так же легко, как делал это

в детстве. Собственное тело больше не казалось мне тяжёлым и неповоротливым, как там, в воде, и я опустила глаза, чтобы проверить: ни мехового плаща, ни верхнего платья на мне больше не было. Очевидно, Солу пришлось порвать их и сбросить с меня ещё в озере, чтобы облегчить нам всплытие. Остались лишь нижнее платье из льна, наручи и сапоги, из которых тоже сочилась вода. Мокрая ткань облепила грудь и живот, но это мерзкое чувство наготы, холода и дискомфорта немного притупилось, когда Сол прижал меня к себе.

Несмотря на то что он никогда не мёрз, а потому всегда расхаживал зимой в одной рубашке, сейчас на нём было несколько слоёв одежды: туника, стёганный кафтан, шерстяной плащ с капюшоном. В последний Сол и завернул меня, расстегнув нашейную фибулу. Пускай это помогло мало, я всё равно с благодарностью кивнула и сосредоточила плывущий взгляд на его лице. В ломаной линии сжатых губ читалась тревога, а в сощуренных от снегопада глазах – чистая ненависть. Если бы не я, беспомощно висящая у него на шее, Сол, несомненно, уже пустился бы за Дайре в погоню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.